

Марина Эльденберт



ХРОНИКИ БАСТАРДА:
КВ

Соавтору, подруге и сестре — с любовью.

Без тебя эта история не была бы написана.

Пролог

Париж, Франция. Весна 1913 г.

По комнате плыл сладковатый запах курительных трав, мускусных духов и какой-то еще ароматической дряни. Риган не выдержал, ловко перепрыгнул через развалившуюся в истоме Франсуаз и распахнул окно. Сразу стало легче. Обостренное обоняние отказывалось воспринимать жуткую какофонию благовоний, а уходить было рано: Риган еще не наигрался.

— Эй! — наигранно-капризно запротестовала девица. — Мне холодно!

— Я что-нибудь придумаю, — ухмыльнулся он, возвращаясь к ней. Она была в его вкусе: светлокожая, с большой грудью, но не полная. Рыжий — натуральный цвет, с веснушками рассыпанными по всему телу, даже в самых интересных местах.

Риган перехватил ее запястья, вжимая проститутку в атласные простыни и целуя шею. Не так давно во Франции удумали прикрыть бордели, но к счастью на расторопность большинства представительниц древнейшей профессии это никак не повлияло.

Девчонку он заметил неделю назад, когда приходил на квартиру к Джульет: она сидела на коленях у какого-то жирного говножужа и хихикала. Смех у нее был тоненький, залиvistый, необычный. Девицы, чтобы привлечь к себе внимание, использовали самые забавные уловки. Франсуаз выбрала смех, и не прогадала.

Вот и сейчас она рассмеялась, когда его язык дразняще скользнул в ямочку между ключицами, ее самое чувствительное местечко, и Риган фыркнул в ответ.

— Все еще холодно?

— Нееет, — она вытолкнула это короткое слово с придыханием, а он обхватил губами ее большой розовый сосок, играя с ним языком.

Кому что, а в женской красоте Риган ценил грудь. Он не обошел вниманием ни один миллиметр пышного бюста. А пока Франсуаз выгибалась под ним, напрочь позабыв об открытом окне, сам завелся не на шутку. Перед глазами некстати возник совершенно другой образ, который остался в далеком прошлом и о котором он запретил себе думать почти восемь десятков лет назад.

Риган вошел в нее резко и яростно, впился зубами в плечо. Франсуаз пискнула от столь явной смены ощущений, но тут же расслабилась, податливо разводя бедра.

Чуть позже, подперев рукой подбородок, он задумчиво разглядывал свежую ранку на ее плече. Запах пробуждал инстинкты, справиться с которыми было нелегко, а жалкая толика крови здорово раздражила аппетит. Раньше он не задумывался о последствиях, но сейчас убивать проституток казалось пошлым. Не хотелось лишний раз возиться с телом и разбираться с возможными свидетелями.

— Ты всегда такой горячий? — поинтересовалась она, провела рукой по его груди и животу, накрыла ладонью член и легко сжала.

«Вот ведь ненасытная сучка», — подумал Риган с восхищением. Третий раз подряд, а ей хоть бы хны. Выглядит, правда, уже не такой бодрой, но по-прежнему рвется в бой. Ее запах говорил о желании.

— О чем ты думаешь? — Франсуаз не дождалась ответа и продолжала поглаживать член в заходе на очередную прелюдию.

— О временах.

— О временах?

— Мечтаю, что когда-нибудь настанут такие времена, что женщин можно будет снимать на улице и трахать совершенно бесплатно.

— Грубиян! — она ударила его кулаком в грудь и снова засмеялась.

— Я ирландец, детка. Говорю то, что думаю.

Перед глазами Ригана все еще стоял образ Бланш, и ему захотелось почувствовать вкус крови Франсуаз на своих губах. Пить ее до тех пор, пока слабеющая нитка пульса не оборвется. Такие настроения он в себе не жаловал, поэтому резко оттолкнул ее руку, накинул халат и подошел к окну.

К счастью для Франсуаз, дверь в комнату отворилась и на пороге возникла женщина, совершенно не вписывающаяся в картину обители разврата. Высокая, почти одного роста с Риганом, светловолосая и светлая кожа. Темно-синее платье по последней моде подчеркивало

стройную фигуру. В вырезе виднелось кружево белоснежной блузки, а шляпку украшало длинное перо.

Он сразу догадался, от кого пришел привет. Надо полагать, старый активист так и не избавился от своего маленького фетиша. Плоскогрудые светловолосые отмороженные дамы.

Франсуаз при взгляде на незнакомку непроизвольно потянула на себя одеяло. Решила, что нарвалась на ревнивую жену, жаждущую крови неверного мужа, а заодно и его любовной утешительницы. Как и предполагалось, *ее* мало интересовала проститутка.

Гостья решительно направилась к Ригану и остановилась в двух шагах.

— Здравствуй, Эванс, — поприветствовала она с деловой улыбкой, словно перед ней не стоял полуобнаженный мужчина. Говорила она на французском без малейшего акцента. — Мне стоило немалых трудов разыскать тебя на просторах Франции.

«Милая, это ничто пред трудами, которые наверняка предстоят мне», — подумал Эванс, и вместо ответа с шутовской улыбкой распахнул халат.

— Дорогая! Зачем же так официально? Присоединяйся!

Взгляд незнакомки беззастенчиво прогулялся по телу сверху вниз, и ее улыбка превратилась в игривую.

— Меня предупредили насчет твоих талантов, — она прижалась к нему всем телом и прошептала на ухо. — У меня для тебя задание.

Франсуаз только хлопала глазами, став невольной свидетельницей их беседы, и сейчас в ее глазах мелькнуло любопытство.

— Ты специалист в определенной области, поэтому лучшего исполнителя не найти, — усмехнулась она. — К тому же ты оказался поблизости. Все дело в женщине.

— Женщины — мое призвание, — Риган ловко обогнул ее, подхватил брюки, натянул их и чмокнул Франсуаз в щеку. Достал из кармана несколько монет, и, подбросив их на ладони, вручил ей — стандартная плата за ночь плюс две суммы сверху. — Ни в чем себе не отказывай, моя радость.

— Поверю на слово, — хмыкнула в ответ светловолосая. — От твоих талантов зависит успех дела.

Застегивая рубашку, он беззастенчиво рассматривал новую знакомую. Она явно принадлежала к разряду женщин, за которыми надо долго бегать, прежде чем уложить в постель. При этом маловероятно, что сам окажешься сверху.

Она подождала, пока Риган оденется, и только после направилась к двери. По всей видимости, ей совсем не понравилось колесить по Франции, и еще меньше хотелось растягивать удовольствие.

— Риган, ты вернешься? — донесся запоздалый вопрос Франсуаз.

Вместо ответа он послал ей воздушный поцелуй, шутливо поклонился и прикрыл за собой дверь.

Вместе с возжелавшей остаться безымянной дамой, они спустились вниз и вышли на улицу. Прохладный ночной воздух был приятнее приторно-удушливых комнат Франсуаз.

— Задание просто пустяк, — бросила она. — Нужно раздобыть одну вещь.

— Так женщину или вещь? — Риган приобнял ее за талию. — О чем мы с тобой говорим в ночи, на грязных улицах Парижа? Поехали ко мне, продолжим беседу в интимной обстановке.

— Одно связано с другим. Я предпочту прогуляться. Кстати, — она протянула ему руку, затянутую в перчатку. — Меня зовут Клотильда.

— Дорогая Кло, — Риган наклонился к самому ее уху, почти касаясь губами бьющейся на шее жилки, — расскажи мне, как загадочная женщина связана с не менее загадочной вещью, и что еще мне предстоит сделать помимо весьма приятной стороны задания.

Она не отодвинулась, принимая правила игры, не вздрогнула от откровенного прикосновения. Видимо, сочла его забавным.

Риган прикидывал, сколько ей лет. Триста, четыреста, пятьсот? Его знакомство с одной из подручных Властелина Мира Сего случилось не так давно. Милая оказалась женщина, во всех отношениях. Задала знакомству ритм инквизиции, со всеми причиндалами, включая каленое железо и прочие радости жизни еретиков. Разве что на костер напоследок не отправила.

Он до сих пор не был уверен в том, сколько веков осталось у Ильги за плечами. По ощущениям, никак не меньше четырех. Она

открылась один-единственный раз, во время подставы в Венеции, когда потеряла сознание. Интересно, сама Ильга помнит об этом?

Что касается хорошеньких женщин, встречавшихся ему на пути, Риган запоминал все или почти все. Наполовину ирландец, наполовину англичанин, унаследовав от знатного папаши черные, как смоль, патлы, фамилию Эванс, сводного брата-недоноска и прозвище Бастард¹, со своей человеческой жизнью он распрощался в тысяча восемьсот двадцать первом.

Пьяная драка в подворотне, ножевое ранение — и привет тебе, святой Патрик, где бы ты ни был. Встречу пришлось отложить, потому как на горизонте нарисовался светского вида измененный, имевший на Ригана виды и спасший ему жизнь.

Обломавшись в лучших порывах души в отсутствии благодарности, второй несостоявшийся папаня вскоре отбыл восвояси, и Эванс отправился в свободное плавание. Что, кстати сказать, его только обрадовало. Женщины, и без того уступчивые и благодушно настроенные к красивому парню, теперь просто падали к его ногам. Они любили Ригана, а Риган отвечал им взаимностью. Чаще всего, когда не выпивал досуха.

— Эва Ламбер не догадывается, что обладает редким сокровищем, — голос Кло вернул его в реальность. — Тебе нужно лишь забрать у нее одну безделушку и передать мне.

Она достала из ридикюля конверт и вручила Ригану.

— Здесь ты найдешь эскиз интересующей нас вещицы и адрес, по которому можно найти мадмуазель Ламбер.

— Когда найду, могу я рассчитывать на... — Эванс сделал паузу и положил руку на ее аппетитный зад, — твою личную благодарность?..

Кло быстро коснулась губами его губ. Обнимая ее, Риган подумал о том, что иногда острые углы огибать не стоит. Особенно если это бедра привлекательной женщины.

— В качестве аванса, — она легко оттолкнула его, пресекая любое продолжение. — Адрес для обратной связи тоже в конверте. До новых встреч.

Проводив ее взглядом, Риган присвистнул. Открыл конверт, обнаружил там изображение непонятной подвески-загогулины, напоминавшей мещанскую побрякушку с поправкой на древний стиль, и покачал головой. Зачем Дариану потребовался антиквариат, вряд ли знает даже его хорошенькая связная. Свои секреты тот надежно хранит в древней черепной коробке.

Пункт его назначения — небольшой городок Женвилье, к северу от Парижа. Угроздило же Эву родиться в такой глухомани. Наверняка там даже как следует не развлечешься, а все местные красотки разобраны по мужьям, не особо настроенным обзаводиться рогами. Определенно обнадеживало, что от Парижа до Женвилье рукой подать. Улыбнувшись собственным мыслям, Риган направился в сторону дома, где снимал комнату. Завтра вечером можно приниматься за дело, а пока... Ночные прогулки полезны. Особенно если ты *измененный*.

Глава 1

Женвилье, Франция. Весна 1913 года.

Городок на поверку оказался не таким дерьмовым, как предполагал Риган. До Парижа можно при желании было дойти пешком, неспешным прогулочным шагом, а во-вторых, незамужних пышнотелых красоток там водилось гораздо больше, чем можно себе представить. Большинство из них — с мечтами о богатом муже и об особняке в столице.

До поры до времени местные благополучно занимались фермерством, пока на Женвилье не ступила мощная пята стремительного прогресса. В недалеком будущем город обещал стать промышленным районом Парижа, но Риган и не собирался покупать здесь уютный домик с кружевными занавесками на окнах и милым палисадником на заднем дворе.

Эва Ламбер тоже не собиралась. Из того, что Риган успел разузнать от чересчур сговорчивых — еще бы, под внушением-то — соседей, она постоянно находилась в разъездах, и застать ее на месте было невероятно.

Ему невероятно повезло, потому что Эва оказалась в городе. За домом в ее отсутствие следила старушка-экономка, из которой сыпался песок, и Риган впервые задумался о том, чтобы поставить кого-нибудь ухаживать за родовым гнездом неподалеку от Ньюкасла. Пока что он обходил особняк лорда Эванса стороной, но со временем все меняется. Может статься, лет через пятьдесят ему захочется погреть свои молодые старые кости в папашиной гостиной у камина.

День мадмуазель Ламбер напоминал обычные будни провинциалки. Утром Эва покупала молоко и хлеб, потом не спеша возвращалась домой, и до обеда работала в своем кабинете.

Риган развлекался тем, что созерцал ее более чем привлекательный профиль в окне за легкими полупрозрачными занавесками из дома напротив. Там жила очаровательная молодая вдовушка, с которой они неплохо проводили время. Вчера Риган возил ее в Париж и купил несколько пар прелестных перчаток на ее изящные ручки, в подарок. Было ради чего стараться: следы от собственных зубов на запястьях стоило скрывать, к тому же он любил доставлять женщинам удовольствие. Во всех смыслах.

С заданием можно было разобраться гораздо быстрее, но Кло не поставила сроков. Само по себе странно, но в случае с Дарианом странностей всегда было больше, чем нормальностей, и Риган не переживал. Помимо прочего, к хорошеньким женщинам он питал слабость, а Эва была прехорошенькой. Не пышка, но и не доска. Есть за что подержаться, и ничего лишнего из одежд не выпирает. Темноволосая, невысокая, с выразительными темно-зелеными глазами — как-то они «случайно» столкнулись на улице, и он перехватил ее быстрый, безразличный взгляд.

Риган предвкушал долгую охоту и интересный приз. Разумеется, волновала его не побрякушка, которая понадобилась Древнему Злу для украшения монаршей уборной.

После легкого обеда Эва выбиралась за город и несколько часов проводила на свежем воздухе с книгой — первые теплые деньки после стужи и холодов неизменно манили людей на лоно природы.

Наблюдать за ней было одно удовольствие, тем более что выбирала она отнюдь не уединенные места, где слежка превратилась бы в мерзкие посиделки в кустах в ожидании очередного муравья в заднице, а излюбленную поляну для пикников, куда на выходные приезжали даже парижане. Вечера она проводила в кабинете, иногда засиживалась допоздна и пару раз засыпала прямо над книгами.

Чего именно он ждет, Риган и сам не мог понять: в его делах с женщинами все заканчивалось быстро. На сей раз ему захотелось азарта, предвкушения, прелюдии. Ему нравилось быть частью ее жизни, пусть даже она сама об этом не подозревала.

Ему нравился ее запах: естественный, едва уловимый с примесью лесных трав и книжных страниц древних фолиантов, с которыми она проводила большую часть времени. Риган представлял, какой она будет на вкус, во всех смыслах, и после таких мыслей долго и со вкусом трахал любезно предоставившую ему кров вдовушку.

В отсутствие Эвы он исследовал скромный двухэтажный дом, некогда принадлежавший ее отцу: начиная с гостиной и заканчивая чердаком. Не нашел ни намека на что-то похожее на заданную цель, чему несказанно обрадовался.

Он знал, что как только сделает первый шаг и игра начнется, она перестанет быть для него интересной. Все закончится быстрее, чем можно себе представить. Секс, несколько жарких ночей, а потом он заберет безделушку, выпросив у нее все, что касается вещицы. Заберет и уйдет, возможно, запомнив вкус ее крови на губах. И в этом тоже была своя прелесть.

Спустя неделю, в один из пасмурных дней, Риган решил, что пора переходить к делу. Он нашел ее во время обеденного отдыха. Проходя мимо, остановился и посмотрел на даму сверху вниз.

На Эве было прелестное бежевое платье с треугольным вырезом и завышенной талией. Она не носила шляпок и просто забрала волосы наверх. Современная женская мода не предполагала глубоких декольте, и Риган вздохнул с искренним сожалением.

— Добрый день. Позвольте присоединиться? — он очаровательно улыбнулся, обращаясь к ней на отличном французском.

В свое время Риган потратил полгода рядом с привлекательной гувернанткой в возрасте, чтобы овладеть языком любви, как бы двусмысленно это ни звучало. Совершенство языка рядом с женщиной постигаешь во всех смыслах, и Риган не считал, что время было потрачено зря.

Не дожидаясь ответа, он устроился рядом с Эвой на пледе, заглянул в глаза.

Она оторвалась от книги с явной неохотой и посмотрела на него так, будто он разрушил, по меньшей мере, четыре ее воздушных замка: растерянность вскоре сменилась недовольством.

— У меня свидание с Прустом, месье. А вы тут явно лишний, — Эва очаровательно улыбнулась в ответ, показала ему обложку книги и снова уткнулась в нее. По всей видимости, пребывала в уверенности, что он сейчас зальется краской, или напротив, побледнеет, промекает

извинение в унисон с овцами местных фермеров и вскоре сольется с окружающим пейзажем.

— Пруста здесь нет. Простите мне мою жестокость, но Марсель о вас даже не знает, — Риган приложил руку к груди — туда, где согласно всем трудам по анатомии у него располагалось сердце, — а я здесь. Влюблен и счастлив просто говорить с вами.

«А если сейчас выйдет солнце, я в считанные минуты словлю сильные ожоги благодаря вашей несговорчивости».

Солнечные лучи — пакостная штука для измененных. Приписанного легендарного вреда а-ля обращение в пепел не причиняет, но сжигает на раз, особенно незащищенные участки кожи. Риган не хотел проверять, но подозревал, что если пару часов посидеть голым на солнышке, так или иначе можно превратиться в обугленную головешку и умереть.

Поэтому сегодня, несмотря на пасмурную погоду, он экипировался по полной: привычный повседневный темный костюм дополняли перчатки и шляпа, поля которой защищали от солнца. Сложно соблазнять даму с лицом, покрытым красными пятнами и слезающей с рук кожей.

— Влюблены? — удивилась Эва, оторвавшись от книги. — Не обманывайте себя. Вы меня даже не знаете. А я не знаю, почему вообще трачу на вас свое время.

— Вы же читаете Пруста, — почти искренне изумился Риган, — и наверняка понимаете разницу между влюбленностью, навеянной мне представившимся образом, и глубоким, светлым чувством, что зовется любовью, — на сей раз он не стал повторять трюк с рукой и сердцем,

просто внимательно смотрел на нее. — Что же касается вашего времени, то здесь все понятно: я вам тоже нравлюсь. Вряд ли вы станете разговаривать с тем, кто вам совершенно не интересен.

— Какая наглость! — воскликнула Эва и неожиданно расхохоталась. Смех ее даже отчасти не напоминал звенящую завлекалочку Франсуаз, зато был веселым и искренним. — Начало было не очень удачным, но потом вы исправились. Тренируйтесь и все красавицы будут ваши.

Она захлопнула книгу и по-мужски протянула ему руку.

— Эва Ламбер. Для друзей просто Ив.

— Приятно познакомиться, Ив, — Риган проигнорировал мужской жест и не выказал удивления по поводу неженского имени. Он легко коснулся губами кончиков ее пальцев и откровенно заглянул ей в глаза. — Станете моей учительницей?

«Утехи и дни» значилось на обложке книги. Риган мигом припомнил парочку новелл, которые читал, дабы растащить на цитаты для покорения женских сердец, но строки почему-то сейчас не вспоминались. А вот заставить себя оторваться от ее глаз он не мог.

— Вряд ли, — улыбнулась Ив, не отводя взгляда. Она отняла руку, немного смутившись старомодного приветствия. Прикосновение взволновало ее, Риган слышал, как забилося ее сердце. Вне всякого сомнения, он ей понравился, это было очевидно. — Как преподаватель я бездарна. Тем более в науке любви. Так что придется вам обратиться к кому-нибудь другому, месье... Вы не представились.

— Я же говорил, что влюблен, а вы мне не поверили. Совсем голову потерял, — прозвучало искренне. Он действительно забыл назвать ей свое имя, что делал при первом удобном случае, представляясь с особым смаком. Подобное упущение действительно выглядело необычно, из ряда вон. — Риган Хэйс-Эванс.

В отличие от большинства измененных, легендами Риган прикрывался редко и только при необходимости. Ив, кажется, не спешила верить в его искренность. Она вела себя странно. Несмотря на явный к нему интерес, будто отказывалась принимать в самой себе женщину.

— Англичанин? Ваш французский безупречен, — похвалила она и тут же тяжело вздохнула, хотя в глазах искрился смех. — Мне хотелось бы верить, что у меня есть другие достоинства помимо смазливового лица.

«Что касается ваших достоинств, я здесь, чтобы познать их в полной мере», — весело подумал Риган. Вслух, правда, произнес совсем другое.

— Уверен, что есть. И мне безумно хотелось бы узнать вас получше, чтобы подтвердить свою теорию. Вы позволите мне это, Ив?

Он снова поразился тому, насколько живая у нее мимика, и как откровенно она себя ведет. Откровенно — не значит пошло, вызывающе, соблазнительно.

Риган встречал множество женщин, начиная от наивных дурочек, которые в его присутствии краснели, бледнели и заикались, и заканчивая опытными искусительницами, в присутствии которых первые годы доводилось краснеть и ему, но такой искренности не

замечал ни в ком. Было все, что угодно: кокетство, маски, наигранно-напускное безразличие, приторное внимание, показательные восторги, но только не правда. Она же совершенно не боялась показаться невежливой, нетактичной или выдать свое смущение.

Вот и сейчас Ив нахмурилась и прикусила губу, размышляя о том, стоит ли продолжать знакомство с ним. Риган молча изучал ее лицо и следил за сменой эмоций, которые для него были почти как на ладони. Ему действительно было интересно услышать ответ.

— Мы можем встретиться здесь завтра после обеда, — предложила она.

И он действительно пришел на следующий день. Ригану не составило бы труда сделать так, что она пригласит его к себе, но он не хотел. Впервые за долгое время попался интересный образчик женщины, и ему хотелось исследовать ее от и до.

Они встречались несколько дней подряд, и во время встреч говорили обо всем на свете. Ив уже успела повидать мир, а кроме того, много читала, и ему пришлось вспомнить всех некогда зачитанных для образа философов, поэтов и даже некоторых ученых мужей, чтобы произвести на нее впечатление. Это было необычно, но весело!

— Приходите сегодня на ужин, — предложила она на третий день знакомства, и в ее интонациях Риган прочел не желание, не собственнические нотки жажды обладания, а искренний интерес к общению с ним. Она всерьез собиралась провести и вечер с ним в дружеских разговорах, а не в постели. — Но если вдруг вы сегодня заняты, приходите завтра.

— Для вас я всегда свободен, — ответил Риган, а про себя подумал, что Ив Ламбер самая странная женщина, которую ему довелось встретить за всю жизнь.

Глава 2

Одним из своих главных достоинств Ив считала прямолинейность. Что толку разводить разговоры ни о чем, ходить вокруг да около, если можно сразу высказать свое мнение? Окружающие наоборот находили такую привычку недостатком, что зачастую спасало Ив от ненужного общества.

Когда к ней подсел странный мужчина и завел беседу, она откровенно призналась ему, что не заинтересована в знакомстве, но его вовсе не смутило ее безразличие. В отличие от большинства молодых людей, пытающихся закрутить с ней роман, он не сбегал сразу, ступешавшись и испугавшись трудностей. Это и подкупило.

Несмотря на миловидную внешность, у Ив не было поклонников. Она часто разъезжала по миру, не задерживалась на одном месте, и настолько увлекалась делом всей жизни отца, что на ухажеров просто не хватало времени. Она даже специально представлялась именем, которым отец окрестил ее в детстве за мальчишеский характер.

Ей нравился дом, здесь все напоминало о папе, но Женвилье казался ей невыносимо скучным. Книги и записки археологов были единственной отдушиной. Месье Эванс попал в самую точку, сказав, что она жаждет общения. Ив понимала, что ведет себя беспечно, но неожиданно пригласила его на ужин.

Поспешив после встречи домой, она уже сомневалась, правильно ли поступила. Риган Хэйс-Эванс казался интересным собеседником, и ему удавалось ее рассмешить. Но все же не воспринял ли он приглашение Ив превратно, как намек на желание сблизиться? Мысль об этом невольно заставила ее покраснеть.

Сообщив Жюли, что у них к ужину будут гости, Ив, сдерживая радостное возбуждение от того, что не придется проводить вечер в одиночестве, поднялась наверх. Лишь услышала вдогонку:

— Наконец-то! Слава тебе Господи!

Жюли работала у них еще при жизни матери. Ив плохо помнила те времена, потому что была совсем маленькой, но годы, проведенные в их доме, доброе сердце и любезное отношение со временем позволили Жюли стать членом семьи. Они с ней часто спорили о том, что в родном городе Ив превратилась в затворницу. Жюли убеждала Ив бросить свои приключения и задуматься о семье, детях. «То, что хорошо для мужчины, негоже для мадмуазель», — говорила она. Ив отвечала, что не создана быть бесправным дополнением к супругу, да у нее и не получится сидеть на одном месте, это же так скучно!

Чтобы найти себе мужа, необходимо было уехать в Париж и посещать светские рауты, при воспоминаниях о которых ей хотелось отправиться куда подальше, к примеру, в Австралию. Подальше от скучных бесед и узколобых людей. В конце концов, в их времена женщины могли и вовсе обойтись без мужей, а наследства, оставленного отцом, ей с лихвой хватит на то, чтобы обеспечить Жюли и себе безбедную старость.

Вот если бы она встретила человека, который бы позволил ей заниматься археологией, родственную душу, с кем могла бы разделить радость своих открытий и путешествия.

В свои двадцать два Ив уже не считалась девицей на выданье, скорее старой девой. К счастью, в последние десятилетия мир стремительно менялся, и ей уже не грозило это почетное звание в глазах общества, разве что за глаза.

Она отказалась от поклонников и встреч, все больше погружаясь в исследования, начатые ее отцом. В экспедициях она встречала множество мужчин со схожими интересами, но все они либо оставляли дома жен, либо интересовались исключительно археологией. Любое внимание к ней Ив пресекала сразу же и знакомые-археологи со временем привыкли воспринимать ее как коллегу.

Ив прошла в будуар, который служил кабинетом, а нередко и спальней. В небольшой комнате помещались три стола, кушетка и напольные часы. Все поверхности, включая широкий подоконник, были завалены книгами, эскизами и письмами, что создавало ощущение немыслимого беспорядка.

По словам Жюли, комната напоминала свалку. Чтобы что-то обнаружить, необходимо было его откопать в недрах завалов. Иногда ей приходилось работать прямо на полу. Бессчетное множество раз Ив старалась прибраться и упорядочить свои архивы, но через неделю пребывания дома комната волшебным образом приобретала прежний вид.

Она могла использовать кабинет отца, но его комнаты являлись неприкосновенными. Ив могла разве что прийти «в гости» и почитать

книгу в уютном кресле. Мысль о том, чтобы осквернить хламом его комнаты, казалась чудовищной.

Перепрыгивая через карты, Ив поправила стопку книг, которые едва не повалились, и прошла в спальню. Комната в зеленых тонах была менее обжитой, чем соседняя. Здесь стояли трюмо, большой комод и деревянная ширма. На узкой кровати Ив ночевала, когда не уставала слишком сильно и не засыпала в обнимку с фолиантами.

Переодевшись в домашнее платье, она вернулась к работе, но не могла выкинуть из головы Ригана Эванса. В первую встречу он сказал, что его привлекла ее внешность. И кто тянул ее за язык пригласить его к себе? Ив привыкла к команде археологов, которую возглавлял ее опекун и лучший друг отца. Все мужчины относились к ней с уважением. С другими она практически не общалась, и на то были свои причины. Невеселые воспоминания нахлынули на Ив.

Она путешествовала с Тома Дюпоном с восемнадцати лет. Опекун поддерживал в Ив жажду приключений. Она заменила ему дочь, но даже он не смог уберечь ее от сердечных ран.

Юная и романтическая Ив, как и все девушки ее возраста мечтала о любви. Британец Джордж Уилсон прекрасно подошел на роль принца. Кареглазый шатен с обаятельной улыбкой, настоящий джентльмен. Он путешествовал вместе с ними и ухаживал за подопечной Дюпона. Тогда Ив казалось, будто она центр его Вселенной. Он соблазнял Ив не спеша, тонко и расчетливо.

Все рухнуло в ту ночь, когда она сама пришла к нему. Ив так нервничала, что все делала неправильно. Галантный и нежный Джордж превратился в самца, которого заботило только собственное

удовольствие. Боль, торопливые движения и неправильность происходящего — все, что запомнила Ив о сексе.

Его не удовлетворил один раз, и все повторилось снова. Не о таком она мечтала. Когда Джордж заснул, Ив лежала в постели гостиничного номера и смотрела в потолок, чувствуя, как по щекам бегут слезы. Думала, что так быть не должно, и что ей не стоит выходить замуж — она просто не выдержит секс каждую ночь.

Она любила Джорджа, но то, что произошло между ними, скорее напоминало кошмар, чем удовольствие. Не изменила ее впечатлений и следующая ночь, и третья. Ив просила его быть осторожнее, но Джордж отмахивался и говорил, что у женщин так всегда, надо перестать капризничать и научиться получать удовольствие.

После такого заявления она несколько дней избегала Джорджа, хотя тот не прочь был продолжать, а потом все решилось само собой. В их лагерь приехала Маргарет Уилсон, жена Джорджа, безумно по нему скучавшая.

Про Ив она могла узнать разве что от супруга, потому что больше об их тайных встречах никто не знал. Англичанка прилюдно назвала ее потаскухой и влепила пощечину.

Благо, Тома оказался рядом и встал на ее защиту. Он выставил Джорджа из команды и велел никогда больше не появляться в поле его зрения, а Ив, после ночей проведенных в слезах, решила больше не связываться с мужчинами. Она перестала мечтать о любви и окунулась в другую страсть — поиски древностей и приключения.

Ив не знала, почему Риган всколыхнул воспоминания о Джордже. Внешнего сходства не было. Уилсон уступал ему в росте и красоте.

Темные волосы и светло-серые глаза делали внешность Эванса экзотичной.

Может она вернулась к прошлому, потому что Джордж тоже был англичанином? Но в Ригане не было и сотой доли чопорности и нарочитой манерности, так свойственной британцам, и которая некогда так нравилась ей в Уилсоне.

Ив откинулась на спинку стула, решительно оттолкнув от себя письмо одного из помощников Тома. Глупо приглашать к себе малознакомых людей. Она даже не спросила, что он делает в Женвилье. С чего она взяла, будто он вознамерился ее совратить и почему постоянно об этом думает? Ив снова покраснела и решила, что на ужине сразу установит границы в их отношениях. Она готова составить ему компанию, но не больше.

Углубившись в работу, она чуть не забыла переодеться к приходу гостя. Такое частенько случалось, когда приезжал Тома, и опекун всегда шутил, что Ив относится к племени женщин по какой-то странной случайности.

К одиночеству привыкаешь, и она частенько ела за работой, хотя Жюли такое не нравилось. Для старушки ужин становился ежедневным праздничным ритуалом, поэтому сегодня экономка сияла. Ив удивилась, узнав, насколько Жюли рада появлению гостя.

Девушка облачилась в новый наряд, купленный в Париже. Нижнее платье было изумрудным с глубоким треугольным вырезом. А верхнее — прозрачным черно-серебристым, подчеркивающим талию темным поясом. Платье больше подходило для светского ужина, но было единственной достойной обновкой за последнее время. Покрутившись перед зеркалом, Ив спустилась в гостиную, где уже ждал Риган. Он поднялся и шагнул к ней, легко коснулся губами ее пальцев.

— Вы обворожительны, Ив.

Комплимент смутил, как и откровенный взгляд, которым он окинул фигуру. А улыбка заставила сердце биться быстрее, но это не шло ни в какое сравнение с прикосновением.

— Вы тоже, — честно призналась она.

В ответ он только рассмеялся, протягивая ей руку.

— Самый необычный комплимент, который я слышал. Очаровательная Жюли — признаюсь, не удержался от соблазна с ней поболтать, пока ждал вас, уже сообщила, что стол накрыт так, будто вы устраиваете прием. Все ради меня?

Последнее он произнес шепотом, наклонившись к самому ее уху. По спине Ив побежали мурашки, а ладони вспотели от волнения. Она с трудом сдержалась, чтобы не отпрянуть.

— В нашем доме давно не было гостей, — объяснила Ив, пытаясь прийти в себя. — Месье Риган, прежде чем мы начнем ужин, я хотела сказать...

«Что я не легкодоступная женщина», — последние слова она не могла вытолкнуть из себя. Понимая, что он ждет ответа, Ив выкрутилась и просто намекнула:

— Моя единственная страсть — археология.

— Вы удивительная женщина, — сообщил он, провожая ее в столовую, — в век, когда большая часть женского населения добиваются права наравне с мужчинами сидеть в душных кабинетах от зари до зари, меньшая по старинке озадачена замужеством, горластым выводком и портянками благоверного, вы говорите об одной из самых интересных наук. И давно вы ей увлечены?

Он отодвинул стул, на который опустилась озадаченная Ив. То ли ее новый знакомый не понял намека, то ли просто проигнорировал. Впрочем, его вопрос позволил отвлечься от волнений. О любви к археологии Ив могла говорить часами.

— С трех лет, — с улыбкой призналась она, когда прислужник, нанятый Жюли на вечер, подал им закуску. — Папа привозил из экспедиций различные подарки. Но меня куда больше захватывали его истории о приключениях. Он любил то, чем занимался, а я была самой преданной слушательницей. Поэтому просто не видела себя в чем-то другом. Хотя многие считают, что женщины не созданы для такой работы.

— Работа и любимое дело — разные вещи, — Риган кивнул и поднял бокал, — а для чего мы созданы, решать только нам самим. За наше знакомство и за нашу страсть.

Последнее прозвучало двусмысленно. Он скользнул откровенным взглядом по ее губам, заглянул в глаза и улыбнулся. Ив

глубоко вздохнула, прежде чем пригубить вино. Присутствие Ригана волновало и будоражило. Его интимный шепот в гостиной, тост, волнение, охватывающее тело Ив, когда он к ней прикасался...

— А у вас есть любимое дело? Чем занимаетесь? — ей хотелось узнать больше о своем госте.

— Путешествия, — ответил он, принимаясь за еду, — мир так быстро меняется, что любую страну можно посещать раз в два года и не переставать удивляться.

Неловкость как рукой сняло. Она стала расспрашивать о странах, где ему довелось побывать. Риган рассказывал о таких уголках земного шара, добраться куда Ив даже и не мечтала.

— Ваш дом находится в Англии? Что привело вас во Францию? — продолжала забрасывать его вопросами Ив, позабыв о стеснении и чувстве такта.

— Мой дом — весь мир, а Франция — одна из моих любимых стран, — отозвался он, глядя ей в глаза, — если бы я вдруг решил бросить все и остаться на одном месте, наверняка выбрал бы ее, — рассмеялся и добавил, — вот только оседлый образ жизни не для меня.

— Прекрасно понимаю, — рассмеялась Ив. — Оставшись в Женевилье, я бы покрылась мхом, растолстела и стала бы невыносимо глупой.

— Ничего из этого вам не грозит, Ив, — Риган поднялся из-за стола и подошел к ней. Положил руки ей на плечи, мягко массируя. — Хотя вас я тоже не представляю у камина и со спицами в руках.

Сердце Ив вновь бешено забилося. Она бросила быстрый взгляд на дверь, но слуга как раз отправился на кухню за десертом. Близость Ригана сводила с ума. Ни один мужчина не заставлял ее испытывать ничего подобного. Что в нем такого особенного и почему она позволяет ему то, что никогда не позволила бы никому другому? Последняя мысль отрезвила. Надо все это немедленно прекратить!

— Жаль вас нельзя взять с собой в экспедицию, — пошутила Ив, запрокидывая голову назад. — Боль в спине от усталости часто не позволяет продолжать работу.

— Расслабьтесь, — он наклонился к ней, почти касаясь губами ее щеки, — если вы пригласите меня, я с радостью составлю вам компанию.

Ив подчинилась и зажмурилась от удовольствия. Странно, они познакомились совсем недавно, а она пригласила его домой. И теперь раздумывает над общим путешествием. Все происходило слишком быстро, неожиданно и неподобающе для... Для чего? Его руки творили нечто невероятное, мысли сбивались, а все ограничения казались надуманными и несущественными. Она не смогла сдержать стон, когда он нажал на чувствительное место на затылке.

— Мне сложно отказаться, — прошептала Ив. — Но вы даже не знаете, куда я направляюсь.

— Разве это важно? — Риган убрал руки, напоследок коснувшись пальцами ее плеч, и вернулся на свое место.

Ив вздохнула от разочарования и досады. Ей хотелось попросить его продолжать, и она мысленно отругала себя за подобный

беспардонный порыв. Да, прикосновения его были приятны, и все же они переступали все допустимые грани приличия.

— Вы отчаянный человек, Риган, — улыбнулась она. — Любите сюрпризы?

— Моя жизнь настолько щедра на сюрпризы, — признался он, — что временами не знаю, куда от них деваться.

— Тогда вам будет еще интересней, — пообещала Ив.

Она помнила свое первое путешествие на раскопки, восторг, радость, чувство единения со всем огромным миром и его тайнами — когда ты прикасаешься к древнему, запретному, неизведанному.

Экспедиция, в которую они собирались, была не совсем обычной. Ее отец потратил большую часть жизни на то, чтобы найти необычные руины. В своих письмах он говорил о древнем мире. Древнее Илиона и Крита. Тома много лет расшифровывал манускрипты и карты, указывающие на местонахождение руин.

Отец погиб, так и не успев рассказать о своей последней находке, о шифре, который помог бы сделать все значительно быстрее. Единственным доказательством существования древнего мира стала вещица, которую Ив носила на шее, но этого было мало для открытия такого уровня.

Она знала, что если найдет затерянную цивилизацию, исполнит мечту отца. И она с радостью поделилась своей тайной с Риганом.

— Мы хотим открыть новый мир.

Глава 3

Вечер плавно перешел в ночь и закончился ближе к утру. Все это время они разговаривали. Сказать, что Риган был поражен — значит, ничего не сказать. В первую очередь собственным поведением. Сначала девица Ламбер показалась ему инфантильным подростком, замершим в благостном возрасте юности: в котором у некоторых наивность граничит с идиотизмом. Она вела себя настолько асексуально и романтично, что он уже начинал подумывать забрать подарок Дариана и переправить его Кло. Секс с девицами такого толка забавлял Ригана крайне редко, будь они даже раз сто фигуристыми красавицами. Чуть позже, в начале вечера, он понял, что к чему.

В ее поведении, когда она зажималась от малейшего прикосновения, явно читался неудачный опыт с первым мужчиной. Откровенная беседа и массаж расставили все точки над «и», и помогли определиться с дальнейшей стратегией. Она действительно была зажата дальше некуда, и само понятие близости ассоциировалось у нее с чем-то крайней неприятным. Риган несколько раз сталкивался с дамами, которыми откровенно не везло с любовниками.

На его прикосновения она отзывалась весьма откровенно даже сквозь собственноручно возведенные стены. Если девочку раскрыть, в постели будет просто огонь, и Ригану почему-то хотелось сделать это лично. Не закинуть ее в койку и повторить трюк парня, который был у нее до него, а именно заставить почувствовать все прелести интима, включая предвкушение.

Помимо прочего, сизмальства Ив находилась в разъездах с отцом, привыкла к окружающим ее мужчинам, а они привыкли к ней,

замечая поначалу ребенка, а затем «своего парня». Она отвечала им тем же. Неудивительно, что у Ив появились замашки мальчишки, разгуливающего в платье.

Насколько Риган вчера заметил, а точнее, почувствовал, в платье, особенно в том сексуальном наряде, в который она вырядилась на ужин, Ив чувствовала себя неловко. Она смущалась комплиментов, и не старалась это скрыть, как будто всерьез считала, что их недостойна.

Ничего удивительного в том не было, и с каждым днем таких красоток будет становиться все больше и больше. Не пройдет и десятка лет, как на каждом шагу начнешь наткаться на дам, выряженных в брючные костюмы, командующих мужчинами и ставящих их на одну ступень с собой. Пожалуй, это будет даже забавно.

Риган не придерживался мнения, что место женщины рядом с котелками и отпрысками. Скорее, ему казалось странным то, что в последнее время дамы с явным удовольствием соревнуются с мужчинами. Кому и зачем это нужно, когда их прелесть именно в женской сути, в утонченности и слабости? Раньше такое можно было наблюдать только у измененных, но с каждым годом подобные течения все яростнее захватывали и человеческую расу.

Случай с Ив оказался интересным, и он почти готов был вынести Дариану благодарность. Ему хотелось видеть, во что можно превратить женщину, позабывшую, а точнее, намеренно отказавшуюся от женственности. В том, что из Ив получится роскошная женщина и страстная любовница, Риган не сомневался.

Ночью он попрощался с ней, поцеловал в щеку отнюдь не целомудренно, на мгновение прижимая к себе, чувствуя, как отчаянно колотится ее сердце, и отправился дневать в дом к вдовушке. Привыкшая к его темпераменту, та встретила его в полупрозрачном белье и с лихвой наверстала упущенное в доме Ламбер.

С Ив они договорились встретиться ближе к вечеру, прогуляться, а затем за ужином обсудить перспективы совместного путешествия. Единственное, что смутной занозой сидело в сознании, не давая покоя, так это сомнительные перспективы открытия нового мира и древних цивилизаций.

Риган убедился на примере Дариана, что с любой древностью надо обращаться осторожнее. Откопать — не вопрос, главное, чтобы оттуда ничего чрезмерно загадочного не полезло. Как бы там ни было, он привык решать проблемы по мере их поступления, поэтому решил не заморачиваться.

Он встречал ее с букетом цветов, и в назначенное время Ив выпорхнула ему навстречу. Одета в легкое светлое платье, гораздо менее претенциозное, чем вчера, волосы собраны в незатейливую прическу. Так она чувствовала себя гораздо спокойнее.

— Прекрасные цветы, — смущенно поблагодарила Ив, принимая букет. — Сегодня утром я получила весточку от Тома. Я уезжаю в начале следующей недели.

— Я тоже рад вас видеть, мадмуазель Ламбер, — весело произнес Риган, не заостряя внимание на ее неумелом от смущения приветствии и касаясь губами ее щеки. Сегодня она отозвалась уже спокойнее, будто приняла его трепетное к ней отношение как особенность их «дружбы». Улыбнувшись собственным мыслям, он подал ей руку. — Куда желаете пойти?

— Куда глаза глядят, месье Эванс, — она подхватила заданный им игривый тон, улыбнулась и взяла его под руку. Видно было, что рядом с ним она чувствует себя в безопасности. А зря. Несколько десятилетий назад такая прогулка для дамы могла закончиться разорванным горлом где-то в подворотне, для многих и заканчивалась.

Первые несколько лет после смерти Бланш Риган убивал направо и налево, не задумываясь о последствиях, а после резни, учиненной им в Маскаре в тысяча восемьсот сорок шестом, на него и обратил свое пристальное внимание Дариан. Обратил, но сдал почему-то не Ордену, а в добрые руки Ильги фон Риккерт. Никогда не знаешь, что хуже.

— Вы, случаем, не моя тайная сестра? — вдоволь насладившись ее изумлением, Риган добавил. — Куда глаза глядят — мой любимый путь.

Ив рассмеялась.

Во время прогулки она рассказывала ему, что в поисках древней цивилизации им предстоит путешествие на остров Крит. Риган снова уловил это неприятное чувство близящейся засады, но озвучивать мысли не стал. Незачем раньше времени пугать ни в чем не повинную девушку.

Ив окунулась в свою стихию и их беседа затянулась. Она рассказывала ему об археологии и ее будущем, а Риган о путешествиях.

— Простите, я совсем увлеклась, — Ив внезапно вспомнила о времени и о том, что они снова собирались поужинать вместе. — Разговоры с вами доставляют удовольствие и мне сложно остановиться. Но одними разговорами сыт не будешь.

— Меня все устраивает, — отозвался Риган, поправляя прядь, выбившуюся из ее прически и касаясь пальцами щеки.

Она вспыхнула и отпрянула в сторону, пожалуй, слишком шустро. Спасибо реакции и скорости измененного — Риган успел перехватить ее за талию до того, как она врезалась бы в почтенного француза, идущего по улице с портфелем в руках. Тот бросил на них диковатый взгляд, что-то пробормотал себе под нос и прибавил шаг. При ходьбе он забавно подпрыгивал, и его шляпа-котелок подпрыгивала вместе с ним.

— Значит, ужин, — Риган развеселился, и сдержать смех ему стоило немалых усилий. Давно его никто так не развлекал.

Она глубоко вздохнула и на сей раз отстранилась немного осторожнее. Неизвестно, что произошло в прошлом, но сейчас она всеми силами противилась притяжению. Судя по ответам не попад, возникавшему на щеках румянцу и попыткам избегать его взгляда, ход ее мыслей он уже направил в нужное русло. Никому еще не удавалось справиться с желанием, постоянно думая о сексе.

После ужина Ив таинственным шепотом пообещала показать ему самую интересную комнату в доме. Риган не надеялся на столь скорое приглашение в спальню, поэтому не удивился, оказавшись в ее кабинете.

Здесь царил первозданный хаос. Наваленные друг на друга книги лежали прямо на полу. Те, что требовали более бережного отношения — на столе и диванчике. Поверх были набросаны карты, из-под которых выглядывали листы путевых заметок и записей, перетянутые веревками стопки писем.

Расчистив место на кушетке, Ив предложила сесть.

— Прошу прощения за беспорядок. Иначе работать у меня не получается.

— Творческий беспредел, — отозвался Риган, устраиваясь рядом с ней и легко обнимая за плечи, — мне нравится. Главное, что все под рукой, и не надо тратить время на поиски.

— О да, — Ив натянуто рассмеялась. Она была напряжена и едва сдерживалась, чтобы не отскочить, как сделала это на улице. — А вы ведете дневник своих путешествий?

— У меня все здесь, — Риган коснулся пальцами головы, — для дневников я слишком ленив, да и не хочется заставлять случайного читателя краснеть.

Он провел пальцами по ее щеке, легко коснулся губами губ. «Интересно, — подумалось ему, — сколько времени должно пройти,

чтобы мне надоели игры с хорошенькими женщинами?»

Ив сжала его руку с такой силой, что будь он обычным человеком, наставила бы ему синяков. В расширившихся глазах он читал желание. И нежелание в нем себе признаваться.

— Что вы делаете? — спросила она хриплым от волнения голосом.

— Я вас целую, — беззаботно отозвался Риган, поглаживая пальцами чувствительное местечко на затылке. Он помнил, как вчера во время массажа Ив отзывалась на это прикосновение, а внимательность к деталям, как известно, залог успеха. — Но это очевидно, не так ли?

Не оставив ей возможности ответить, он снова накрыл ее губы своими, попутно освобождая длинные тяжелые пряди от шпилек. Распущенные волосы — охренительно сексуально.

Под его прикосновениями неуверенность Ив таяла вместе со слабыми попытками сопротивления. Она тихо выдохнула и обвила его шею руками, отвечая на поцелуй.

Риган не торопился, расстегивая пуговицы на ее одежде и проходясь пальцами вдоль позвоночника. Стянул платье с плеч, целуя шею, с трудом удержался от искушения приложиться к бешено бьющейся пульсом жилке. Для первого раза это, пожалуй, перебор.

Длинные волосы рассыпались по плечам, в слабом свете ночной лампы плывущий от желания взгляд потемневших глаз Ив казался ему ведьмовским. Риган подумал, что таким женщинам нельзя позволять

стареть. Мысль мелькнула и ушла, оставив после себя ремарку «потом», равно как и обнаружившаяся подвеска-медальон на цепочке.

У нее была роскошная грудь: скрывать такую под платьем и прочими деталями туалета современной околопуританской моды — просто преступление. Он накрыл губами ее сосок, играя с ним языком, второй поглаживая подушечками пальцев.

Ив запустила пальцы в волосы Ригана, выгибая спину и кусая губы, чтобы сдерживать стоны. Он чувствовал, как ее тело отзывается на прикосновения и, не отрываясь от груди, легко скользнул рукой между ног, лаская ее через тонкую ткань белья.

Ив неосознанно развела бедра: юбки больше не мешали, на ней оставались лишь короткие панталоны, которые он потянул вниз и отбросил в сторону. Не позволяя ей опомниться, опустил вниз, провел пальцами по внутренней поверхности бедер, коснулся губами клитора, обводя его кончиком языка, лаская промежность легкими дразнящими движениями.

Она всхлипнула и попыталась отстраниться, но это быстро закончилось ничем: у нее не осталось ни сил, ни желания сопротивляться происходящему. Ив больше не сдерживала стонов, вскидывая бедра. Под настойчивыми ласками она на мгновение замерла, вцепилась пальцами в обивку, громко застонала и задрожала всем телом, а затем опустилась на спину.

«Уже лучше», — подумал Риган, облизывая губы и, облокотившись на кушетку, наблюдал, как часто вздымается ее грудь, как на скулах играет румянец, а тени на щеках дрожат вместе с длинными ресницами.

Он никогда не понимал женщин, которые лишают себя подобного рода удовольствий, и тем более мужчин, которым довелось стать тому причиной. Даже самая серенькая простушка после оргазма расцветает, как холеная аристократка. Что уж говорить о женщинах с такой яркой внешностью, как у Ив. Он не удержался, провел пальцами по ее плечу к ключице и дальше, к груди, обводя потемневший кружок соска.

— Ты прекрасна.

Она снова покраснела, но смело встретила его взгляд. Сосок под пальцами напрягся, и Ив ощутимо вздрогнула.

— А мы можем?.. — вопрос остался невысказанным, но Ригану и не нужно было слышать продолжение.

— Мы можем все, — он подхватил ее на руки. Продолжать Риган собирался совершенно точно не в полевых условиях среди пыльных томов и хрустящей от старости бумаги.

Ив обвила руками его шею, потянулась за поцелуем, и он не стал ее разочаровывать. Как Риган и предполагал, все смущение она оставила в кабинете.

Спальня была оформлена в светлых тонах, и ничего лишнего в комнате не наблюдалось — спартанская обстановка, да и только. Риган устроил ее на кровати, склоняясь над ней, и Ив потянулась к нему, стягивая одежду. В ее движениях ощущалась некая внутренняя неуверенность, и в то же время отступить она явно не собиралась.

— Я хочу доставить удовольствие тебе, — прошептала она, прижимаясь всем телом.

— Поверь, я этого хочу не меньше, — не удержался от улыбки Риган, проводя пальцами по ее губам. Она вызвала смешанные чувства: с одной стороны, казалась неопытной, неумелой девчонкой, с другой — прекрасной женщиной, в которой только-только просыпалась чувственность. — Повернись.

Ив удивилась такой просьбе, но послушно перевернулась на живот.

— Так я не смогу прикасаться к тебе, — подушка приглушила ее обиженный голос, и он подавил смешок, поцеловав ее в шею. Она поерзала, устраиваясь поудобнее, и Риган с трудом удержался от порыва пропустить прелюдию и просто трахнуть ее. Лицо и руки у нее были загорелыми, благодаря постоянным путешествиям, а спина, ягодицы и ноги значительно светлее. Это тоже показалось ему весьма сексуальным.

Ив не представляла, что он собирается делать и сейчас замерла в предвкушении. Сердце ее отчаянно колотилось. Риган помедлил, прежде чем снова коснуться губами основания ее шеи. На сей раз массаж был гораздо продолжительным и интимным, он не обошел вниманием ни один участок ее спины, поясницы, ягодиц. Спускаясь ниже, заставил ее приподнять бедра и скользнул пальцами между ног.

Она была настолько возбуждена, что сдерживаться самому становилось все труднее. Стояло у него знатно, причем с того самого кабинета.

Под его прикосновениями Ив подалась назад и громко застонала. Цепляясь руками за подушку, бесстыдно развела бедра, внутренняя поверхность которых была в потеках. Риган не выдержал, притянул ее

к себе, входя на всю длину. Сжал зубы, чтобы не сорваться на рваный, яростный ритм, провел ладонью по пояснице, заставляя прогнуться сильнее.

Ив замерла на мгновение, привыкая к ощущениям, но потом расслабилась и подалась назад. Она больше не сдерживала стонов и всхлипов. Она была узкой и влажной, и Риган потерялся в ощущениях.

Он не привык быть осторожным, и, хотя никто не жаловался, с этой девчонкой получилось иначе. Ему до безумия хотелось впиться зубами в плечо, почувствовать вкус ее крови и трахнуть так, что она будет кричать от наслаждения, смешанного с болью. Сейчас приходилось сдерживать себя, и от этого он заводился еще больше.

Ив приподнялась, дотянулась до его руки и положила на свою грудь, а дальше реальность утратила очертания. Он вбивался в нее, представляя алые разводы на тонкой светлой коже. Во рту стало солоно от крови: Риган не сразу осознал, что прокусил губу, не почувствовав боли. Фантомное наслаждение ее вкусом было так велико, что каждое движение внутри вкупе с лаской, на которую Ив отзывалась стоном, сносило крышу на раз.

Он приходил в себя дважды. Первый раз во время оргазма, на котором хриплое дыхание сорвалось на рык, а пах свело наслаждением, и второй — когда почувствовал слабое шевеление рядом. Они лежали на кровати, простыни насквозь пропитались потом, а запах секса был повсюду.

Риган дотронулся тыльной стороной ладони до подбородка, стирая кровь. Он был чертовски голоден, а рядом лежала девчонка, которую он хотел во всех смыслах, и это сводило с ума. Он никогда и

ни с кем не церемонился, а раны, которые его любовницы обнаруживали у себя порой в самых пикантных местах, под внушением списывали на порывы страсти.

Риган лежал неподвижно, неотрывно глядя на бешено бьющуюся пульсом жилку на виске, на сеточку сосудов на запястье, на тонкую шею, на которой прядь волос сейчас слишком точно повторяла контур подрагивающей вены.

Она распахнула глаза, и в них светилась нежность и благодарность. Ив расслабленно потерлась щекой о плечо но, заметив, как напряглось его тело, с беспокойством поинтересовалась:

— Все в порядке?

— Все в порядке, — эхом отозвался Риган, провел рукой по ее волосам, положил руку на затылок, притягивая к себе и глядя Ив в глаза. Это помогло расслабиться. Ей. Перед тем, как он прокусил плечо, сходя с ума от запаха и вкуса крови.

Секс для измененного нельзя назвать полноценным, если он не совмещен с распитием крови партнера. Это природа, инстинкт, и все попытки сдерживать его ни к чему хорошему не приводят. Зверь все-таки взял свое.

Ив вскрикнула, пытаясь его оттолкнуть, забилась в руках, но жалких человеческих сил было недостаточно даже для того, чтобы причинить ему хоть малейшее неудобство. Он чувствовал ее страх, и это заводило еще больше.

— Нет, пожалуйста, нет.

Остановился он только когда Ив замерла в его руках, тяжело дыша.

Риган вглядывался в ее заплаканное лицо. Рваная рана на плече выглядела неприятно, тонкая струйка крови стекала вниз, пачкая простыни. Скажи он ей сейчас, до чего это сексуально выглядит, девица убежит с визгом.

Он непроизвольно облизнул губы: голод отступил, но легче не стало. Ив была целиком и полностью в его власти, но то, что еще пару минут назад представлялось чем-то необычным, сейчас обернулось пошлой банальщиной. На душе было невыносимо мерзко и муторно.

Медальон на ее шее представлял собой внутреннюю часть штуковины, которую просила добыть Кло. Значит, есть еще и вторая половина. Вопрос в том, где она.

— Что это? Где вторая часть? — он подцепил пальцами цепочку, глядя ей в глаза. Не хотел использовать внушение до последнего. Пусть скажет все, что думает, пусть ответит или промолчит. Так, по крайней мере, будет справедливо.

Ив вздрогнула, и сейчас в ее глазах застыло недоверие. Слез больше не было, она просто смотрела на него. По венам струился страх, с которым Ив пыталась справиться.

— Вторая часть? — прошептала она. — Это подарок отца из последней экспедиции. — И добавила уже тверже. — Думаю, вторую я найду на месте.

Риган мысленно выругался. Стоило догадаться, что все не так просто, иначе ему бы поставили конкретные сроки. Его спонтанное

решение поехать с ней на раскопки было вынужденным. Правда, тогда он еще об этом не знал.

— Я поеду с тобой, — сказал он, — как мы и договаривались. Мне нужна эта чертова штука. Целиком.

Странно, но ему будто становилось легче от того, что он говорил. Говорил не под внушением, оставляя себе надежду услышать правду, а не туманный лепет послушной куклы. Охренительная исповедь с соблазнительной полуголой девицей, которую сначала удовлетворил, а потом покусал. Эка невидаль, сколько таких девиц было в его жизни?

Таких не было. Ему хотелось рвать и кромсать, как в старые добрые времена, как будто вместе с кровью своих жертв он мог выпустить собственную боль, сочащуюся сквозь поры вот уже который год. Иногда ему становилось интересно: говорят, что время стирает все. Сколько веков пройдет, прежде чем он окончательно погрязнет в цинизме и безразличии?

Страх и удивление в глазах Ив сменились яростью. Она рванулась так, что чудом не порвала цепочку с медальоном.

— Если хотел заполучить это, — она презрительно сощурила глаза и спрыгнула с постели, совершенно не стесняясь наготы, — то не нужно было так напрягаться и соблазнять меня, Эванс. Ужасно, что тебе придется составить мне компанию на раскопках.

Схватив халат, Ив накинула его на плечи, и Риган едва успел перехватить ее у дверей. Умеет же девчонка разрядить обстановку: ее только что цапнули за плечо, и она должна бежать от кровожадного любовника, сверкая пятками.

Она и бежит, вот только совсем по другой причине. Потому что считает, что ему нужны были не ее прелести, а старинная побрякушка. Риган даже не старался сдерживать смех, обнял ее за талию и притянул к себе.

— Я хотел тебя, — весело сообщил он, — и сейчас хочу не меньше. Твоя бирюлька всего лишь повод. Но сейчас я рад тому, что повод нашелся.

Его прикосновения по-прежнему волновали ее, но Ив продолжала злиться, и в объятиях словно превратилась в статую. Это не отменяло того, что для Ригана она оставалась горячей штучкой. Прав он все-таки был в своих предположениях, что в тихих девочках самые сильные водовороты страстей.

— Убирайся, — тихо, но твердо приказала она и добавила уже язвительно. — Ты не сможешь меня убить, пока не нашел то, что ищешь. А я единственная в поле зрения, кто знает, где искать.

— Открою тебе секрет, дорогая Ив, — насмешливо произнес Риган, — захоти я того, ты мне выложишь все, не сходя с места. Где, что, как. Но я не хочу. Я хочу провести это время с тобой.

Он притянул ее к себе, целуя в губы, положил руку на соблазнительную задницу. Ив яростно ответила на поцелуй, соски от прикосновения к груди затвердели, а ее сердце колотилось так, будто собиралось выпрыгнуть из груди.

— Не все так просто, — услышал Риган, едва оторвавшись от ее губ, — потому что я сама пока многого не знаю. Но только я способна разгадать вторую часть шифра, оставленного отцом.

Она говорила правду. Страх испарился, уступив место ярости и силе духа, благодаря которой она до сих пор держалась, не скатившись в истерику. Возможно, именно эта самая сила заставила его выждать неделю перед тем, как перейти в наступление. Именно она побудила его открыться и не пудрить мозги вмешательством в ее разум. Впервые за долгое время Ригану хотелось понравиться женщине не на час или на неделю, представиться самим собой, а не фальшивым образом циничного дамского угодника.

— Вот как, — произнес он, увлекая ее за собой на кровать, — в таком случае, нам с тобой все же предстоит долгое совместное путешествие. А взаимное удовольствие — не худший вариант временного партнерства, не так ли?

Глава 4

Ив не могла поверить в то, что произошло. Поначалу она занималась самообманом, пытаясь перевести новое знакомство в дружбу, заставить себя поверить в то, что Риган ее совершенно не интересуется, а потом позволила себя соблазнить.

За ангельской внешностью Эванса скрывался настоящий дьявол. Сознание археолога помогло смириться со странной природой нового знакомого быстрее, чем можно себе представить: принять его существование, как нераскрытый секрет огромного, до конца неизведанного мира.

Лишь только первый испуг миновал — а случилось это на следующее утро, когда Ив проснулась одна в своей постели, с шумом в

ушах, слабостью и обнаружила рану на своем плече — на нее волной обрушилась ярость. Риган шел к своей цели, а она растаяла и доверилась ему.

Она проклинала наивность, из-за которой позволила ему проникнуть не только в свою постель, но и в тайну отца. Ив даже не знала, что ужаснее. Риган искал сокровища затерянного мира, а она оказалась его счастливым билетом в мир, который для нее дороже всего. Она по-настоящему увлеклась им, но нужна была только для того, чтобы получить древнюю реликвию. Он использовал ее.

Когда все закончится, Риган просто уйдет и забудет, что такая наивная дура встречалась на его пути. От злости и отчаяния Ив желала никогда не найти вторую часть медальона, но понимала, что это уже ничего не изменит. В ней самой.

С вечера их первой близости прошло еще несколько дней. Риган продолжал развлекаться с ней, заставляя хотеть его и испытывать настоящее блаженство. Как бы ни старалась Ив списать все на его чары, она прекрасно понимала, что он не делает ничего такого, чего ей самой не хотелось бы.

Тело предавало ее раз за разом, и Ив отдавалась на милость победителя. Риган знал, как доставить ей удовольствие, где прикоснуться, поцеловать или укусить. Ив словно в тумане помнила, как замирала от наслаждения, кричала от сладкой боли. А утром, когда он уходил, ненавидела себя. Потому что знала, что он вернется снова и желала того, чтобы он хотел ее, а не древнюю побрякушку.

Подарок отца был частью тайны, и он оставил после себя лишь зашифрованные послания. Язык, которому отец учил Ив с детства. У

них с Томой ушли годы, чтобы определить местонахождение затерянного города. Невероятно, но находился древний мир на острове Крит. Цивилизация под цивилизацией.

Оставались еще знаки, которые предстояло расшифровать на месте. Ив знала, что все связанное с загадочным миром опасно, подозревала, что смерть отца просто представили несчастным случаем, но отступить не могла и не хотела. И только одно заставляло сердце сжиматься от боли: что если отца преследовали такие же существа, как Эванс? И что, если это они его убили?

Как вести себя с Риганом она не представляла. Он приходил к ней каждую ночь, и они занимались сексом до рассвета. Он доказывал, что она зря годами лишала себя удовольствий. Обойди Ив целый мир, вряд ли нашла бы любовника лучше. Она поверила в то, что он хотел ее не меньше, иначе все и в самом деле закончилось раньше.

Но Ив не переставала чувствовать себя игрушкой, и это приводило в ярость. Гнев позволял не впасть в уныние. В подобных метаниях проходило время до дня отъезда. Днем она предавалась сомнениям, самобичеванию и страхам, а ночью забывала обо всем в его объятиях.

Ив садилась в поезд, мечтая отплатить Ригану той же монетой. Она хотела получить над ним власть. Как достучаться до сердца повесы и монстра, Ив не представляла, но теперь у нее появилось

время. В постели Риган предпочитал заниматься сексом, а не болтать о делах. В путешествии они постоянно будут вместе.

Сначала им предстояло добраться на поезде в Марсель, а затем пересесть на паром. Ив могла себе позволить билет первым классом, потому что не хотела более двух суток трястись на деревянной жесткой скамье. Разумеется, она яростно отказалась от предложения Ригана оплатить ее путешествие, чем вызвала у него безудержное веселье и целый поток издевок на тему модной нынче женской независимости.

Когда она пробовала разозлиться, Риган просто начинал смеяться, а когда пыталась холодно от молчаться, он во весь голос выдавал такие откровенные непристойности, что ей стоило немалых усилий уговорить его замолчать и не привлекать внимания.

Устроившись на мягких сиденьях пульмановского² вагона, Ив не скрывала возбуждения от предстоящей поездки. Голубоватая с серебристым узором обивка кресел, шторы и ковры в тон, роскошь и удобство. Кресла были расположены друг против друга, разделенные столом. Шторы скрывали пассажиров, создавая иллюзию уединения.

Приключения всегда манили ее, и каждое новое путешествие начиналось с поезда. Она рассматривала в окно поля, которые они проезжали, и улыбалась. Риган, расположившийся напротив, изучал ее с таким откровенным беззастенчивым интересом, что она не выдержала и решила сменить ход его мыслей.

— Любите поезда, месье Эванс?

— Обожаю, — Риган улыбнулся уголками губ и многозначительно посмотрел ей в глаза, — в них можно делать много всего интересного.

— Например? — вырвалось у Ив раньше, чем она поняла, что ход ее мыслей только что сменил он. — Еще немного и я решу, что вы ни о чем другом не думаете.

Она никак не могла привыкнуть к его манере общения. Не выдержав, Ив поднялась, отдернула шторы и выглянула в проход, осматривая пассажиров дорогого вагона. Напряглась, потому что поблизости большинство мест оказались свободны. За закрытыми шторами непонятно было, есть ли кто-нибудь еще, зато в конце вагона сидели двое представительного вида месье, с заумным видом беседовавших о чем-то, и Ив облегченно вздохнула. У него же хватит мозгов, чтобы не приставать к ней прилюдно?!

— Вы можете рассказать мне о вещице, которую ищете, — Ив вернулась на место, поступив, как и их зримые попутчики — нарочно не задернув штору.

— Между прочим, другие интересы у меня есть, но они все такие незначительные, — подхватил ее тон Риган, и добавил, — по-моему, это вы можете мне рассказать о ней. Я-то всего и знаю, что она вот... — он сцепил два пальца одной руки, образуя круг и выразительно продел в него согнутый палец другой руки. — В общем, состоит из двух частей.

Проходящий мимо пожилой мужчина покосился на них и поспешно засеменил дальше. Ив прикрыла рот рукой, чувствуя, что уже не краснеет и готова смеяться над его пошлыми шутками.

Подавив смех, она положила локти на стол и подперла подбородок.

— Мне неизвестно, из скольких частей она состоит. Эта часть досталась мне от отца. Плюс письма и заметки, которые мы с Тома переводили. Зачем она вам понадобилась?

— Мне? Да ради всего святого, Ив, я что, похож на коллекционера древних побрякушек? Меня всего лишь попросили об услуге. Кто именно я вам сказать не могу, но поверьте, что знакомство с ним — сомнительное счастье.

Ив снова не сдержала улыбки. При свете дня она чувствовала себя увереннее.

— А что от этого получите вы? — не унималась она. Ей не верилось, что Риган будет трудиться ради дружбы или просто так. — Деньги?

Отец мечтал открыть новый мир человечеству, а некто просто так, походя, собирался присвоить его себе. Ведь этот медальон — ключ ко всему.

— Вас, мадмуазель Ламбер, — улыбнулся Риган, — в свое полное безраздельное пользование до конца времен.

Он откинулся на спинку сиденья и задернул шторку со своей стороны, прикрыл глаза — похоже, ему было не так-то комфортно днем. Ив подумала об этом безо всякого злорадства и сделала то же самое. Только когда воцарился полумрак, до нее дошел смысл сказанных им слов.

От такой наглости Ив потеряла дар речи. Это шутка, или он серьезно? Выходит, она станет его игрушкой навсегда? Нет, вряд ли. До тех пор, пока не надоест.

Риган снова открыл глаза и сейчас смотрел на нее так, что она невольно вспомнила прошлую ночь. Ив с ужасом поняла, что снова возбуждена, ее щеки пылали. Чтобы скрыть свое состояние, она перешла в наступление.

— А вы будете в моем пользовании?

— Можно и так сказать, — рассмеялся он, — я за равноправие во всем.

На этот раз Ив пропустила мимо ушей сарказм на тему суффражисток³, и ей не удалось скрыть смущение, потому что картинки про «пользование» Ригана так и лезли в голову.

Ив глубоко вздохнула, пытаясь успокоить свою фантазию.

— Возможно, я соглашусь, — она попыталась вложить в улыбку всю свою чувственность. Ив не умела кокетничать с мужчинами, и сейчас сильно об этом сожалела.

— Возможно? — он снова улыбнулся и накрыл ладонью ее руки.
— Мне нравится, как ты это говоришь. Пожалуй что...

Риган едва уловимым движением усадил ее к себе на колени, лаская поверх платья.

У Ив перехватило дыхание, когда она оказалась сидящей спиной к Ригану в одной из самых неприличных поз. А от его объятий закружилась голова. Не об этом ли она думала минуту назад? Но здесь нельзя.

— Что ты делаешь? — зашипела Ив, вцепившись в его руки. — Нас заметят! Это непристойно.

Несмотря на правила приличия, тело Ив считало иначе. Соски напряглись под слоями одежды, а сердце отстукивало в такт поезду. Риган пожал плечами. Она снова осталась наедине с ним и желанием, и сейчас взмолилась о том, чтобы проводник, который время от времени прогуливался по проходу, не появился в самый неподходящий момент.

Риган не позволил ей вернуться на свое место, потянул на себя, шепнул на ухо:

— За несколько дней нашего более чем близкого знакомства, мы разобрались с тем, что делаем. Разве нет?..

Два быстрых движения — и к фасону платья добавились боковые разрезы, а если точнее — боковые разрывы, в том числе и на нижней юбке. Треск ткани прозвучал в ее ушах с громкостью выстрела. В ответ на смущение Ив, Риган ухмыльнулся и устроил ее на коленях, на сей раз лицом к себе. Она все еще не могла поверить в то, что он всерьез решил заниматься сексом. Но, казалось, его ничего не смущало.

— Расстегнешь мне брюки, радость моя? — запустив руки под платье, Риган легко сжал ягодицы поверх панталон.

Ив вложила в свой взгляд все, что о нем думала, и начала дергать пуговицы на брюках, чтобы отомстить за испорченную одежду. Обхватив его член ладонью, она провела сверху вниз, наслаждаясь тем, как темнеют от страсти глаза Ригана. Она не меньше хотела его, а сама ситуация делала ощущения более пикантными. Страх и возбуждение смешивались в общий коктейль, который хотелось выпить до дна.

Он усмехнулся, заставил приподняться и потянул вниз ее панталоны, отбрасывая их прямо на пол. Свободной рукой Ив притянула Ригана, целуя в губы. А он ласкал внутреннюю поверхность бедер, не торопясь переходить к более откровенным ласкам. Ив изнывала от желания, хотела, чтобы он перестал ее мучить. Кусала губы, сдерживая стоны, чтобы весь вагон не сбегался на них посмотреть.

Если раньше она рассчитывала на общество, теперь искренне огорчалась, что они не одни. Тем не менее, Ив готова была скорее умереть, чем прерваться. Жар разлился по всему телу. Она уперлась коленями в поверхность сиденья и привстала, прижимаясь к Ригану сильнее. Оставалось лишь опуститься на него, но он удерживал ее, лаская и дразня, не позволяя перейти к главному.

— Если ты сейчас ничего не сделаешь... — угрожающе процедила она, укусив его за ухо.

— То это сделаешь ты? — он нахально улыбнулся, погладив ее по спине. — Так я не против.

Другого приглашения ей не потребовалось. Ив не смогла сдержать стон, когда опустилась на его возбужденный член. Было необычно, но в этом положении именно она могла делать с ним все, что ей захочется.

Победно улыбнувшись, она поймала взгляд Ригана и впиалась поцелуем в его губы. Она начала с издевательски-медленных движений, возвращая ему ожидание, но очень быстро потерялась в ощущениях, ласках и взгляде светло-серых глаз, который сводил ее с ума.

Риган мягко поддерживал ее за бедра, словно Ив была пушинкой. Она испытывала невероятное наслаждение, которое с каждым движением становилось все ярче. Во время оргазма Ригану пришлось скрывать поцелуем ее крик.

Ив рухнула на него, сильно сжимаясь, и в тот же миг Риган впился зубами в ее шею над воротом платья. Руки с силой сжались на ее запястьях, не позволяя двинуться и причинить себе вред. За несколько дней Ив привыкла к тому, что Риган кусается во время сексуальных игр, и послушно расслабилась в его объятиях. В этом была особая прелесть, иногда она даже возбуждалась вновь, но сейчас слишком устала — сумасшедший коктейль эмоций сделал свое дело.

Ив потянулась за новым поцелуем, ощущая знакомый металлический привкус на губах. С той ночи он никогда не пил ее, только пробовал на вкус снова и снова, и за это она была ему благодарна. Вряд ли она протянула бы долго такими темпами, как во время их первой близости. Она уже не раз задумывалась: каково это, быть Им? Кровь приносила Ригану не меньше удовольствия, чем блаженство их секса.

Он погладил ее по голове, позволив свернуться клубочком у себя на руках, и тут к ним все-таки заглянул проводник.

— Месье, мадам, прошу... — он замер на полуслове, оценив обстановку, оголенное бедро Ив, деталь ее туалета на полу, и лицо его стало пунцовым. — Что... вы... тут... разбросали... Это возмутительно!!! Я сообщу...

— Черт бы подрал этих моралистов в самом непристойном смысле слова драть, — беззлобно перебил его Риган. Устроил Ив на

сиденье, поднялся, и сунул ему под нос ее панталоны.

— Месье, это женские панталоны. В вашем возрасте пора бы знать, — он покрутил их на пальце и на глазах абсолютно обалдевшего проводника отправил обратно на сиденье, перехватил его взгляд. — А вообще, забудьте о том, что вы только что видели, идите в вагон-ресторан и соблазните шеф-повара прямо на рабочем месте.

Лицо проводника, сменившее несколько оттенков красного, утратило всякое выражение, взгляд стал бессмысленным. Он повернулся и зашагал по проходу, Риган помахал ему рукой и вернулся на свое место.

— Ох уж мне эти высокоморальные мальчики, — фыркнул он.

Ив не знала смеяться или плакать. То, что случилось между ними, было божественно, и все же она нарушила все правила приличия, какие только возможно. Лицо проводника действительно было комичным, а она сама заливалась румянцем от стыда. Что Риган только что сделал и почему тот так безропотно и безоговорочно ушел?

Она сгорала от любопытства расспросить его обо всем, но нужно было что-то сделать с собственным внешним видом. Растрепанная оборванка, путешествующая первым классом выглядела нелепо. Она подобрала белье, которое теперь нуждалось в стирке, и вручила его Ригану.

— В следующий раз будьте сдержанней, — попросила Ив. — Я не хочу остаться без одежды.

На следующей же остановке она переоделась, после чего почувствовала себя намного лучше. Хотя и не была уверена, что ей

придется долго ходить в целом платье.

Ночью снова не удалось поспать, разве что задремать на его плече ближе к утру, в блаженной истоме. А ближе к обеду Ив с аппетитом налегала на мясные блюда, чтобы не терять сознание. Весь следующий день им предстояло провести в пути, и она впервые решилась спросить у Ригана про ему подобных.

— Вы всегда были таким? Пили кровь женщин и боялись солнца?

— Лично я, — он задумчиво подцепил вилкой кусочек слоеного пирога и отправил его в рот. — Такой всего девяносто лет. А кровь женщин... честно говоря, я и мужчин ем, я не феминист. Просто привык совмещать приятное с полезным, а во втором случае это не прокатит.

Девяносто лет?! Ив не скрывала изумления. Перед ней сидел человек, который годился ей в дедушки. Риган выглядел на двадцать семь: высокий статный, легкие морщинки в уголках глаз появлялись, только когда он улыбался.

— Значит, вас таким сделали? Невероятно! — свое любопытство обуздать не удалось.

Он приложил палец к губам.

— Да. В меня воткнули ножик, и я захлебывался собственной кровью, но тут появился один тип... На самом деле это было страшно, грязно и в целом отвратительно. Зато теперь я жив, еду с тобой в поезде и веду светские беседы.

Живое воображение быстро представило монстра. Который по необъяснимой причине подарил Ригану бессмертие и одиночество. Ведь Риган пережил всех своих родных.

— Вам хотелось найти себе подобных и держаться вместе? Или забрать кого-то с собой из людей?

— Себе подобных я встречал, и не раз, — он отхлебнул кофе, — иногда попадаются весьма забавные экземпляры. Я изменил сводного брата, и уже успел об этом пожалеть раз сто. Правда, тогда я был немного не в себе. Нет, я не страдаю от одиночества, Ив. Мир полон людей. Я думал о том, чтобы взять тебя с собой, когда все это закончится. Я удовлетворил твое любопытство? — он улыбнулся, бросил быстрый, скользящий взгляд, как если бы сейчас находился очень далеко от этого поезда, и от нее.

— Да, вполне, — пробормотала она, украдкой рассматривая его. Риган дал ей понять, что на сегодня разговор на волнующую ее тему вампиров — ведь так их называли? — окончен.

То, что он хотел взять ее с собой, стало для нее новостью. Хотелось бы только знать, в качестве кого? В постели они творили нечто невероятное, и не скучали в обществе друг друга. Но что ждало их дальше? Ив не могла скрывать то, что Риган ей сильно нравится, ее тянет к нему словно магнитом. Но разве отношения строятся только на симпатиях? Ив, погруженная в археологию, совершенно не разбиралась в делах любовных. Она тоже не страдала от одиночества, тем не менее, часто была одна. Предложи ей Риган стать вампиром, что бы она ответила?

Пока он не спрашивал, до конца путешествия было еще далеко, а ей не давал покоя еще один вопрос.

— Тебе ни капли не интересно, что из себя представляет эта вещь? — спросила Ив.

— Интересно, но ты мне все расскажешь, — он притянул ее к себе, обнимая за плечи, — а пока я лучше буду наслаждаться обществом прекрасной женщины, чем думать о судьбоносных безделушках.

Ив улыбнулась, принимая комплимент, но не унималась.

— Никто не смог определить из чего сделан медальон. С виду серебро, а на деле — неизвестный металл.

Заметив его укоризненный взгляд, Ив сдалась и потянулась за поцелуем. Риган прав, у них еще будет время поговорить серьезно о том, что ее волнует. А пока можно заняться не менее приятными вещами.

Глава 5

Путешествиям по морю Риган предпочитал сухопутные. Сунуться на палубу в солнечный день было не реально, а в случае особо продолжительных поездок, приходилось тащить с собой багаж в виде постоянных любовниц, читай завтрака, обеда и ужина.

На этот раз с ним была Ив, но по-настоящему Риган не кормился ей ни разу за все время их близости, не считая первой ночи.

Знакомство с ней продолжалось не так, как обычно с другими. Ему нравилось ее дразнить, нравилось слышать ее смех, нравилось быть рядом и заниматься сексом, чувствовать ее кровь на своих губах, засыпать рядом, нравилось просто болтать обо всем, и, черт подери, все это было сосредоточено в одной женщине! Не то чтобы он верил в то, что это навсегда, но она будила в нем воспоминания. Воспоминания о другой жизни, в которой он был еще человеком. И о той единственной, которую Риган любил.

Ее звали Бланш Браун-Линтон, у ее отца было небольшое поместье под Карлайлом. Зажиточный человек, так и не удостоившийся титула, о котором с детства мечтала его дочь. Они с Риганом были похожи больше, чем ей того хотелось. Ему повезло родиться — повезло в прямом смысле, потому что как только лорд Эванс узнал, что хорошенькая ирландская горничная залетела от его любовных утех, сразу вышвырнул ее на улицу.

Лайл Хэйс пошла по рукам еще до того, как Риган появился на свет, а после родов окончательно сменила профессию. Леди Эванс, которой никак не удавалось забеременеть, уговорила мужа забрать ребенка к себе. Так Риган обрел место в отчем доме и для общества стал наследником лорда Эванса.

Возможно, на этом трогательная до слез история и закончилась бы, он бы вырос в обожании мачехи, которой некуда было пристроить нерастраченную нежность, унаследовал титул отца и занялся каким благопристойным занятием, но Эмилия Эванс забеременела. Она умерла при родах, но отец получил законного наследника, о котором так долго мечтал, а Риган — отчуждение и забвение.

Разумеется, его происхождение держалось в строжайшей тайне, но знание домашних, их в большинстве своем косые взгляды, даже прислуги, стали его проклятием. Впервые он узнал о матери в восемь лет. Они с братом что-то в очередной раз не поделили, и Ригану прилюдно указали на его место.

На следующий день он сбежал из поместья, и каким-то чудом ему удалось добраться до города и до борделя. Где он выяснил, что Лайл Хэйс умерла несколько лет назад от туберкулеза. Его нашли, вернули домой, и за этим последовало жестокое наказание. Каждый день приходилось доказывать, что он достоин находиться в одном доме с братом и отцом, а малейшая оплошность стоила очередного пренебрежительного: «Что взять с ублюдка».

В жизни Бланш все было попроще, но и у хорошенькой дочери ростовщика хватало неприятных моментов. От сторонних людей она с детства слышала в свой адрес, что родись она с такой внешностью в знатной семье, отбоя от женихов не было бы. А так придется довольствоваться каким-нибудь зажиточным горожанином, который спустя пару лет начнет крепко выпивать и поколачивать. Будущее ей прочили не самое приятное, и Бланш приложила все свои силы, чтобы этого избежать.

С Риганом они познакомились в Ньюкасле. Будущий наследник лорда Эванса шел в очередной кабак напиться с утра пораньше, а она приехала в город, чтобы пройтись по магазинам со своей кузиной. Эта мимолетная встреча стала для обоих судьбоносной.

Бланш действительно была красавицей: невысокая, изящная, рыжеволосая, с точеными чертами холеного личика и ярко-голубыми глазами. Риган влюбился с первого взгляда, а она, узнав о его

внимании, навела справки. К сожалению, для Бланш, тайна происхождения Ригана держалась в стенах Эванс-Холла, поэтому она сразу ответила на его ухаживания.

Вне всяких сомнений, он был хорош собой, но больше всего в нем ее привлекал его титул. С каждой новой встречей он все больше влюблялся в нее, и вскоре в этом чувстве к нему присоединился его братец Захари, который был очарован будущей женой Ригана.

Рухнуло все разом, он до сих пор помнил тот чертов дождливый день, в который нелегкая вынесла его в сад вместе с кузеном. Четырнадцатое августа тысяча восемьсот двадцать первого года. Бланш случайно услышала их разговор о том, что титул и поместье достанутся Захари, а не ему. Услышала и сбежала, чтобы спустя несколько месяцев вернуться в дом сначала нареченной, а затем и женой молодого лорда Захари Эванса.

Воспоминание о том дне, о последовавших за ним месяцах, о персональном аду Ригана и перерождении, были не самыми приятными. Равно как и его возвращение в Ньюкасл спустя год, когда он узнал о смерти Бланш, убил всех, кому не посчастливилось в тот вечер оказаться в их родовом гнезде, и изменил Захари. Он до сих пор помнил кровь на своих руках, разорванные, изуродованные тела. Крови было много, и она была повсюду.

Эванс-Холл (близ Ньюкасл-апон-Тайн). Осень 1821 г.

У нее была поразительно светлая улыбка. Когда она улыбалась, вокруг становилось светлее — по крайней мере, Ригану казалось

именно так. Бланш Браун-Линтон появилась в его жизни два года назад, и он сразу понял, что пропал. С первого взгляда, обращенного на него, с первой улыбки, с первого прикосновения ее изящной руки, затянутой в атлас перчатки, с первых слов: «Рада знакомству, мистер Эванс».

То, что она выбрала наиболее перспективного... его брата, осознание этого, ничего не меняло. Он любил ее. Он жил ей. Даже в своем новом мире.

Мир оказался меньше, чем можно себе представить. Слишком тесным и пустым — без тех, кто был дорог. Новая жизнь, новые ощущения слишком быстро приелись. Быстрее, чем Риган мог себе представить. Восприятие, осознание стали ярче, отчаяннее, в том числе и тоска по тому, что осталось за чертой. Человеческие чувства, усиленные многократно, сводили с ума. Чувства к ней. Тоска по брату. Осознание, что назад дороги нет. Неприятие того, кем он стал. Звериная сущность, рвущаяся на свободу.

Это было гораздо страшнее, чем можно себе представить. Он знал, что ему больше нет места в их мире, и все-таки вернулся. Вернулся, чтобы увидеть.

Бланш Браун-Линтон Эванс.

1799-1821

Любимой жене.

Дорогой дочери.

Он отвернулся: это было слишком больно. Больно — тщедушное слово, сердце словно рвало на части. Риган не представлял, какой была бы боль, оставайся он человеком, но это было невыносимо.

Ветер взметнул сухие листья, швырнул в лицо потоки холодного воздуха и только тогда он поднял глаза на сторожа, переминавшегося с ноги на ногу, зябко кутающегося в хлипкий плащ. Старик закашлялся и Риган бросил взгляд через его плечо, в темноту кладбищенских тропинок.

— Домой бы вам, лорд Эванс, осень нынче очень холодная. Еще заболаете, не дай Бог.

— Когда это случилось? — сухо спросил Риган, будто бы не слышал его последних слов.

— Да две недели как похоронили, — отозвался старик и поплотнее закутался в старую продуваемую всеми ветрами тряпку, — ваш брат сам не свой был, да и сейчас, говорят, как с цепи сорвался. Путается невесть с кем, пить начал.

Под тяжелым взглядом старик осекся и спешно забормотал извинения, но Риган уже его не слышал. Вложив в его руку золотую монету, Эванс молча направился к выходу. Лунный свет не проникал сквозь свинцовый саван туч. Все будто погрузилось в бесконечную, непроглядную тьму.

Риган хорошо усвоил урок, что отнятая жизнь придает новых сил и отнимает частицу души и прошлого: того, что делало его человеком. С каждым разом убивать становилось легче, даже если в этом не было необходимости. Человечность не имела значения, людьми было забавно манипулировать, а все происходящее обращалось крайне

увлекательной игрой без правил. Точнее, с постоянно изменяющимися правилами. Такими, как пожелает он.

Лишь изредка накатывала тоска. Болезненная, мучительная, изнуряющая, какой он никогда не испытывал, будучи человеком. Тоска, от осознания того, что почувствовали бы Бланш и Захари, узнав о том, кем он стал.

Риган открыл дверь, не прилагая усилий. Замки оказались слабой преградой. Он не стал задерживаться, прошел в гостиную и остановился в дверях. Дядюшка и кузены встретили его неприветливым молчанием, двое гостей решили верным выказать солидарность родственникам лорда Эванса.

— Риган вернулся, — язвительно произнес дядюшка Джон, — что произошло? Неужели отцовские деньги кончились?

Эванс наклонил голову, улыбнулся, позволяя зверю внутри себя окончательно проснуться, наслаждаясь возрастающей яростью. Слова родственничка больше не могли задеть его — то, что он делал, Риган делал по своей воле, извлекая из глубин подсознания все самое жестокое, злое, чуждое человеческой природе.

Закончив на первом этаже, Риган поднялся наверх. Отец собирался ложиться спать и встретил старшего сына с пренебрежительно-высокомерным выражением на лице. Которое

медленно сползало по мере того, как лорд Эванс проникался видом Ригана, чьи руки в прямом смысле были по локоть в крови.

Он думал, что убьет папашу медленно. Долго, не спеша и со вкусом, хотя бы за все то, что по воле этого ублюдка пришлось пережить матери, но слова, брошенные отцом, заставили его передумать.

— Пошел вон. Выглядишь, как свинья на забое.

По всей видимости, отец решил, что Риган в очередной раз подрался. Так не разговаривают с сыновьями, даже с незаконными. Так обращаются к тому, кого считают значительно ниже себя. Ничтожнее.

Риган пришел в себя, когда отец тряпичной куклой повалился к его ногам. Пальцы еще бессильно сжимались, теперь уже в пустоте, как ранее на шее лорда Эванса. Хруст ломающихся позвонков по-прежнему звучал в ушах сладкой музыкой.

Он помнил все. Все, через что стоило перешагнуть и забыть: бесчисленные оскорбления, отношение, как к человеку второго сорта. И то, чего видеть ему было не суждено — слезы матери по ночам, отчаяние и страх, когда ее выкинули на улицу.

Это казалось слишком далеким и чужим, как если бы в воспоминаниях он переворачивал страницы чужой истории. К человеку, которого он убил, Риган не испытывал ненависти. Не испытывал любви. Всю свою жизнь он делал все, чтобы заслужить уважение отца. Уважение, которого так и не добился, потому что для него всегда был «не». Незаконный. Нелюбимый. Не к месту.

Сейчас Риган понимал, что даже вывернись он наизнанку, это бы ничего не изменило.

Перешагнуть. И забыть.

Именно это Риган и сделал, перешагнув через тело и направляясь в коридор. Дверь он оставил открытой. Спускаясь по лестнице, ощущая хруст перил, ломающихся под пальцами, сквозь пелену безумия он услышал пьяное бормотание, донесшееся снизу. Вернулся Захари.

Братец был, как говорится, в стельку. Принимая во внимание их внешнее сходство — каким образом папаше удалось заделать почти близнецов от двух разных женщин, Риган не понимал — он сейчас будто смотрел на себя в прошлом. Отчаяние, безнадежность и горечь, которую невозможно заглушить алкоголем, ни выбить в отчаянной кабацкой драке.

Захари запнулся о труп дядюшки Джона, навернулся лицом вниз, выругался и, поднявшись на четвереньки, замер. Риган стоял неподвижно, наблюдая за лицом брата. Он вдоволь насладился его беспомощностью, позволив побегать от себя по особняку, по комнатам которого в детстве бегали вместе. Перед тем, как закончить то, зачем пришел. Изменить брата и изменить себя. Навсегда.

Весна 1913 г.

Как назло, под нахлынувшими после сна воспоминаниями, Риган не обнаружил рядом с собой Ив. С утра и днем она постоянно сидела в

каюте, обложившись книгами, картами и дневниками, но ближе к вечеру вышла прогуляться. В отличие от него, ей нравилось бродить по залитой солнцем палубе и любоваться бликами, играющими на морской воде. Судя по времени, солнце уже должно было зайти, и Риган, умывшись и одевшись, выбрался из каюты.

Ее он заметил сразу, а если быть точным, узнал. Измененная, достаточно молодая. Странно, что он не почувствовал раньше — должно быть, увлечение Ив перешло все допустимые границы.

Смуглая темноволосая красавица стояла, облокотившись о поручни, и смотрела прямо на него. В светлых глазах искрилась насмешка и вызов.

— Не скучаете? — он оперся о перила рядом с ней. С молодыми измененными всегда весело, они еще по-человечески искренние и наивные.

— Уже нет, — улыбнулась та и положила ладонь на его грудь. — Странно, что мы не встречались. Изабель.

— Риган, — коротко отозвался он, сжимая ее ладонь и улыбаясь в ответ. — Ничего странного, Изабель, я был немного не в себе. Какими судьбами?

Творилось нечто воистину невероятное: рядом с ним стоит шикарная женщина, измененная, с которой можно было устроить зажигательный секс. Он же размышляет о том, какие черти принесли ее на этот корабль. И еще — что уже совсем из ряда вон — ловит себя на мысли, куда подевалась Ив, выглядывает ее среди людей по обе стороны палубы.

— Как тебя сюда занесло, Риган? — новая знакомая, по всей видимости, была из тех, кто предпочитает отвечать вопросом на вопрос.

— Люблю морские прогулки.

— Я тоже. Какое совпадение, правда? Ты веришь в совпадения? — она не оставила времени ответить, закинула руки на плечи и прижалась к нему. — Нет, мне на самом деле это не интересно. Почему мы еще не в постели, сладкий?

— Я выспался, — Риган резко отстранил даму от себя, — а вот вам, судя по всему, явно нужно соблюдать строгий постельный режим, Изабель, — он ухмыльнулся, проводя пальцами по ее запястью. — Здесь много докторов. Хотя бы вон тот почтенный господин. Видите, глаз с вас не сводит?

В светлых глазах отразилось удивление: красотка явно не привыкла к отказам и не сразу нашлась с ответом. Изабель обернулась и посмотрела в сторону жертвы — импозантного мужчины, который тут же слегка наклонил голову и коснулся пальцами шляпы, нахмурилась и снова перевела взгляд на Ригана.

— Второго приглашения не будет, — она пожала плечами и отступила на шаг, оставив ему последний путь к отступлению.

— Я только что упустил возможность, — он легко кивнул в знак согласия, — удачи на охоте, Изабель.

Риган не успел договорить, потому что перехватил взгляд Ив, которая резко развернулась и пошла в другую сторону. Она нашла свободное место на палубе чуть поодаль, облокотилась о поручни, и

плечи ее затряслись. Подмигнув на прощание измененной, Риган направился к Ив. Он втиснулся между ней и почтенной дамой необъятных размеров, перехватил гневный взгляд последней, послал извиняющуюся улыбку и притянул Ив к себе.

— Я снова тебя рассмешил. Не подскажешь, почему на палубах такой аншлаг? На ужин был гороховый суп и все позорно бежали из закрытых помещений?

Ив посмотрела на него, покачала головой и расхохоталась.

— Прости, — сказала, она отсмеявшись. — Я хотела подойти к девице и швырнуть ее за борт, но ты сделал даже лучше.

Она неожиданно крепко обняла Ригана, прижавшись щекой к груди, а он перебирал пальцами ее волосы и смотрел на темную воду. Было нечто донельзя странное в ощущении близости с ней. Тепло.

Присутствие Ив действовало на него умиротворяюще, как будто впервые за долгое время он обрел ту самую тихую гавань, к которой хочется возвращаться снова и снова. Ощущение правильности происходящего не покидало: этим чувством было пропитано каждое прикосновение, взгляд, каждая брошенная фраза или возвращенная улыбка.

Они еще долго гуляли по палубе, болтая обо всем, а потом вернулись в каюту. Ив заснула у него на руках, а он наблюдал за ней и не мог понять, что же особенного нашел в той, что еще какое-то время назад была просто средством.

Этот вечер стал бы одним из самых приятных за последнее время, если бы не «случайная встреча» несколько минут назад. Он не

мог перестать думать об Изабель и о том, что ей понадобилось на этом корабле. Совпадение? Риган был бы рад, если бы все оказалось так просто. Что же, теперь придется быть вдвойне осторожным и внимательным. Если побрякушкой заинтересовался не только Дариан, могут возникнуть проблемы. Серьезные проблемы.

Глава 6

Афины, Греция. Весна 1913 г.

Необычное знакомство переросло в необъяснимую близость. Ив не могла понять, что с ней происходит, но Риган занимал большую часть ее мыслей и времени. Они часами разговаривали на разные темы, смеялись над общими шутками и занимались сексом. И если сначала Ив считала себя игрушкой в умелых руках, то с каждым днем убеждалась в том, что Ригану она небезразлична.

Не последнюю роль сыграло и появление соперницы. Красивая, шикарная женщина решила соблазнить Ригана. Ив стала свидетельницей более чем жарких объятий и намеков. Нахалку не смущали свидетели, она повисла у него на шее.

Ив не помнила, когда последний раз так злилась. Ей захотелось подбежать к ним, схватить красотку за волосы, и оттащить от *своего* мужчины. Она впервые в жизни испытала ревность: жгучую, злую, разъедающую изнутри, но тут произошло неожиданное. Риган отстранился сам и посоветовал даме найти себе другого кавалера.

Ив не смогла сдержать смеха и искренней радости, полыхнувшей в душе. Для нее действительно важным было осознание привязанности Ригана. С каждым днем Ив все важнее становилась их близость, его отношение, меняющееся буквально на глазах. Когда она простыла после долгих прогулок по палубе, Риган заботился о ней, не выпускал из каюты, пока она не поправилась. Никто, кроме Жюли, раньше не уделял ей столько заботы и внимания.

Она потеряла мать в девять лет, отца — в четырнадцать. Родители жили словно на разных планетах, каждый со своими увлечениями и друзьями. Отец пропадал на раскопках, мать вела светскую жизнь. Модный брак по расчету всех устраивал. Единственной связью между ними была маленькая Ив. Ей отдавали всю любовь и свободное время, которого было не так и много.

Внимание восполняли подарками. Лучшие платья, игрушки и, конечно же, путешествия. Ив приводили в восторг рассказы отца о разных странах. После смерти мамы он иногда брал ее с собой, прививая любовь к археологии.

Для Ив, которая любила загадки, отец придумал шифр и половина его записей состояла из ребусов. Когда она оставалась дома, ей приходили зашифрованные письма, полные логических цепочек и подсказок. Она проводила несколько часов, а то и дней за разгадкой таких необычных посланий, и ждала возвращения отца домой.

Однажды он не вернулся. Вместо него в их доме появился низкорослый тучный мужчина с темно-русыми, растрепанными от ветра волосами. Тома Дюпон носил очки, обладал взрывным, но отходчивым характером, и знал отца Ив лучше, чем кто-либо из его

друзей и коллег. Тома стал ее опекуном и обещал, что они вместе продолжат дело, которое не закончил Бертран.

В наследство Ив досталось немалое состояние родителей и дневники отца. Дюпон настаивал на том, чтобы она расшифровала заметки, которые тот вел на знакомом только ей языке. Так они могли узнать о тайнах, которых удалось коснуться Бертрану.

Тома не просто любил археологию, он жил древними цивилизациями, миром прошлого. И хотя обладал пугающей внешностью и сложным характером, Ив удалось с ним подружиться. Она долго убеждала опекуна в том, что способна не только сидеть в Женвилье и расшифровывать письма, но и стать его помощницей. В восемнадцать Тома впервые взял ее с собой в экспедицию. Тот день стал одним из самых счастливых в жизни Ив.

Дюпон не заменил родителей, но кроме него и Жюли в ее жизни не было близких. Если в юности Ив еще мечтала о возлюбленном и детях, то после истории с Джорджем Уилсоном похоронила свои грезы. Любовь к мужчине казалась ей чем-то отталкивающим и пугающим, сродни страшной зависимости, а близость — неприятностью, к тому же болезненной.

Даже сейчас она боялась выглянуть из скорлупы и признаться себе, что раньше ей не доставало таких отношений, какие сейчас дарил ей Риган. Ив боялась того, что он разобьет ей сердце, и на этот раз все закончится гораздо более плачевно. Ведь рядом с Уилсоном она не испытывала и десятой доли притяжения, которое сводило ее с ума при одном взгляде на Ригана.

Возможно ли поверить в то, что тот, кто прожил почти сто лет, привяжется к той, кому едва минуло двадцать два? Это было бы верхом глупости, и все же в глубине души она не переставала надеяться. Несмотря на то, что по-прежнему не верила ему. Не верила в себя.

— Можешь сделать меня такой же, как ты? — однажды решилась спросить Ив.

Они лежали в постели после очередного умопомрачительного секса, и она подумала, что если не спросит об этом сейчас, не спросит уже никогда.

— Мне не будет страшен насморк или лихорадка.

— Я об этом думал, — признался он. — Утрясем все с твоей популярной безделушкой, и вернемся к этому вопросу. Вряд ли тебе будет приятно проводить свои первые дни измененной под весенним солнцем.

Ив любила весну и лето. Не представляла жизни без солнца и хандрила в холодные пасмурные дни. Еще она думала о том, как можно прожить столько лет и не сойти с ума.

— Это больно? Само *изменение*.

— Больно.

Ив погладила его по руке, желая забрать боль воспоминаний.

— Если ты захочешь сделать это со мной, я выдержу, — храбро заявила она.

— Не сомневаюсь, — отозвался он, — но пока у тебя есть время, хорошенько подумай. Признаться честно, я сам до конца не уверен, что буду делать с этими сотнями лет, отведенных мне в довесок. Каждый год бесконечной жизни меняет тебя, и не факт, что в лучшую сторону. Ценность жизни становится безразлична.

Ив не знала, как распорядится своим бессмертием. Вечная жизнь не казалась даром, скорее, сомнительным удовольствием, и все же она не хотела расставаться с Риганом. Какие отношения могут связывать женщину, которая вскоре состарится и станет, как печеное яблоко и привлекательного молодого мужчину?

— Боишься, что я стану похожей на Изабель и разонравлюсь тебе? — поддразнила она его.

Риган рассказал, что та женщина была молодой измененной, и это только подстегнуло интерес Ив и желание стать такой же, как он. Годы не смогут отнять красоты и молодости, и она сможет посмотреть весь мир, забраться в такие уголки земного шара, о которых даже не мечтала. Прогресс шагает семимильными шагами, и кто знает — возможно, со временем она сможет сесть за штурвал самолета или...

— Тебе это не грозит, — перебил ход ее мыслей Риган, возвращая в реальность, — она просто не выдержала конкуренции, потому что рядом была ты.

— Я бы хотела быть рядом всегда, — произнесла Ив и, вспыхнув, поспешно уткнулась лицом ему в плечо. Щеки горели огнем, и она не

хотела показывать Ригану, насколько приятно ей было услышать такие слова.

Не считая насморка, путешествие по морю завершилось успешно. Оставалось встретиться с Томой в Афинах, чтобы соединить их записи и сверить маршруты.

Ив несколько месяцев учила Дюпона читать шифры отца. Его маниакальное увлечение загадками, оборванными на полуслове, поражало даже ее. Будто отец опасался того, что кто-то сможет добраться до его секретов.

Тем не менее, без помощи Тома Ив бы не приблизилась к разгадке столь скоро. Даже вместе они потратили почти восемь лет на то, чтобы воссоздать часть записей, расшифровать и нанести на карту.

Отец писал про древний мир, который существовал до минойской цивилизации. Он наткнулся на упоминание о ней во время путешествия на Мальту, но никому не сообщил о находке. Никому, кроме Ив, которой отправил свои дневники и записи, и Тома, с которым познакомился во время той самой поездки. Он работал над этим втайне, и так и не обнародовал свои догадки. Потому что не успел.

Дюпон должен был прибыть в Афины через пару дней. Раньше Ив места бы не находила от нетерпения, но сейчас позволила себе передышку перед очередными приключениями. Ей хотелось просто наслаждаться обществом Ригана.

Они гуляли по городу вечером и ночью, а днем, когда Риган спал, Ив ломала голову над картами, которые могли указать на точное

местонахождение древнего города. Отправной точкой служил Кносс, но куда двигаться дальше, им с Томой предстояло выяснить на месте.

Идиллию нарушило появление Джорджа Уилсона. Ив столкнулась с ним в холле отеля. Пока Риган спал наверху, она решила прогуляться до книжной лавки, ничего интересного не нашла, зато встретила Джорджа.

Уилсон совсем не изменился. Такой же холеный, с подтянутой фигурой и самоуверенной улыбкой, но теперь Ив не замечала в нем привлекательности. Он совершенно терялся в ее глазах, стоило только подумать о Ригане.

Уилсон сразу заметил ее, улыбнулся и помахал рукой, что не позволило избежать встречи. Он быстро пересек холл, оказавшись рядом с Ив, бесцеремонно обнял за талию, притягивая к себе, поцеловал в щеку и отпустил. Когда-то сердце Ив замирало от его прикосновений, а сейчас ей захотелось умыться.

— Прекрасно выглядишь, малышка, — весело произнес он, — не мог дожждаться встречи с тобой. Помнится, мы здорово проводили время, пока эта курица все не испортила.

Ив удивленно заморгала. Он обращался к ней, как к шлюхе, а свою жену называл курицей. Как она могла считать, что любит такого человека, даже будучи глупой девчонкой?

— Если вы про раскопки, мистер Уилсон, — Ив даже не пыталась казаться вежливой, — то да, это было интересно.

— Я про наши с тобой совместные... — он ухмыльнулся. — Раскопки. А у тебя испортился характер, малышка.

— Мне нужно идти, — раздражение, охватившее Ив, не позволяло мыслить здраво. Ей совсем не нравились его грязные намеки. — Характер тут не при чем, просто с возрастом я стала лучше разбираться в людях.

Она развернулась, но Джордж перехватил ее за руку, резко притягивая к себе.

— Не советую тебе ссориться со мной, малышка. В прошлый раз твой опекун вышвырнул меня как щенка, но на этот раз у меня своя команда и свое руководство. Лучше тебе быть со мной поприветливей, глядишь, придется вместе работать.

Когда до нее дошел смысл сказанных им слов, Ив пришла в неопишемую ярость.

— Во-первых, меня зовут Эва Ламбер, — прошипела она. — Во-вторых, я не хочу с вами жить в одном отеле, не то что работать!

— Ух, как заговорила, — ухмыльнулся он, — ты еще будешь меня умолять... Эва Ламбер, — последнее Джордж произнес насмешливо-презрительно, будто выплюнул, отшвырнул ее руку от себя и пошел в сторону выхода.

Ив трясло от гнева, когда она поднималась в номер. Подумать только, Уилсон появился вновь в ее жизни и считает, что она будет его подстилкой.

Ив так разозлилась, что с силой хлопнула дверью. Подбежала к умывальнику и плеснула в лицо водой. Прошное всплыло в ее памяти, мерзкое и грязное. Она желала больше никогда не встречаться с этим человеком, но он был уверен в обратном. К счастью, их пути никогда не пересекутся даже в археологии, не говоря уж о чем-то большем.

— Что случилось? — в голосе Ригана не было ставшего уже привычным сарказма.

Ив громко выдохнула. Конечно, она его разбудила.

Риган стоял за ее спиной, облокотившись о дверной косяк, а точнее, навалившись на него. Ив мигом позабыла об Уилсоне и своих неприятностях. Выглядел Риган неважно: кожа приобрела синеватый оттенок, а вокруг глаз залегли темные круги. Он тратил много времени на сон, но это не помогало. Во время болезни Ив он совсем не пил ее кровь и редко оставлял одну. На корабле у него не было возможности свободно кормиться каждую ночь, особенно в присутствии Изабель, и с каждым днем ему становилось все хуже.

Об особенностях питания измененных Ив тоже узнала от Ригана, но не стала устраивать истерику. Им необязательно было убивать людей, чтобы есть — достаточно взять столько, сколько нужно, и заставить человека забыть о тебе. Головокружение, легкая слабость и недомогание пройдут в течение нескольких дней, а недоумение по поводу пораненной руки можно списать на неосторожность.

— Неважно, — отмахнулась она, подходя к нему, убрала налипшие на лоб пряди, стирая холодный пот. — Ты выглядишь ужасно. Риган, тебе нужно поесть.

— Для меня важно, — отозвался он и протянул ей руку, — до вечера совсем чуть-чуть осталось, выберусь в город.

Ив нырнула в его объятия, как в омут: чувствуя, как постепенно улетучиваются гнев и плохое настроение. Она запрокинула голову и улыбнулась.

— Я встретила бывшего коллегу, — ответила она полуправду, не желая вдаваться в подробности. — Этот человек вывел меня из себя. Надеюсь, что мы с ним больше никогда не встретимся. Мерзкий тип.

— Могу оторвать ему голову, — слабо улыбнулся Риган, его ноздри шевельнулись, а взгляд остановился на ее шее.

Ив почувствовала его напряжение, поспешно высвободилась и отошла в сторону. Она понимала, что соблазн для него слишком велик, и не хотела лишний раз провоцировать. Испугалась, и устыдилась, потому что знала: Риган почувствовал ее страх.

Не произнося ни слова, он развернулся и быстро вышел из номера. Должно быть, переждал в холле до заката — соваться в ослабленном состоянии под весеннее, пусть даже заходящее солнце, было делом рискованным.

Проследив, что он вышел из отеля, Ив помаялась, укоряя себя за малодушие, а потом устроилась в кресле с книгой. Раньше время за интересным чтением пролетало незаметно, но сейчас она не могла сосредоточиться на страницах. Ив скучала по Ригану и мысленно все время возвращалась к нему. Почему она не пошла за ним, почему не остановила? Где он сейчас? Когда вернется?

Ее мысли прервал резкий стук в дверь. Ив поспешно отбросила книгу и вскочила. Уже по дороге поняла, что у Ригана был ключ, и что это кто-то из служащих. Что им вдруг понадобилось ближе к ночи? Стараясь скрыть разочарование за вежливой улыбкой, она оправила платье, пригладила волосы, открыла дверь и замерла: на пороге стоял Джордж.

Уилсон одним движением втолкнул ее в номер, шагнул следом и повернул ключ. Ив даже не успела опомниться.

— Думала, так просто от меня отделаешься? — ухмыльнулся он. — Нашла себе нового любовника, Эва Ламбер? Я тут навел справки и выяснил, что ты приехала с мужчиной. Он тоже остановился здесь, какое совпадение! Правильно моя бывшая назвала тебя шлюхой, хотя я-то никогда не сомневался в твоих талантах.

Ярость Ив, наконец, обрела выход, она шагнула к Джорджу и влепила пощечину. Самодовольный подонок, которому она отдала невинность, смеет так называть ее?! Он ушел из ее жизни, оставив после себя разочарование, грязь и сожаления, а теперь смеет касаться своими лапами самого сокровенного, отношений с Риганом благодаря которым она ожила?!

— Как ты смеешь, мерзкая шлюха?! — он ударил ее по лицу, сильно и наотмашь: так, что у Ив потемнело в глазах, и она чудом не рухнула перед ним на колени. — Не стоит строить оскорбленную невинность. Как еще назвать незамужнюю девицу, которая путешествует с мужчиной и спит с ним в одной теплой постельке?

— Как мое путешествие относится к тебе? — процедила она сквозь зубы, невольно отступая назад. Щека горела от удара. Ив не

могла позволить ему снова прикасаться к себе.

— При чем тут путешествие? — он шагнул к ней. — Я просто вспомнил, как нам было здорово в прошлый раз и решил повторить.

Теперь Ив дрожала от страха. Джордж схватил ее за руку и потащил за собой, швырнул на кровать, наваливаясь сверху и сильно сжимая грудь.

— Мне кажется, или она стала больше? Тебе же нравится, ну признай!

Ив начала бешено вырываться, с силой зацепив локтем его подбородок, и тут же получила затрещину, от которой зазвенело в ушах.

Ничего из случившегося в прошлом не могло понравиться. Она помнила, что Джордж мастак причинять любовницам боль, но не догадывалась, что это приносит ему удовольствие. Сейчас Ив испытывала лишь чувство омерзения и ужас перед насилием.

Она набрала воздуха в легкие и закричала бы, но Джордж с силой запечатал ей рот ладонью, разбив губы.

— Лучше молчи, — прошипел он, склоняясь к самому ее лицу, свободной рукой задрал платье вместе с юбкой, — а то будет хуже.

Несмотря на средний рост, Уилсон был очень сильным. Вырваться из его лап оказалось невозможно. Ив почувствовала, как его мерзкие руки лапают бедра и ягодицы, и чуть не зарыдала от отчаянья. Она не могла позволить этому продолжаться даже после его угрозы.

Расслабившись и закрыв глаза, Ив досчитала до трех и, когда Джордж приподнялся, с силой ударила коленом в пах.

Уилсон взвыл и скатился на кровать, прошипев сдавленное:

— Шлюха!

Драгоценное время уходило на то, чтобы справиться с ужасом, Ив чувствовала, что задыхается, перед глазами все плыло. Она брезгливо столкнула с себя его руку, спрыгнула с кровати, ведомая животным страхом, глубоко вдохнула.

От резкого движения и вдоха в глазах потемнело, но Ив понимала, что надо бежать. Она бросилась вперед, но Джордж успел зацепить край платья и резко потянул на себя. Запутавшись в разорванных юбках, она неудачно упала на пол, ободрав локти о старый деревянный настил.

Послышался треск ткани, и Ив вновь оказалась под мерзавцем. В этот раз он навалился на нее со спины, прямо на полу, разрывая платье и юбки.

— Я же говорил, что будет хуже, — процедил он, вцепившись ей в волосы, заставляя запрокинуть голову.

Ив могла поклясться, что ей не было так страшно даже тогда, когда Риган впервые укусил ее. Она охрипла от крика, когда Уилсон рванул ее за волосы, слезы струились по щекам. Ив всхлипывала от боли и страха, зная, что последует дальше. Она не верила в Бога, но сейчас стала молиться, и просила его о том, чтобы Риган пришел ей на помощь.

Глава 7

Риган не стал задерживаться, все прелести ночных Афин без Ив ему казались тусклыми и пресными. Он вернулся в отель в приподнятом настроении. Организм, получивший порцию крови, больше не напрягал животным голодом. Риган еще не дошел до номера, когда почувствовал ее страх и боль, и метнулся вверх. Спасибо скорости измененных, он успел.

Его Ив в разорванном платье на полу, а какой-то ублюдок держит ее и собирается снимать штаны. Вопреки логике, губы дрогнули, расплываясь в изощренной ухмылке-оскале. Мгновение спустя он уже держал мерзавца за горло, вжимая в стену, а тот хрипел и жалко дергал ногами, порываясь вырваться из захвата.

— Вы, должно быть, тот самый коллега, — Риган пристально посмотрел ему в глаза, но ответа не дождался, кроме сдавленного сипения. Раньше он оттянулся бы по полной с этим ублюдком, включая членовредительство в прямом и переносном смысле, но сейчас его остановила мысль об Ив.

Риган швырнул его через всю комнату. Тот пролетел над кроватью, врезался в шкаф, с грохотом проломил его двери и свалился на пол, погребенный под грудой тряпья, обломков дерева и осколков зеркала. Риган же в мгновение ока оказался рядом с ней, осторожно прижимая к себе и успокаивающе глядя по волосам, по спине.

— Тихо, — произнес он, — я с тобой, Котенок, все хорошо.

Слова вырвались сами собой, но ему было не до удивления обрушившейся нежности. Он действительно сходил с ума от тревоги

за нее: несмотря на то, что все закончилось, просто представляя, что ей пришлось пережить.

Она выдохнула его имя, заплакала, обняла и прижалась. Он продолжал гладить ее по спине, утешая, как маленького ребенка и вспоминая, как перед его прогулкой Ив ураганом ярости влетела в номер после встречи с мерзавцем.

Риган неприязненно относился к мужчинам, которые способны поднять руку на женщину. У измененных острые грани стираются, потому что животные инстинкты и сила предполагают более резкий стиль общения: во всем, включая секс. Тем не менее, даже с себе подобными дамами он предпочитал более галантное обращение, а от представившейся в номере картины просто озверел.

Если бы не Ив, сейчас части тела ублюдка валялись бы по всему номеру. Недоделкам, не способным добиться женского расположения своими силами, прямой путь в ближайший сортир с ведром вазелина в компании с собственной фантазией.

Ив понемногу успокаивалась, и Риган подхватил ее на руки и поднялся.

— Пойдем в ванную, Котенок.

Выглядела она ужасно: на скуле под ссадинами наливался цветом огромный кровоподтек, на заплаканном бледном лице выделялись искусанные губы, все в крови. Ив присела на край и ждала, пока он откроет воду. Ее почти перестало трясти, и теперь она ощупывала лицо.

— Я ужасно выгляжу, — хрипло произнесла она. — А вот ты лучше. Я рада.

Ив неуверенно улыбнулась и поморщилась от боли, позволила ему помочь ей раздеться. На теле тоже не обошлось без синяков: на руках, бедрах и ягодицах. Она покраснела под его яростным взглядом и забралась в ванную.

— Прости, что была так беспечна, — Ив прикрыла глаза и положила голову на бортик. — Я ждала тебя, но... — голос ее сорвался. — Пришел он.

Она всхлипнула, но не заплакала, только вцепилась пальцами в края ванной так, что побелели костяшки. Риган опустился прямо на пол, накрыл ее руку своей.

— Он хрен бараний, — пробормотал он в сердцах, нисколько не стесняясь в выражениях и чувствуя, как изнутри поднимается волна дикой, животной ярости, сдерживать которую становилось все труднее, — а ты прекрасна.

С губ Ив сорвался сдавленный смешок, и Риган понял, что она ему не поверила. Кажется, в голове у этой девочки тараканы все еще не перевелись.

— Эй, — он улыбнулся, глядя на нее, — если ты считаешь, что я гадкий лстец, можешь сказать мне об этом прямо. Ты так считаешь?

Ив открыла свои огромные, заплаканные глаза, посмотрела на него и слабо улыбнулась.

— Нет.

— Вот и чудно.

Он не хотел оставлять ее одну. Его не покидали мысли о кровавой расправе над ублюдком, валяющимся в их номере, и внутренний зверь, почуяв близость охоты, яростно рычал.

Ив, словно почувствовав настроение Ригана, не сводила с него благодарного взгляда, полного нежности. Он же заставлял себя смотреть на нее, смотреть и видеть только прекрасные изгибы тела, не расчерченные полосами от ногтей и смазанными пятнами кровоподтеков. Потому что когда он их замечал, глаза застилала кровавая пелена и хотелось рвать и кромсать, корежить ублюдка до тех пор, пока в том не останется ни единой целой кости, заставить его пройти все круги Ада и испытать то, что испытала Ив — в десятки, в сотни раз ярче. Только ее взгляд его останавливал. Ее присутствие.

Отложив мочалку, Ив неловко повернулась и коснулась его щеки ладонью.

— Спасибо, — прошептала она. — С тобой я чувствую себя красивой даже сейчас.

Он не ответил, просто принимая ее слова и свои чувства, как данность. Риган не имел ни малейшего представления, что будет делать, что их ждет в дальнейшем, и не хотел об этом задумываться. Главное было здесь и сейчас.

Ярость не угасла, но зверь, ощерившись, временно отступил. Он помог ей принять ванну, подал халат и проводил в комнату. По-хорошему, стоило бы прибраться до возвращения Ив, то есть выкинуть этот мешок дерьма прямо в окно, но он не хотел оставлять ее.

Ублюдок валялся там же, куда его швырнул Риган, разве что сейчас пришел в себя и выл: негромко, но надрывно, на одной ноте, явно не от приятных ощущений. В комнате витал запах крови, и этот запах будоражил.

Ив старалась не смотреть на мерзавца, только сжала руку Ригана и попросила:

— Пожалуйста, не убивай его, но сделай, чтобы он больше не мог так ни с кем поступить. Я знаю, ты можешь ему внушить.

— Займусь, — легко согласился Риган.

Для начала он заставил воющего от боли гада замолчать и вести себя тихо. После чего проводил Ив в свой номер и пообещал, что не задержится.

Когда он вернулся, ублюдок лежал на том же месте и в той же позе, в какой Риган его оставил. Вряд ли у него получилось бы пошевелиться, потому что по ощущениям целых костей в его тщедушном тельце стало значительно меньше. Решив, что порядком заняться можно чуть позже, Риган устроился на полу и внимательно посмотрел недобитому недоделку в глаза.

— Теперь можешь говорить, — недобрым шепотом произнес он, — но желательно по делу и шустро, потому что искушение оторвать тебе член не прошло. Какого хрена ты здесь делаешь?

Тот открыл рот, но проблеять ничего не успел. Из взгляда злосчастного коллеги Ив напрочь исчезла боль, он стал стеклянным и пустым. Риган слышал, что такое бывает. Иногда воздействие измененных на разум человека заканчивались весьма плачевно.

Странность заключалась в том, что Риган и не думал сейчас использовать внушение, скорее наоборот.

Он хотел, чтобы гад в здравом уме и свежей памяти отвечал на вопросы и в процессе навалил в штаны. Щадить его Риган не собирался, поэтому когда засранец мало-мальски оклемался, он повторил вопрос. Повторил с нажимом, и снова наткнулся на бессмысленный взгляд. Может, суть была в том, что гаду хорошо прилетело, и теперь его мозг отказывался служить хозяину верой и правдой.

Третий раз, уже со внушением, оказался фатальным. У него закатились глаза, парень дернулся и затих, изо рта бежала тонкая струйка крови. Ригану не надо было даже щупать пульс, чтобы понять, что он мертв.

— Мда, — хмыкнул он, поднимаясь. Выяснить ничего не удалось: ни с какой командой приехал бывший коллега Ив, ни какого хрена, ни почему он откинул копыта во время невинной беседы. Мог, конечно, заработать разрыв сердца, но Риган почему-то был уверен, что дело не в этом.

Он поднялся, окинул взглядом номер, больше напоминавший поле боя, фыркнул. Когда они будут съезжать, принимающему придется промыть мозги. Как бедняга изволит объясняться перед начальством за разгром — уже не его проблема. Разбирательство с трупом и выяснения особых обстоятельств, которые занесли коллегу Ив в Афины, Риган решил отложить на потом. После того, как она заснет.

Ив сидела перед зеркалом, расчесывая длинные волосы, и задумчиво смотрела на отражение. Могло показаться, что она спокойна, но Риган чувствовал, что это не так. Он подошел, обнял ее со спины и поцеловал в макушку.

— Хотел предложить тебе прогуляться по вечерним Афинам... Но теперь лучше расскажу сказку на ночь. Ты согласна?

Она улыбнулась, положила щетку на трюмо и обвила шею Ригана руками.

— Да. И не только сказку.

Он притянул ее к себе и поцеловал в губы. Сейчас ему казалось странным представить, что всего пару недель назад этой прекрасной женщины не было в его жизни. Риган понимал, что влюбился: окончательно и бесповоротно. Впервые за долгое время, после смерти Бланш, он снова чувствовал себя по-настоящему живым.

— Сегодня ты задаешь тон. Буду твоим покорным слугой весь вечер, — Риган шутливо поклонился, — что прикажете, моя госпожа?

Она довольно рассмеялась, стараясь не морщиться от боли. Его покорность, похоже, пришлась ей по вкусу.

— Я хочу услышать сказку в постели.

Ив привстала на цыпочки, положив руки ему на плечи и поцеловала — жадно, как после долгой разлуки, несмотря на искусанные губы. Она отвечала на его чувства с такой неистовой

нежностью, что Риган окончательно разуверился в принятом давно решении жить в гордом одиночестве и сдохнуть в один прекрасный день на побережье, в объятиях прекрасной креолки, от оргазма и солнечных ожогов.

Он подхватил ее на руки, отнес в кровать, укрыл одеялом и устроился рядом.

— Сказка, — произнес он выразительно, и добавил предупреждающе, — страшная. Давным-давно, в одном далеком королевстве Король загулял со служанкой. Родился у них сын, которого бездетная Королева попросила оставить при дворе. Тогда она еще не знала, на что подписывается, но до основного кошмара все равно не дожила, поэтому простим ей эту глупость. Время шло, Король с Королевой старались, кровать скрипела, и усилия их не прошли даром. В положенное время родился у них законный сын, милашка с виду, на деле баклан. Королева такой радости не вынесла и прямо после родов отправилась на небо, а Король возрадовался наследному принцу. Старшего же записал в нечто среднее между прислугой и земляным червем. Прошли годы, и однажды Старший сын отправился в город, купить выпивки, нажраться и подраться... то есть я хотел сказать, обзавестись книгами полезными и погрузиться в них, чтоб света белого не видеть.

Ив протянула ему руку, и Риган взял ее в свои, легко коснулся губами пальцев.

— Там он встретил прекрасную Девушку из соседнего королевства. Девушка была действительно красива, знала об этом и собиралась в будущем стать королевой, не меньше. Так они и познакомились. Старший принц, который и не принц вовсе, влюбился

в нее без памяти, привез в родительский дом, говорит: «Жениться хочу». Тут ее и Младший увидал, а мы все еще помним, что Девушка была прекрасной? Взял и следом влюбился. Так и шло дело к свадьбе, пока однажды Девушка не узнала, что ни шиша Старшему не светит. Он ей предложение делать, а она за сердце хватается и кричит: «Ой, отравилась я, добрый человек, домой поеду, отлежаться». А он не будь дураком говорит: «Давай-ка отвезу тебя до дому». А она ему: «Уходи, недоносок, не принц ты и не пара мне вовсе». С горя Старший сын поехал в город за книгами, и снова стал частым гостем в различных библиотеках. Однажды в одной из них услышал он, как четверо невежд о Дидро нелестно отзываются. Подходит к ним и говорит: «Да какое же вы, многоуважаемые господа, право имеете о великом такими словами позорными изъясняться?!» Некоторые летописи, правда, утверждают, что дело было вовсе не в библиотеке и не в Дидро, но это детали. Закончилось все поножовщиной в темном переулке. И как бы ни был храбр наш Принц, прилетело ему под ребра. Там он и сдох бы благополучно, но тут появился Волшебник в розовых одеждах и сиреневом мерцании, убил невежд и спас Принца. Волшебник оказался неправильный и спасение было с нюансом, но ход истории от этого не поменялся. После спасения и сам Принц стал неправильным, от солнца его тошнило, зато тянуло на соленое с металлическим привкусом. Попробовал грызть вилки, смазанные солью — не прокатило, пришлось на кровь переходить. Брат его женился на Красавице и сделал ее принцессой, а Принц путешествовал около года. Когда вернулся в родные края, узнал, что бывшая возлюбленная отправилась к Королеве, компанию составить. С горя так ополоумел, что ворвался в замок отца, перебил всех слуг, самому Королю оторвал голову, а брата тоже сделал неправильным. Когда в себя пришел, было

уже поздно, но он не особо переживал. Шлялся по городам и странам, спасал красавиц от драконов, они его благодарили всеми способами, потом спасал драконов от красавиц. Развлекался, как мог. Однажды в королевстве Маскара, где легионеры великого государства Франция вытаптывали сапоги по раскаленным пескам, встретил не только красавиц и драконов, но и сводного брата. Вместе они учинили резню невиданного доселе размаха даже по меркам неправильных. А поскольку на счету Принца уже было множество перебитых, прослышал о нем Главный Волшебник, всем волшебникам Волшебник, который очень не любил, когда кто-то буянит. Был он не то чтобы стар, но и не совсем молод. В общем, представлял собой нечто по странной случайности не рассыпавшееся в прах, а по впечатлению некоторых вполне себе привлекательное. Прислал он за принцем Деву с белой гривой. С одной стороны, она была на человека похожа, а внутри дракон вылитый. «Жить хочешь? — говорит она ему. — А коли хочешь, и чтобы твой брат-обалдуй тоже существовал в мире и покое, придется тебе сначала звездюлей получить, а после в услужении пойти. Во искупление грехов своих». Принц получил нахлобучку, каких еще не видывал и сомнительного счастья предложение отныне состоять в свите Главного Волшебника. Тут и сказочке конец. Был бы. Если б не отправил его Главный Волшебник за неведомой фигней и не встретил Принц прекрасную Даму, в которую влюбился без памяти. И стало ему пофиг и на неведому фигню, и на Главного Волшебника, и на всех девиц и драконов вместе взятых. Потому что главное он уже нашел.

Риган развел руками и посмотрел на нее.

— Так все и было, рассказывают.

Ив обняла его и прижалась всем телом, и в этом жесте было больше доверия, чем во всех клятвах и обещаниях разом.

— На этом история не закончилась, — прошептала она, почти касаясь губ Ригана, — потому что Дама тоже полюбила Принца и не испугалась его прошлого. Несмотря на то, что однажды поклялась себе ни в кого не влюбляться и путешествовать по миру, она поняла, что без него все будет не то. Жили они долго и счастливо и путешествовали вместе. Ведь каждая сказка так должна заканчиваться?

— Сказка у каждого своя, — он не испытывал ни малейшей неловкости от того, что только что рассказал о своей жизни и признался Ив в своих чувствах. — И она не должна заканчиваться.

Восторг от ее ответа был искренним и ярким. Она не стала его жалеть, но отметила, подчеркнула единственно важное для него. С Ив все получалось легко и просто, она будто знала его давным-давно и чувствовала, как самое себя. Они поболтали еще немного, а потом она заснула в его руках, свернувшись калачиком и подтянув колени к груди, как самый настоящий котенок.

Коллегу Ив звали Джордж Уилсон. Чистокровный англичанин и джентльмен со специфическим мировосприятием. Сначала Риган избавился от тела этого воистину уникального во всех отношениях человека, а после снова выбрался в город.

Происходящее ему совсем не нравилось. Найти измененных в столь краткий срок, особенно если они того не желают — проблема, но Риган привык видеть решения непосильных задач, а не трудности, и сыпал описаниями Изабель на каждом углу. В ночном городе новости расходятся быстро, и ни один измененный не простит такого попустительства со стороны себе подобного. Особенно если желает остаться незамеченным.

Он искренне надеялся на то, что годы работы на Дариана наградили его паранойей, что все окажется пустым звуком, и что Изабель давным-давно где-нибудь в другом месте пьет кровушку знойных красавцев.

Увы, приобретенная интуиция пришлась к месту, и итальянка нарисовалась на горизонте за пару часов до рассвета. Не одна, а в компании двух недружелюбно настроенных кавалеров, за которыми тянулся ароматный шлейф крови: друзья только что плотно позавтракали, и что-то подсказывало Ригану, что с летальным исходом. Запах человеческой смерти ни с чем не спутаешь.

Усмехнувшись, он направился в ближайший проулок, предоставив веселой компании следовать за ним. Справиться с этой малышкой Риган мог одной левой, поэтому несколько не переживал за их численное превосходство. Интересовали его не они, а те, кто стоял за ними, их истинные цели.

Остановившись, он обернулся и встретился с ней взглядом. Изабель приблизилась, сделала своим шавкам жест ждать, положила руки ему на плечи и заглянула в глаза.

— Теперь я тебе понадобилась, Риган? — улыбнулась она. — Я же предупреждала, что второго приглашения не последует, или ты прослушал?

— Память, — он отстранился, хлопнул ладонью по лбу, — так зачем ты здесь, Изабель?

— Никакой учтивости в обращении с дамами. Нет бы уделить внимание, — она обернулась, бросив насмешливый взгляд на сопровождающих, которые отнюдь не разделяли ее энтузиазма в теме тесного знакомства с Риганом.

Изабель ласково провела пальцами по его щеке, и он сам не понял, почему замер под ее взглядом, а потом сила полыхнула огнем, обжигая сознание. Отследить ее движение он не успел, измененная с силой сжала руку на его шее.

Истинная сила итальянки превышала даже не вторую, а скорее третью сотню лет. Ильга рассказывала, что старшие измененные способны скрывать истинный возраст. Если бы он был внимательнее, задумался бы об этом сразу. Теперь понятно, почему он не заметил ее на корабле.

— Что скажешь теперь? — произнесла она. — Я ведь предлагала тебе дружбу, Риган. От которой ты столь нелюбезно отказался.

Она чуть ослабила хватку, чтобы позволить отвечать, но Риган не сомневался, что малейшее неосторожное движение, и его гортанью будут лакомиться местные псы. Об этом Ильга тоже говорила: если влип — не выделяйся и не провоцируй. Выждидай и действуй только когда будешь уверен.

— Никогда не верил в дружбу между мужчиной и женщиной.

Кажется, это не тот ответ, который стоило озвучивать, или Изабель просто встала не с той ноги. А может, так и не простила ему равнодушия. Додумывал Риган уже в полете, потому что она швырнула его, как порыв ветра щепку.

Только реакция измененного позволила ему не переломаться вхлам. Головой он все же приложился от души. Дернувший болью затылок, вымокшие в крови волосы и Изабель, мгновенно оказавшаяся рядом с ним, позволили Ригану оценить градус степени западла.

— Ты убил Уилсона. На тебе запах его смерти, — прошипела она, — этот человек работал на меня.

Ильга вряд ли оценила бы его попытку схватиться с той, что старше на двести лет. А вот Изабель отметила особо: впечатала лицом в мостки, придавив коленом шею совершенно неженским жестом. В вывернутой за спину руке все же что-то хрустнуло, и Риган с трудом сдержал фольклорное выражение, чудом не сорвавшееся с языка.

Он чувствовал ее желание и азарт — в отличие от показной слабости, это с момента их первой встречи не изменилось. Итальянка хотела его. Трахать и пить его кровь. Кровь измененного — сильнейший афродизиаك внутри расы.

— Надеюсь, ты понимаешь, что мне ты не противник, — усмехнулась она, — и на твоём месте я бы не оставляла свою красотку одну надолго. Мало ли что может произойти.

Все его мысли сейчас крутились вокруг Ив. Ему следовало остаться с ней. Если бы не его чертова самоуверенность... Внутри все

перевернулось от страха — не за себя, за нее. Впервые за долгое время Риган снова ощутил это мерзкое чувство.

— Да ты действительно влюбился, — Изабель усмехнулась, ослабив хватку, а следом отпуская его, и спустя мгновение Риган уже снова стоял напротив нее, напряженно глядя в глаза. — Не вздумай отговаривать ее от путешествия, сладкий. Я все гадала, на кого ты работаешь и почему твое начальство ни разу не засветилось. Потому что у тебя его нет, верно? Ты просто таскаешься за этой девчонкой в надежде уговорить ее стать измененной.

Слова, готовые сорваться с губ, замерли у Ригана на устах. Само имя Дариана было легендой, но его считали мертвым уже почти тысячу лет. Изабель могла легко покопаться в его памяти и выяснить, что это правда. После чего бежала бы из Афин, сверкая пятками и прихватив с собой свою жалкую свиту, сколько бы их не было.

Вот только вряд ли ему зачлось бы такое в личном деле. Если защитить Ив от Изабель он мог постараться, то от Дариана спрятаться не получится ни в одном уголке земного шара. Превыше всего Древний ценил свое бесценное инкогнито.

— Ты меня раскусила, — развел руками он, и мысленно облегченно вздохнул, услышав язвительный смех Изабель. Слава всем богам и ее родителям за то, что не дали этой кукле хотя бы на унцию больше мозгов.

— И давно ты с ней?

— Около месяца.

Она переглянулась со своими парнями, и те будто по команде одновременно заржали, как жеребцы во время случки.

— Я не стану тебя убивать, — хмыкнула она и кивнула ухмыляющимся сопровождающим, — развлекайся со своей девочкой, пока я даю тебе такую возможность, — она провела кончиками пальцев по его губам. — Чуть позже мы вернемся к вопросу дружбы, сладкий. Тебе явно стоит преподать урок хороших манер.

Риган криво усмехнулся, перехватил ее ехидный взгляд, в котором сквозила откровенность, как именно будут его перевоспитывать, и быстро вышел на улицу. Он с трудом сдерживался, чтобы не перейти на бег, потому что Ив была одна, совершенно беззащитная.

Только оказавшись в отеле, в номере, где она мирно спала, завернувшись в одеяло и по-детски подложив ладонь под щеку, он позволил себе вздохнуть спокойно. Опустился на колени рядом с кроватью и молча смотрел на нее.

Нельзя позволять Ив ехать на эти раскопки и плевать на все амулеты мира, вместе взятые. Вряд ли итальянка приехала в компании двух симпатичных молодчиков. Такие предпочитают свиты длиной в несколько миль. Будь их трое, он мог бы попытаться устроить им веселую жизнь, но лезть в клан, где по самым оптимистичным расчетам с десятков измененных неопределенного возраста — чистейшей воды самоубийство.

Риган быстро набросал письмо для Кло и отправил с курьером, после чего пошел в ванную смывать следы нежности Изабель. Затылок и впрямь был весь в запекшейся крови. Рана затянулась быстро, но

волосы уже успели слипнуться. После водных процедур Риган выбрался в комнату, устроился рядом с Ив в постели, обнял, и в ответ на недовольное ворчание сквозь сон, поцеловал в шею.

Нужно отменить экспедицию или хотя бы повременить с ней. Пока послание не доберется до Кло. Пока она не приведет помощь.

Глава 8

Несмотря на произошедшее, Ив чувствовала себя счастливой. Она проснулась с мыслью об этом, пригладила волосы спящего Ригана и вынырнула из его объятий. Ив любовалась им и понимала, что никогда и ни к кому не испытывала ничего подобного. Глупая детская увлеченность Джорджем сейчас казалась просто смешной.

Воспоминания о вчерашнем больше не причиняли боли, равно как и о том, что случилось несколько лет назад. Она могла неделю предаваться жалости к себе, глядя на свои ссадины и ушибы, но у нее не возникало ни малейшего желания стенать и изображать жертву. Тело по-прежнему болело, но душа ожила.

Признание Ригана, пусть и завуалированное сказкой, заставляло сердце Ив замирать от счастья. За короткий вечер она узнала о его прошлом. Это само по себе говорило об их близости и доверии. Ив восхищалась им: столько всего вынести и не сломаться. Она возненавидела его отца и сочувствовала мальчику, лишенному материнской любви, а затем мужчине, отвергнутому меркантильной женщиной. И радовалась тому, что Риган смог открыть свое сердце и полюбить вновь.

Стараясь не шуметь, она выбралась из-под одеяла. Придирчиво осмотрела лицо в зеркале и решила сегодня отсидеться в номере. В таком виде на людях лучше не показываться даже мужчине.

Накинув светлый халат, она прошла в ванную, где ее прекрасное настроение было разрушено при виде одежды Ригана, разбросанной на полу. Элегантный сюртук разорван, на белоснежной рубашке разводы крови и грязи. Ив привычно закусил губу — она всегда так делала, когда волновалась — и ойкнула от боли.

Она помнила, как Риган одним ударом впечатал Уилсона в шкаф, и что она просила не убивать его. Сдержал ли он свое слово? Мысли об этом сводили с ума. Ив опустилась на бортик ванной, зажав руки между коленями и, не отрываясь, смотрела на окровавленную одежду. Неужели он его убил?!

Ив подхватила с пола рубашку, вылетела из ванной и остановилась рядом с кроватью, замерла, не зная, с чего начать. Он открыл глаза столь внезапно, что Ив от неожиданности отступила на несколько шагов назад. Вряд ли он спал, когда она проснулась, просто притворялся.

Риган увидел рубашку, и в глазах его Ив прочла замешательство, которое мгновением позже сменилось привычной уверенностью. Он ослепительно улыбнулся, протягивая ей руку.

— Как спалось, моей прекрасной даме?

Ив удержалась от искушения,хватило всего лишь одного взгляда на бурые пятна на белоснежной рубашке.

— Что это, Риган? — она смотрела ему в глаза, не отрываясь, чувствуя, как бешено колотится сердце. Давненько Ив не испытывала такого: с их первой ночи. — Уилсон жив?

Улыбка сбежала с лица Ригана, и Ив заранее знала, что он ответит еще до того, как он произнес:

— Нет.

— Господи, — Ив шагнула к нему и опустилась на кровать. За всю жизнь она не обращалась к Богу столько раз, как за последние два дня.

— Это не его кровь, — хмыкнул Риган, — а моя. Ночью в городе встретил старую знакомую в компании сопровождающих. Оказывается, они тоже интересуются древним городом.

— Твоя?! — Ив мгновенно позабыла об Уилсоне, отшвырнула рубашку и ощупала его голову, шею, торс, напряженно вглядываясь в лицо.

— Я в порядке, — он перехватил ее руки, легко сжимая в своих, снова улыбнулся, — кажется, я тебе говорил, что у измененных все заживает гораздо быстрее, чем у людей.

В ответ она только выдохнула и закрыла глаза, уткнувшись лицом ему в плечо и испытывая облегчение от того, что он невредим. Мысленно Ив ругала себя за то, что слишком быстро смирилась со смертью Уилсона, но не могла ничего поделать. Все ее тревоги сходились сейчас на Ригане, и она чувствовала искреннюю благодарность за то, что он невредим. То, что сейчас все хорошо, еще не значит, что ему ничего не угрожает в дальнейшем.

— Что произошло? — она нашла в себе силы отстраниться, чтобы продолжить разговор.

— Изабель оказалась несколько взрослее, чем пожелала мне представиться. Старшие измененные такое умеют. Ее интересовал твой Город, какими судьбами я оказался рядом с тобой, а главное — она здорово обиделась на меня за то, что я не оценил ее прелестей во время плавания.

Смысл его слов постепенно доходил до сознания Ив. Измененные интересуются древней цивилизацией, о которой писал отец. Но как такое могло произойти? Никто кроме отца, нее и Тома о ней не знал. Больше того, Ив сама ни разу не была на месте, для уточнений на Крит выбирался Тома. Джордж вчера тоже упоминал о том, что они должны работать вместе. Значит ли это, что он работал на Изабель?

Ив вдруг стало страшно. Она не могла позволить кому бы то ни было присвоить последнюю находку отца. Бернар жил ей, он надеялся найти Город, подарить его миру, людям, истории. Единственное, что она могла сделать для отца после его смерти — защитить его открытие.

— Зачем им Город?

— Хотел бы я знать, — Риган погладил ее запястья. — Как твой отец нашел упоминания о нем? Почему поверил? В археологии легенды, выдумка и истина стоят на одной грани. Что заставило его начать работу?

— Отец писал, что видел карту. Во время своего путешествия по Мальте, британской колонии. Он не был уверен, где находится

затерянный город, но подробно описывал в его своих заметках. По словам отца жители Города обладали несметными сокровищами. Представляешь, Эльдорадо в Европе?

Сердце Ив бешено заколотилось от предвкушения, она мечтательно прикрыла глаза.

— Для меня сама цивилизация — это уже сокровище! А для истории!!! Если, конечно, она не миф, — Ив грустно улыбнулась. — Ты правильно сказал о легендах. Археологи — мечтатели и первопроходцы. Мы можем так ничего и найти. По крайней мере, моя совесть будет чиста. Я исполню последнее желание отца.

— Нам стоит отложить поездку, Ив. Я отправил кое-кому письмо. Пока не будем точно знать, что к чему, туда лучше не соваться.

— Что?! — такого она точно не ожидала услышать и сейчас не поверила своим ушам. Ив не хотела откладывать поездку даже на день. Прошло восемь лет, прежде чем они приблизились к разгадке, а промедление сейчас может стоить слишком дорого. Особенно если кто-то наступает им на пятки.

Она резко поднялась и стала расхаживать по комнате.

— Нет, Риган, я не смогу. Что я скажу Томе? Он предложит отправиться без меня! Я столько лет потратила, добиваясь того, чтобы со мной считались в его команде, чтобы он позволил мне принимать участие в экспедиции. И кому ты написал?

Даже после близости с ним Риган оставался для нее загадкой. Ей казалось, он сам заинтересован в том, чтобы как можно быстрее

добраться до Города и получить информацию для тех, кто отправил его к ней.

Ив покачала головой. Слишком многие знают о том, над чем работал отец. Как так получилось?

— Тому, кто поможет решить проблему других измененных у нас на хвосте. Я не говорю, что надо отказаться от самой идеи, — он поднялся, не потрудившись даже накинуть халат, подошел к ней и обнял, — надо просто подождать.

Ив почувствовала горечь: неужели он не понимает, что повременить в ее случае — значит отказаться?! Дюпон отправится на поиски с ней или без нее, ведь она всего лишь консультант. Тома ни за что не взял бы Ив в команду, если бы ему не потребовалось прочитывать шифры отца. Раньше она поехала бы, не раздумывая, но сейчас был еще Риган, за которого она переживала не меньше.

— Если у меня получится уговорить Тому немного задержаться — не обвинят ли измененные в этом тебя? — тихо спросила Ив, запрокинув голову и стараясь не думать о том, что он совершенно обнажен и прижимает ее к себе.

— Мы что-нибудь придумаем, — улыбнулся он, — например, сядем расшифровывать какие-нибудь потерянные и вновь найденные письма.

Она повернулась, и Риган легко коснулся губами ее губ.

— Я закончила с заметками отца, — Ив прикрыла глаза в предвкушении еще одного поцелуя. — Но я попробую поговорить с Томой.

— Если он начнет возражать, — Риган улыбнулся. — Я лично попрошу его задержаться.

Он сделал ударение на слове «попрошу», провел кончиками пальцев по ее губам.

Риган умел быть нежным, но сегодня превзошел самого себя. Каким-то образом даже прикосновения к самым болезненным — после «нежностей» Уилсона — участкам тела, превращалось в истинное наслаждение, и кричать хотелось вовсе не от боли. Ив снова и снова терялась в его руках и ласках, забывая обо всем и впервые за долгое время понимая истинный смысл мгновения «здесь и сейчас».

Тома приехал следующим вечером и сразу же пришел к ней. Невысокий, с вечно растрепанными волосами и заросшей бородой, тучный мужчина в очках при первой встрече показался Ив неприятным и нелюдимым. Она долго привыкала к внешнему виду и неопрятности опекуна, но сегодня потрясение предстояло испытать ему.

Ив провела два часа перед зеркалом, пытаясь скрыть следы встречи с Уилсоном: оставила пару прядей, которые падали на лицо и немного закрывали кровоподтек, а искусанные губы пришлось накрасить помадой, раздобыть которую оказалось не так просто. Общий вид так или иначе оставлял желать лучшего, Тома все заметил и устроил ей настоящий допрос с пристрастием. Пришлось рассказать об Уилсоне и о том, что он говорил о своих работодателях. Тома

хмурился, жевал губы, но молча выслушал ее до конца и только после этого произнес:

— Хорошо, что твой жених успел вовремя. Хотя я не отказался бы оторвать голову этому ублюдку, давно руки чешутся.

— Ну-ну, откуда такая кровожадность? — поддразнила Ив. О том, что голову отрывать уже некому, она предпочла умолчать.

Тома то ли был слишком разъярен поступком Джорджа, то ли просто предпочел обойти стороной эту тему, но ни словом не обмолвился о «команде Уилсона», которая тоже вышла на след древней цивилизации. Полностью поглощенный предстоящим, он все же выделил время для знакомства с Риганом. Ив представила его как своего будущего мужа и путешественника. Ей даже не пришлось лукавить: когда она смотрела на Ригана, взгляд выдавал нежность и любовь, а рассказывая о нем опекуну, Ив не скрывала своих чувств.

Тома восторга Ив не разделял, и смотрел на Ригана, не скрывая настороженности. Ей даже стало не по себе, когда взгляды Ригана и Тома скрестились, подобно шпагам. Опекун предпочел бы получить возможность видеть «жениха» Ив насквозь, а Ригана явно забавляла ситуация.

Ив так и не поняла, к какому выводу пришел Тома, но руки они друг другу пожали. Она облегченно вздохнула и за спиной Дюпона счастливо улыбнулась Ригану.

Опекун уже собирался уходить, когда Ив все же решилась заговорить с ним об отсрочке.

— Я нашла кое-что новое в дневнике отца, — пробормотала Ив, искренне надеясь, что ее слова звучат уверенно. — Понятия не имею, как так получилось, но я почему-то пропустила это, и... Думаю, мне стоит расшифровать его перед тем, как мы отправимся.

Тома несколько мгновений испытующе смотрел на нее, потом резко произнес:

— Ерунда. Прочитаешь на месте, время у тебя будет.

Он добавил, что экспедиция начнется завтра при участии Ив или без нее. Продолжал уже мягче, намекая на то, что если Ив решила остаться с женихом в Афинах, то он поймет, ведь у женщин совсем другие планы на жизнь.

Она сжала кулаки, чтобы не расплакаться от обиды. Ив четыре года «приживалась» в мужском коллективе, чтобы ее приняли, как равную. Его снисхождение казалось унижительным и ранило больше, чем можно было представить. Тома как будто и не удивился — очевидно, не исключал такого поворота и даже ждал его, а для Ив такое отношение равнялось пощечине.

Риган словно почувствовав ее настроение, легко сжал руку Ив и пристально посмотрел Дюпону в глаза:

— Думаю, стоит прислушаться к мнению Ив. Лучше нее никто не разбирается во всем этом деле, а торчать на месте, не видя ситуации в целом — сомнительное удовольствие.

Дальше произошло нечто совсем невероятное: опекун замер под его взглядом, будто столкнулся с диким зверем, и какое-то время молча смотрел на Ригана. Эта дуэль взглядов длилась дольше, чем при

знакомстве, и Ив показалось, что сейчас произойдет нечто на самом деле страшное. Зная взрывной нрав Дюпона и истинную природу Ригана, она на всякий случай с силой сжала его руку.

Обошлось. Тома только зло прищурился и процедил:

— Месье Эванс, вы здесь, потому что так захотела Ив. Подумайте, насколько вам это нужно. Паром отплывает завтра утром.

Он вышел, с силой захлопнув за собой дверь — так, что Ив вздрогнула. Она покачала головой, выпуская руку Ригана и отступая назад. Отчаяние, охватившее ее, было столь велико, что она даже не пыталась его скрыть.

— Он вышвырнет меня из команды, — пробормотала она, с трудом удержавшись от желания броситься ему вслед, умолять взять с собой и говорить, что она была не в себе, когда предложила перенести экспедицию.

— Это невозможно, — после долгого молчания произнес Риган, — я не встречал людей, устойчивых к внушению измененных. Списать это на мой юный возраст не получится, Ильга тоже ничего о них не рассказывала. Хрень.

Он взъерошил ладонью волосы и растерянно посмотрел на нее. Ив была слишком расстроена словами Тома, но все же шагнула к Ригану и порывисто обняла. Она не представляла, как работает внушение и почему сейчас дало осечку, но понимала, что должна быть на месте, когда найдут Город. Это открытие не принадлежит ни Томе и ни ей. Ив в ответе за историю города, о котором писал отец. В ответе перед ним.

— Хочешь сказать, что Дюпон необычный? Мы не сможем задержаться, Риган. Я поеду с ними.

— Я хочу сказать, что ни черта не понимаю, Ив, — пробормотал он. — Плевать. Пусть едет. Мы остаемся.

Она сделала шаг назад и упрямо посмотрела на него.

— Нет! Я не могу подвести отца, бросить все, ради чего жила, только из-за твоей паранойи!

— Моя паранойя, — Риган говорил мягко, но в голосе его звучали угрожающие нотки, — может спасти тебе жизнь. Или ты готова пожертвовать всем ради того, о чем имеешь весьма смутное представление?!

— Последние несколько лет я жила для этого, — возразила Ив, ей хотелось сжаться от его тона. — Отец отправил письмо именно мне и знал, что я не подведу. И не смей использовать внушение, — она зажмурилась и закрыла лицо руками. — Неужели не видишь, насколько это важно для меня?

— Я и не собирался, — процедил Риган, — надеюсь, что до тебя дойдет без внушения. В играх с измененными у археологов нет шансов. Мы с братом порвали французских легионеров, как псы котят, когда нам не было и пятидесяти. Обученные солдаты не смогли нам ничего противопоставить. Изабель за триста. Сколько человек в команде у твоего опекуна? Десять? Да если она приведет с собой хотя бы троих, они разбросают части тела его команды по всему лагерю. Чем ваши археологи станут отбиваться? Думаешь, измененного можно остановить обычной пулей? Или использовать в качестве оружия фляги, книги или карты?! Поймал Изабель и бей ее картой, пока не

помрет со смеху. Мне плевать, что будет с ними, но на тебя мне не плевать. Хоть это тебе понятно?!

Ив все понимала, но отказаться от поездки не могла. Мир измененных оставался для нее темным и пугающим, и не менее темным будет ее собственный мир, если она предаст память отца.

— Я люблю тебя, Риган, — тихо произнесла она. — Но я поеду туда. С тобой или без тебя.

Риган выругался на ирландском, и Ив, хотя не поняла истинного выражения слова, густо покраснела. Когда он пристально посмотрел на нее, она вздрогнула, но выдержала взгляд. Ив хотела, чтобы он согласился поехать больше всего на свете, но готова была понять, если Риган откажется. Его жизнь — его выбор.

— Хорошо, — бросил он, — мы поедем. Но если я почувствую на месте хотя бы что-то, что заставит меня насторожиться, я утащу тебя отсюда по твоей воле или силой.

— Договорились, — Ив улыбнулась, не скрывая радости. — Риган, я пока действительно не знаю, где вход в Город. Пока мы будем разбираться, твоя подмога успеет основательно заскучать.

Она не лукавила. Координаты были не точными, а сам Город мог оказаться разрушенным или давно разграбленным. Зачастую раскопки продолжались даже не недели, а месяцы.

— Не жалеешь, что связался с такой неугомонной женщиной? — Ив коснулась ладонью его щеки.

— Гадство, — ухмыльнулся Риган, — никогда не думал, что скажу это, но я чувствую себя занудой. Еще чуть-чуть, и стану точной

копией братца.

— Может у вас больше сходства, чем тебе кажется? — поддразнила Ив, положив руки ему на плечи и прижимаясь всем телом.

— Как-нибудь я вас познакомлю, чтобы ты по достоинству оценила сокровище, которое досталось тебе.

Не дожидаясь ответа, расстегнул платье, позволив ему скользнуть вниз, провел ладонями по ее плечам, коснулся пальцами ключиц, погладил затвердевшие соски через тонкую ткань сорочки.

— И все достоинства сокровища тоже.

Ив в долгу не осталась, расстегивая пуговицы его брюк.

— Надеюсь, мне не придется сравнивать ваши... достоинства.

— Можешь быть спокойна, — он медленно развязал тесемки ее сорочки, — когда дело касается тебя, я жуткий собственник.

— Мне никто другой не нужен, — прошептала Ив перед тем как страстно поцеловать его. Разговор пришлось отложить на потом. Он подхватил ее на руки и отнес в постель. Она хотела его до безумия, но Риган испытывал терпение нежностью и долгими ласками — пока Ив полностью не потеряла самообладание, не сдерживая криков и стонов. Оргазм был настолько ярким, что она почти не почувствовала боли в плече от его укуса.

Ив не хотела думать об опасности, о которой предупреждал Риган. Впервые в жизни у нее было все превосходно. Каждую ночь она засыпала в его объятиях, чувствуя себя желанной и самой прекрасной

женщиной. Ее чувства были взаимны, и Ив верила в продолжение их истории. Она отыщет цивилизацию, которой бредил отец, а впереди у них вечная жизнь вместе. Жизнь, в которой по сравнению с ощущением его близости и любви, даже солнце не значило ровным счетом ничего.

Глава 9

Остров Крит, Греция. Весна 1913 г.

Тома обрадовался появлению Ив в порту — она почувствовала это, хотя и вида не показывал. На Ригана он бросил быстрый, едва уловимый взгляд, ограничившись коротким приветствием. Для себя Ив списала такое отношение на его вспыльчивость и на то, что Риган пытался ему перечить.

Археологи из команды Тома были рады ее видеть, а к ее «будущему мужу» относились холодно и отстраненно. Для них Риган не представлял ни малейшего исследовательского интереса. Сами по себе ребята в команде Дюпона, как один, подобрались замкнутые и неразговорчивые. Ив по себе помнила, как трудно найти с ними контакт.

Путешествие через Критское море было коротким, они причалили в Ираклионе и отправилась дальше, в глубь острова. Археологи разбили лагерь, развели костер, поужинали и поставили палатки. Ив выделили отдельную. Опекун настоял, чтобы отправить

Ригана к парням. Он сказал, что незамужней девушке не стоит оставаться наедине с женихом во избежание лишних пересудов, и Ив согласилась, чтобы не вызывать подозрений. Хотя в глубине души представляла, в какую ярость пришел бы Тома, узнай он об их с Риганом более чем близком знакомстве.

В лагере разговоры пошли про письма, шифры и место, куда им предстояло двигаться дальше. В конце прошлого года они определились с приблизительным местонахождением: отец считал, что Город расположен под Кноссом. Основная трудность заключалась в том, чтобы найти вход, который мог быть где угодно. Ив и Тома объединили свои карты, сверили ориентиры, но так и не пришли к единому мнению. Решено было продолжить завтра с утра, и Ив с облегчением вздохнула. Раньше ее за уши оттаскивали от карт и маршрутов, она сидела бы с ними всю ночь, но сейчас хотела как можно скорее повидаться с Риганом, обнять его. За те несколько часов, что они были не вместе, Ив успела соскучиться по-настоящему.

— Ты ему доверяешь, дочка? — неожиданно спросил Тома, когда Ив уже собиралась уходить.

— Да, — не задумываясь, ответила она. — А почему ты спрашиваешь?

Опекун только махнул рукой, и с удвоенным энтузиазмом принялся устраивать свой ночлег, как будто в нем был сосредоточен смысл всей его жизни.

Наступил вечер, солнце больше не палило. Ребята разошлись по палаткам и отдыхали перед длительным переходом.

Ив нашла Ригана быстро, он был на месте и развлекался тем, что делал бумажные кораблики. Рядом с ним выстроилась уже целая флотилия. Глядя на это действо, Ив только покачала головой. Мальчишки всегда остаются мальчишками. Хоть в десять лет, хоть в девяносто, хоть в сто двадцать.

Она поманила его за собой, и Риган, подмигнув одному из археологов, Роберу, поднялся и направился к Ив. Тот только нахмурился в ответ и сразу отвернулся, как если бы Тома заразил их своей неприязнью.

Подхватив его под руку, Ив шла рядом с Риганом, которому после заката совершенно не грозил столь неприятный для измененных солнечный свет, и объясняла их спор с Томой.

— В тысяча девятисотом году твой тезка Артур Эванс обнаружил на этом месте древнюю столицу Минойской цивилизации — Кносс. По легенде именно здесь находился лабиринт Минотавра. Но они так обрадовались находке, что не заметили наличие еще одного мира, более древнего. Так считал отец.

— Насколько? — поинтересовался Риган.

— Мы говорим о десяти тысячах лет до нашей эры!

Ив и сама себе напоминала ребенка, который ждет Рождества, чтобы развернуть подарки. Загадка отца многие годы была для нее самой чарующей тайной, но сейчас она радовалась тому, что сможет разделить открытие с близким человеком.

В Греции весенние ночи были значительно теплее, чем во Франции, и она радовалась возможности прогуляться. На Крите

ощущалась атмосфера древнего, непознанного волшебства: ощущение близости моря, пьянящие запахи растений, бескрайнее звездное небо.

— Хочу показать кое-что очень красивое, — Ив поцеловала Ригана, увлекая за собой.

В молчании они добрались до древних развалин. Она привела его туда, где когда-то располагалась дворцовая зала. От нее остались лишь несколько крупных камней и пара колонн. Ив запрокинула голову, любуясь яркой половинкой Луны в окружении многочисленных мерцающих искр, разбросанных по темной синеве. В Женвилье с его фонарями, заводами и фабриками смотреть на звезды казалось нелепым, да никто на них особо и не заглядывался. Здесь Ив словно возвращалась в древний мир, миновавший прогресс, и который жил в гармонии с природой и самим собой.

— Красота, — скептически произнес Риган, оглядевшись, — древние каменюки, обломки колонн, через которые можно здорово навернуться, да еще и древний город шут знает где в недрах этого острова. Так и вижу: из-под земли выбираются древние мумии и танцуют вальс под губную гармошку. А, нет, мумии были в Египте. Кто тогда разгуляется здесь?

Ив рассмеялась.

— Ты чудовище! Такой момент испортил!

— Я тот еще засранец, — легко согласился Риган, — так кого ждать из-под земли в случае чего?

— Минотавра. Древнее создание с телом человека и головой быка. Он был заключен в лабиринт, который по легенде находился

именно здесь. Его убил Тесей, возлюбленный принцессы Ариадны. Тесей сгинул бы в лабиринте, если бы она не дала ему моток ниток и тем самым помогла найти дорогу назад.

— Лучше бы она ему просто дала. И жили бы они долго и счастливо, прямо в лабиринте, — Риган покачал головой и притянул ее к себе, откровенно целуя в губы. С ним совершенно невозможно было разговаривать серьезно, но Ив уже привыкла к скабрёзным шуточкам, мальчишеским выходкам и его сексуальным аппетитам. Она хотела его не меньше, но временами просто выматывалась под напором ласк Ригана, засыпая прямо в его объятиях после умопомрачительных оргазмов. Радовало, что когда она станет измененной, у нее будет больше сил.

Вот и сейчас Ив позабыла про прекрасное небо и древние легенды, стоило ему обнять ее. Дыхание сбилось, по телу волной прокатилось будоражащее тепло предвкушения.

— Я поступила умнее, — прошептала она, шагнув назад и распустив волосы, потом рассмеялась и метнулась к колоннам. — Догоняй!

Ей хотелось играть и дурачиться вместе с ним, быть на одной волне со своим сумасбродным возлюбленным. Да, Ив предпочла герою чудовище, но чувство, что жило в ней, далеко от выбора и доводов разума. Когда ее чудовище настигнет ее, то не съест, а будет любить прямо под звездами.

Риган догнал бы Ив в считанные секунды, но предпочел подыграть. Она успела пробежать древний зал и спрятаться за колонной, с трудом сдержала смех, готовый вырваться наружу и стала

отступать назад. Чтобы спустя мгновение натолкнуться на крепкие объятия и охнуть от неожиданности.

Риган прижал ее к себе, целуя в висок:

— Вне всяких сомнений.

Ив развернулась, обняла его за шею и приникла к губам. «Люби меня», — хотела попросить она, но не успела. Риган стянул куртку, бросил на землю и опустился на нее, увлекая Ив за собой. Она успела подумать о том, что Тома может послать кого-нибудь из ребят проследить за ними, и что это может обернуться крупными неприятностями, но все мысли испарились под его откровенными, настойчивыми ласками.

— Сегодня ты сверху, Котенок, — произнес Риган низким, хриплым от возбуждения голосом, и вся осторожность Ив покатилась в небытие вместе с прочими мыслями. Существовали только он и она, ночная прохлада и россыпи звезд над ними.

Ив, разгоряченная поцелуями, стянула с себя нижнее белье, приникла к губам Ригана в долгом нежном поцелуе, а затем стала исследовать его тело: кончиками пальцев, всей поверхностью ладоней, губами. Она хотела вернуть ему все моменты, когда он терзал ее бесчисленными ласками-прелюдиями.

Ив целовала лицо Ригана, его шею, запускала пальцы в жесткие волосы, гладила затылок. Дарить наслаждение любимому человеку было невероятно возбуждающе. Она поймала себя на сумасшедшей мысли, когда расстегивала его брюки. Ив скользнула вниз, целуя его грудь и живот, искренне радуясь тому, что ночью наверняка не

заметно, как пламенеют ее щеки. Да что говорить, она вся горела — от возбуждения или от смущения, а может быть и от того, и от другого.

Ив легко коснулась губами его члена, неуверенно и робко. Никогда раньше она не делала ничего подобного. Сейчас Ив искренне сожалела о том, что до встречи с Риганом ни разу не задумалась о чувственном наслаждении, как о науке и никогда не интересовалась соответствующей литературой.

Его хриплый выдох — Риган никогда не стеснялся в выражении чувств во время секса — говорил сам за себя, и это придало ей смелости. Она ласкала его, понимая, что заводится от того что делает, смущалась еще больше, но остановиться не могла и не хотела. Риган подтянул ее наверх, и Ив всхлипнула от удовольствия, опустившись на него.

Ей больше не нужно было сдерживаться, смущение и нерешительность отступили. Ив цеплялась за его руки, царапала грудь, громко стонала, отпуская себя и раскрываясь перед ним. В момент высшего наслаждения небо и земля поменялись местами, она услышала свой крик и его стон, слившиеся воедино, а затем опустилась на Ригана, прижимаясь к его груди.

Он притянул Ив к себе, поглаживая по спине, выдернул из-под себя куртку, набросил ей на плечи. Все его внимание и нежность сейчас принадлежали ей, и Ив не представляла, как раньше могло быть иначе. Сердце, казалось, вот-вот разорвется от любви, и не было в мире женщины счастливее.

— Люблю тебя, — прошептала Ив и потерлась щекой о его плечо.

Риган улыбнулся, но промолчал, перебирая пальцами ее волосы. Сколько времени они так лежали вместе, Ив не знала, но ей не хотелось отпускать его, расставаться даже до утра. Если бы не предстоящий переезд, можно было бы позволить себе не спать всю ночь, но им нужны были силы. В первую очередь Ригану, потому что ехать им предстояло днем. Они вернулись в лагерь и разошлись по палаткам. Ив заснула, как только голова коснулась подушки, полная мечтаний и планов.

Она не обманывала, когда говорила, что поиски могут затянуться. Они сменили несколько стоянок, уходили все дальше от Ираклиона, но пока ничего не обнаружили. На месте приходилось прочесывать буквально каждый метр, потому что письма и дневники отца не содержали точных координат, разве что приблизительные ориентиры.

С каждым днем она все меньше верила в идею отца и все больше волновалась за Ригана. Первое время он еще мог совершать вылазки в Ираклион и кормиться, а когда они ушли достаточно далеко, это стало проблематично. Приходилось брать одну из лошадей, которых они использовали для перевозки вещей и оборудования, но не всегда получалось. Существовала вероятность не успеть к утру, а зная Тому, такое могло сулить крупные неприятности.

Солнце, как назло, палило нещадно. Не было практически ни одного пасмурного дня. Риган выбирался из палатки только в случае крайней на то необходимости, и выглядел при этом неважно. Не

спасала ни одежда, ни перчатки, ни широкополая шляпа, полностью закрывавшая лицо — без крови он слабел значительно быстрее и дневной свет становился для него губительным. Ив сходила с ума, понимая, что еще чуть-чуть — и ей придется выбирать между делом своей жизни и любимым человеком, и она уже знала, кого выберет.

Как-то один из ребят презрительно пробормотал, что хилым англичанам, которые боятся солнца, не место в таких походах. Правда, тут же заработал такой взгляд от Тома, под которым должен был испариться сам. Он ретировался, и с тех пор больше никто не предпринимал попыток намекать на беспомощность Ригана.

Она чувствовала себя вымотанной и уставшей: днем Ив помогала археологам, а ночи проводила с ним. Она делилась с Риганом кровью, не жалея себя, а на следующее утро ходила бледная, в ушах звенело, и сосредоточиться на работе не удавалось. Они не заговаривали с ним о происходящем, но Ив пообещала себе еще пару дней, после чего собиралась уезжать. В противном случае ни он, ни она могли не пережить этого приключения.

Утром второго дня, во время завтрака, она упала в обморок на глазах у всех, а в себя пришла уже в палатке.

Взгляд Дюпона был мрачен и более чем красноречив. В ответ на слабую улыбку опекун сорвал с ее шеи платок, Ив даже ахнуть не успела. Он смотрел на шею, где явно проступали следы зубов Ригана, а она замерла, чувствуя себя застигнутой на месте преступления, как будто сама пила чью-то кровь.

— Я так и знал! — процедил Тома. — Ив, неужели он того стоит?

Бледная, растерянная, она даже не пыталась оправдываться, думала только о том, откуда опекуну известно об измененных и сразу ли он понял, кто такой Риган на самом деле.

— Я люблю его, — прошептала она, схватившись за горло, как будто этим жестом могла что-то изменить. Тома только покачал головой, резко ударив кулаком по лежащей перед ним карте.

— Надо было догадаться, что они будут действовать через тебя.

— Кто?

— Монстры, которые охотятся за открытием Бернара, — он морщился от каждого слова, будто разговор причинял ему физическую боль.

— Риган не монстр, — пробормотала Ив. Мысли сменяли одна другую с невероятной скоростью. Дюпон знал про измененных. Знал и не сказал ей. Наверняка, он сразу догадался про Ригана. — Ему нужен только медальон, — добавила она сдавленным шепотом.

— Тот, что у тебя на шее? — издевательски рассмеялся Тома. Девушка никогда не видела его таким злым и расстроенным. — Ему нужен ключ, который бесполезен без второй части. Поэтому он и отправился вместе с тобой.

— Ключ? — Ив растерянно посмотрела на него. Но отец не писал ни о каком ключе. Или писал? Один из дневников она отдала Томе. О чем еще он предпочел умолчать? Почему так поступил?

— Сначала так и было, но потом мы стали близки, — стараясь скрыть подкатившую горечь и предательски подступившие слезы, с

вызовом произнесла она, — и в отличие от тебя Риган мне никогда не лгал!

— Очнись, дочка! — перебил он ее. — Он запудрил тебе мозги и использовал!

— Я не верю тебе, — прошептала Ив. — Мы любим друг друга.

Тома тяжело вздохнул, мгновенно остыв в своей ярости. Он притянул ее к себе и заключил в крепкие объятия.

— Они не способны на любовь, дочка. Подлые твари могут только убивать, постоянно живут во тьме и жаждут крови. Они больше не люди.

В его словах было столько искренних боли и горя, которые приходят не после изучения вопроса в библиотеке.

Ив страшилась ответа, и все же спросила:

— Откуда ты знаешь?

Тома закатил рукав, и Ив с ужасом увидела бесчисленное множество старых безобразных шрамов.

— Они у меня по всему телу. Подарок от бывшей возлюбленной и ее дружков, — безразлично объяснил Дюпон. — Моя невеста *изменилась* и решила поиграть. Жизнь мне спасли, но с того дня она круто повернулась. Лучше бы тварь меня тогда убила.

Ив верила человеку, который заменил отца, но сердце отказывалось признать то, о чем твердил разум. Ригану, прожившему сотню лет, ничего не стоило вскружить ей голову, сыграть на ее чувствах. Она решительно подавила сомнения в чувствах Ригана. Он с

самого начала был честен и не обещал ничего, но потом все изменилось. Он предложил ей прожить с ним вечность.

— Дочка, — Дюпон заглянул ей в глаза, — послушай меня. Нельзя доверять монстрам. Вспомни о своем отце. Они убили его, случайно, когда пытались добыть информацию о Городе. Он не пережил вмешательства в сознание. Мы с тобой трудились годы, чтобы закончить его дело.

От спокойствия и уверенности Ив не осталось и следа. Теперь она задыхалась от слез, душивших ее, которым не могла позволить пролиться при Томе. Только не при нем. Она опрометью бросилась из палатки, опекун едва успел перехватить ее.

— Он не виноват в смерти моего отца! — выкрикнула Ив.

— Возможно и не виноват. Но они все одинаковы.

— Нет!!! — ее крик слился с чьим-то возбужденным возгласом, донесшимся снаружи:

— Тома! Мы нашли!

Еще вчера мир Ив перевернулся бы от таких слов, сейчас же она выбралась из палатки вслед за Томой, с трудом сдерживая слезы.

Изломанный угол плиты, поросшей травой, на первый взгляд казалась частью кноских руин, но часть символа, что была на виду, походила на рисунки в дневниках отца.

— Папа писал о воротах, — пробормотала Ив, когда все столпились возле находки. Тома говорил о замке с ключом. Они осторожно очистили плиту от земли и травы, и слева, за

вертикальными символами, обнаружили небольшое углубление. Ив растегнула цепочку, сняла медальон и вложила в нишу, в которую он идеально поместился. Не хватало второй части, но Тома протянул ей недостающий элемент. Ив догадалась, что он хранил его у себя годами.

Ничего не спрашивая, она добавила пластинку, и плита резко ушла вниз. Ив успела услышать за спиной крики, чья-то рука схватила воздух за ее спиной, а сама она покатилась вниз по лестнице.

Падение оказалось недолгим, но впечатляющим. Она больше испугалась, чем ушиблась, а мгновение спустя Робер уже помогал подняться, спрашивая, все ли в порядке. По лестнице осторожно спускался Тома, и в его глазах Ив прочла тревогу, но только передернула плечом — мол, со мной все хорошо. В этом были и свои плюсы: по крайней мере, плакать ей точно расхотелось.

Света хватало ровно настолько, чтобы рассмотреть обстановку внизу. На подземной площадке, отделанной узорчатыми перилами, обнаружился дверной проем. От нее в настоящем мало что осталось, и Ив могла только представлять, как место выглядело раньше и что из себя представляло. Был ли это один из балконов какого-нибудь дворца, а может быть, наблюдательный пункт?

Вооружившись фонариками, они спускались по ступеням, и Тома поддерживал ее под руку. Ив решила отложить все неприятные мысли и волнения до вечера. Прямо сейчас сбывалась ее мечта и мечта отца.

Лестница хорошо сохранилась, тусклый свет фонариков осветил подземный тоннель. Ив едва сдерживала возбуждение. Древний ход, по которому тысячи лет назад ходили такие же люди! Люди, цивилизация которых разительно отличалась от настоящей.

Здесь было холодно и сыро, но Ив ни за что на свете не вернулась бы назад. Коридор стремительно сужался, вскоре Тома выпустил ее руку, теперь она шла за ним и искренне радовалась тому, что никогда не боялась замкнутых помещений и темноты.

Они оказались в просторной зале, вниз вела еще одна лестница, каменная и широкая. Дожидаясь, пока ребята принесут необходимое снаряжение, чтобы идти дальше, Ив с восторгом разглядывала древние символы и рисунки на сводчатых стенах. Искушение прикоснуться к ним было слишком велико, но Ив все же удержалась. Не все тайны древних городов безопасны.

Какими они были, люди, создавшие Город? Во всех цивилизациях Ив всегда интересовали именно они, жители того времени. Сокровища, камни и история — ничто без тех, кто ее творит. Она хотела знать о них все.

Ушло немного времени, чтобы принести дополнительные факелы, и тяжелые рюкзаки. Кто-то из команды Тома поднялся наверх, но Ив наотрез отказалась возвращаться. Она рвалась своими глазами увидеть то, что было сокрыто под землей тысячелетиями.

Казалось, лестница никогда не кончится, а перед ней уже раскинулись залы и коридоры дворцов, узкие улочки и небольшие одноэтажные домики. Между ними сновали люди в длинных одеждах: светлые и приятные.

Ив сама не знала, почему так ярко представила местных жителей; полностью погруженная в свои фантазии она чуть не наткнулась на Дюпона, который резко остановился, и громко ахнула.

Она увидела то, ради чего стоило жить. Свет множества факелов осветил несколько арок, создающих коридор — врата в Древний мир. За ними действительно оказались развалины целого города, спавшего тысячелетиями.

Ив поняла, что последнюю минуту не дышала и не узнала собственный голос, когда выкрикнула:

— Мы нашли! Папа, мы его нашли! Твой Город!

В порыве чувств она радостно засмеялась и бросилась обнимать Дюпона. Тот ответил сдержаннее, но не скрывал удовольствия. Ребята оглядывались по сторонам, стаскивая вещевые мешки со снаряжением. Им предстояла долгая работа.

Округлые формы в архитектуре, необычные для минойской цивилизации, подтверждали теорию отца о другом мире. Удивительным было использование в постройках, внутреннем убранстве, найденных украшениях и предметах быта, того же металла, что и в медальоне Ив. За долгие годы он ничуть не потемнел и даже под пламенем факелов отражался холодным серебристым светом.

Казалось, для жителей Города он являлся священным, потому что они не нашли ни единой вещи, не отмеченной им. Похоже, именно благодаря использованию этого металла при строительстве город простоял под землей тысячи лет, и мог поведать о жизни людей давно минувшей эпохи. Он напоминал город будущего, замороженный под землей в прошлом, и от осознания этого у Ив мурашки шли по коже.

Она, как бабочка, порхала от одного огонька факела к другому, помогала археологам, пока после заката Тома не отправил ее наверх.

Только вдохнув прохладный ночной воздух, раскинув руки и кружась под звездами, она вспомнила об их последнем разговоре. И о Ригане.

Глава 10

История нравилась Ригану все меньше и меньше. Измененные, интересующиеся древним золотишком? Почему нет. Такая версия его вполне бы устроила, если бы над невостребованной много тысяч лет сокровищницей не маячила тень Дариана, способная закрыть не только Европу, но и земной шар.

Риган знал, что не обрадуется знакомству с этими древностями, потому как от древности по имени Дариан постоянно возникали только проблемы. Правда пути назад не было. Теперь даже если бы Великий самолично отменил свое поручение, Риган не бросил бы Ив с ее бесценными и не менее опасными реликвиями, не разобравшись, что к чему.

Мало оказалось интереса Изабель и ее озабоченного подчиненного, следом состоялась встреча с опекуном Ив, далекая от идеала. Сей благопристойный муж с лицом, умоляющем о кирпиче на коленях, не понравился ему сразу. Как выяснилось, взаимно, но у Ригана хотя бы были на то причины.

Во-первых, Дюпон относился к Ригану как к обременительному дополнению Ив, с которым приходится мириться. Во-вторых, ему предстояло очередное путешествие с приключением на очень скромной диете. Финальным аккордом выяснилось, что тот не реагирует на внушение, хотя до встречи с ним подобных прецедентов

не случилось. Вся его команда восприняла Ригана как багаж Ив, с той лишь разницей, что к багажу не испытывают неприязни. Скрыть свое отношение к нему бравым археологам не удавалось, хотя старались они знатно.

Самым сложным во всем приключении оказалась именно кормежка. Первые ночи удавалось выбираться в Ираклион и действовать с крайней осторожностью. Недавние военные действия сказались на доверии и гостеприимстве местных жителей. Если кого серьезно покусает и не заметишь следы, истерии не минуешь. Позже стало еще сложнее, особенно когда позади осталась крохотная рыбацкая деревенька. Пару раз они с Ив брали лошадь под благовидным предлогом ночных романтических прогулок, но на третий день Тома сказал, что ночью из лагеря больше никто отлучаться не будет. Рисковать и играть внушением с его археологами Риган не стал, хотя бы потому что каждую ночь не спали в лучшем случае четверо.

До сей поры ему не доводилось бывать на раскопках и принимать участие в экспедициях, но у Дюпона, вне всяких сомнений, была самая странная команда, которую только можно себе представить. Тридцать семь дюжих молодчиков, больше напоминающих солдат, чем ученых-исследователей.

Впрочем, в последние дни Риган больше переживал за Ив, чем за всех измененных и археологов вместе взятых. Самому ему все труднее становилось сдерживаться, сегодня ночью он только усилием воли заставил себя оторваться от нее. Ильга рассказывала, что у молодых измененных голод может сорвать планку еще до того, как он сам поймет, что произошло и советовала никогда не доводить себя до

такого состояния. Что в сложившихся условиях было крайне затруднительно.

Ив не жаловалась, но Риган видел, что она тоже на пределе. Он ловил себя на мысли, что им надо возвращаться, потому что сам становился опасен. Не говоря уж о том, что он не только не сумеет ее защитить от других измененных, но может даже не почувствовать их приближение.

Ночью он вернулся в палатку, чувствуя, что его уже начинает трясти от голода. Тех крох, что он брал у Ив, хватало только чтобы окончательно не сойти с ума, а для нее и это было слишком много.

Двое его соседей не спали. Один копался в своем вещевом мешке, и зыркнул так, будто не прочь был обратить его в пепел. Риган криво улыбнулся и встретился взглядом со вторым. Мужчина сносно изображал безразличие и увлеченность своими открытиями, рассматривая что-то на карте, но явно переигрывал. Кажется, его звали Жиль.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался Риган, и тот поспешно отвел глаза. Пожалуй, слишком поспешно, как если знал о его способностях ко внушению.

Риган хмыкнул и устроился на подстилке в углу, на спине, закинув руки за голову. Ощущение надвигающихся неприятностей становилось явным, неотвратимым и суровым, как появление Дариана

в алькове девственницы. Он не хотел засыпать, но не чувствовал в себе сил даже открыть глаза. Благодаря вынужденной голодовке сил становилось все меньше, а присутствие дружелюбно настроенных археологов, которые явно не собирались спать, тоже не способствовало расслаблению. Только когда забрезжил рассвет, Риган смог себя отпустить. Вряд ли Изабель решит напасть в самый разгар дня, под палящим солнцем.

Парочка полуночников обсуждали предстоящий день и историю пока еще не найденной цивилизации, а спустя какое-то время стали просыпаться и остальные. Археологи — народ увлеченный и фанатичный. Услышать в их разговорах что-то дельное, кроме касающегося настоящего места раскопок и ожиданий по поводу новых открытий и древних цивилизаций, не представлялось возможным.

После их ухода он все же проверил мешки тех двух парней, но ничего подозрительного не обнаружил. То же самое касалось и вещей остальных соседей. Чувствуя, что каждое движение дается ему со все большим трудом — днем клонило в сон с удвоенной силой, Риган отругал себя за паранойю. Тома ему не доверяет, а они своим к нему отношением просто поддерживают руководство, у людей такое бывает.

Перед тем как провалиться в тяжелый сон, Риган думал о том, сколько всего интересного ждет Ив в новой жизни измененной. Век человека недолог, но когда жизнь не ограничена несколькими десятками лет, перед тобой открываются совершенно иные возможности. Он представил ее счастливые, сияющие глаза и мысленно улыбнулся. К сожалению, у него не получится быть рядом с ней сегодня, или завтра, когда они обнаружат свою старую-новую цивилизацию, но в будущем он ни за что не пропустит самые важные

для нее мгновения. Ради Ив Риган готов даже полюбить все древности этого мира, включая Дариана.

Просыпался он тяжело, будто выбирался из вязкой, липкой трясины болота. Они нашли свой город: это было понятно по возбужденным голосам, доносящимся снаружи, по крикам и суете. В палатку постоянно кто-то наведывался за вещами, но Риган не открывал глаз, пытаясь собраться с силами и подняться, при этом не напоминая залившуюся по самые уши пьянь. У него дрожали руки, приступы голода, неотвратимо преследовавшие его, путали мысли и мешали сосредоточиться. Что тоже не радовало.

Риган с трудом дождался захода солнца и выбрался из палатки. Он мог только представлять, как паршиво выглядит. Археологи устроились у костра, что-то оживленно обсуждали и ужинали, но Ив среди них не было.

Город обнаружился неподалеку, метрах в двухстах от их лагеря. Там над человеческими фигурками мелькали светлячки факелов, которые то и дело выныривали прямо из-под земли, а спустя какое-то мгновение снова ныряли вниз. Риган направился туда, и при его приближении все стихло.

К нему шагнул высоченный парень, Робер, кажется, перегородив дорогу.

— Тебе туда нельзя, Эванс.

Это прозвучало жестко и твердо, археолог смотрел на него и цедил слова с видом заправского боевого командира, привыкшего раздавать приказы. Не будь рядом Ив, он бы отправился в одну сторону, а Риган — вниз, исследовать находку, но сейчас он только пожал плечами.

— Не очень-то и хотелось, — он показал ему язык и добавил, — жадина.

От такого тот откровенно обалдел, а Риган, не позволив ему опомниться, тут же поинтересовался:

— Мадмуазель Ламбер оттуда еще не выбегала? Умоляю — да или нет. Длинных ответов я не понимаю, теряюсь в логической цепочке, а на попытке уйти от вопроса у меня сносит крышу, и я становлюсь буйным.

Насчет последнего Риган даже не лгал. От того, чтобы броситься на парня и вцепиться зубами в шею, сейчас удерживали только остатки здравого смысла. Ответить на его эпатаж Робер не успел. Из подземелья выпорхнула Ив.

— Я уже здесь, — она выглядела уставшей, но довольной. — Мы нашли его, — радостно сообщила она Ригану, подхватив его под руку и уводя за собой в сторону лагеря, потянувшись за поцелуем. — Я скучала по тебе.

— Я тоже, — признался он, притягивая ее к себе и целуя в губы, — очень хотелось быть с тобой в тот момент, когда ты увидишь свой Город.

Ее запах сводил с ума. Хотелось коснуться губами бьющейся жилки, целовать ее, прокусывая кожу, а потом пить, пить, пить... Картина, возникшая перед глазами, была слишком яркой, и Риган судорожно вздохнул, до боли сжимая челюсти и отгоняя внутреннего зверя, в чьих руках билась Ив, которую покидала жизнь.

— Он прекрасен, — восторженно призналась Ив. — Бессмертный город. Я провела там весь день.

Она рассказала о находке и металле, о небывалой красоте. Но устала настолько, что под конец ей даже не удалось сдержать зевков — да и без этого Риган чувствовал, как восторг и возбуждение понемногу отступают. Бессонные ночи и насыщенные дни оставили Ив без сил.

— Я просто валяюсь с ног, — призналась она, прижимаясь к нему. Никогда еще Риган не был так близок к помешательству, раздираемый на части звериной и человеческой сущностью. Ильга рассказывала, что со временем становится проще контролировать себя. Потому что становится сильнее человек, а зверь отступает, или же наоборот?

— Я провожу тебя до палатки, — произнес он, — как думаешь, твоего старика удар хватит, если я останусь с тобой на ночь?

Не самая лучшая идея, но почему-то именно сегодня ему не хотелось оставлять ее. Не хотелось уходить. Если бы Риган верил в предчувствия, он назвал бы это именно так. Но он предпочитал верить в себя и в желание просто быть рядом с ней.

— С Томи станется ворваться в палатку в самый неподходящий момент, — рассмеялась Ив, ей тоже не хотелось прощаться. Она верила в его искренность, и именно это сейчас придавало ему сил. Ее вера, а не ее или чья-то кровь.

Ив устало улыбнулась, когда они подошли к палатке.

— У меня есть для тебя подарок.

Она запустила руку в карман и достала амулет. Тот самый, который нужен был Дариану. Он состоял из двух половинок, точь-в-точь как на рисунке.

— Мне он теперь без надобности, — Ив вложила древнюю безделушку в его ладонь. — Он твой.

Риган плывущим взглядом смотрел на украшение, выполненное, по словам Ив, из древнего металла, похожего на серебро. Зачем он понадобился Дариану, можно только гадать, но пусть ему. Он не станет лезть во все эти дебри и не станет нарываться. Отвезет, передаст его Кло и забудет. У него есть дела поважнее. Например, новая жизнь рядом с Ив. Не говоря ни слова, Риган убрал вещицу во внутренний карман куртки.

— Все-таки я посижу с тобой, — он приоткрыл вход в шатер, пропуская ее вперед, — пока ты не заснешь.

Ив только улыбнулась и кивнула в ответ. Она наскоро умылась и легла, и Риган устроился рядом, укрывая ее одеялом и целуя в щеку.

— Доброй ночи, Котенок.

— Доброй, — она зевнула, прикрыв рот ладонью.

Ив заснула сразу, но он не торопился уходить. Тени от ресниц падали на щеки, пряди длинных волос рассыпались по подушке — она не стала даже заплетать их в косу, и это возвращало его к моменту их первой близости. Ригану хотелось как можно скорее увезти ее отсюда.

Ее, а не безделушку. Подарить ей весь мир и быть рядом. Каждый день.

Риган не знал, сколько продлится их совместное безумие — в мире измененных все иначе, чем у людей. Со временем их пути разойдутся и каждый пойдет своей дорогой, но пока что ему не хотелось расставаться с этой чудесной женщиной даже на сутки. Скажи ему месяц назад кто-нибудь, что такое возможно, он в лучшем случае просто покрутил бы пальцем у виска.

Ив повернулась и чему-то улыбнулась во сне, и он улыбнулся вместе с ней. Раньше он даже подумать не мог, что просто смотреть на того, кто тебе дорог, уже счастье.

Риган неслышно поднялся, погасил керосиновую лампу и вышел из шатра. От голода штормило, уши по ощущениям напоминали морские ракушки, отражавшие шум волн. Археологи уже разбрелись по палаткам, даже вдалеке больше не плясали языки факелов.

Он отошел в сторону, бросил напряженный взгляд туда, где простиралась линия горизонта. Глаза измененных быстрее привыкают к темноте, да и по правде сказать, видел он не хуже, чем днем. Случись кому-нибудь из ему подобных нарисоваться поблизости, он бы почувствовал. Разумеется, если Изабель не заявится одна. Она старше его на две сотни лет и умеет маскировать собственную силу. Как этим гадам последнее удастся — одному Дариану известно.

Дюпон возник рядом неожиданно. Он вышел из палатки, где ночевал Риган. Выглядел отчим Ив довольным, но сквозь фальшивую маску отчетливо проступало совершенно иное чувство. Ненависть. Ее не спутаешь ни с чем.

— Получили то, что хотели, месье Эванс? — издевательски произнес он. — Или вам нужно нечто большее, чем ключ?

«О как, — подумал Риган, — горизонты проясняются, пираты танцуют румбу».

— Нужно, вне всяких сомнений, месье Дюпон. Нечто гораздо большее.

Если бы Ив не дорожила этим типом, лежал бы он уже сейчас на земле, а Риган, трепетно глядя ему в глаза и сжимая руку на его шее, выяснял обстоятельства, пароли и явки. После чего с удовольствием закусил бы им и принялся за команду.

Тома смотрел на него так, будто в лице Ригана было сосредоточено все зло этого мира.

— Если из-за вас пострадает Ив, я не знаю, что сделаю, — Дюпон прервался, не уточняя, что именно. — Не желаете взглянуть на то, ради чего вы здесь?

— Ту, ради кого я здесь, я только что уложил спать. Дюпон, меня не интересует Город и все, что вы в нем откопали или еще откопаете. Только Ив и ее безопасность. Поэтому, — четко выделяя каждое слово, произнес он, — если Ив пострадает из-за вас, я точно знаю, что сделаю. Это не угроза, а предупреждение.

Он кивнул ему в сторону шатра.

— Прошу вас, месье Дюпон. Не думаю, что в данных обстоятельствах стоит оставлять ее одну.

— Стоит беречь ее от вас, — выплюнул Тома. — Я знаю, кто вы по сути. В лагере она в полной безопасности. А вы не проведете меня показным безразличием к металлу, который подобен яду для монстров.

— Ого, — спокойно, но довольно-таки выразительно произнес Риган.

Дариан снова забыл его кое о чем предупредить. Древний металл, смертельно опасный для измененных? Действительно незначительная деталь, о которой не стоит сообщать. Только сейчас он понял, что интуиция не всегда мешает жить, а иногда к ней и правда стоит прислушиваться. Под прикрытием невинных историков-археологов орудовал Орден. Получается, что вся команда Дюпона — охотники на измененных.

— В таком случае вам стоит срочно собрать пожитки и свалить, потому что кое-кто из наших всерьез заинтересовался этой дрянью. Не думаю, что они придут с миром и предложением дружбы на веки вечные. Я бы сказал, сваливать прямо сейчас. Вы меня поняли?

Риган не отдавал себе отчета, что невольно повысил голос. Впервые за долгое время он вышел из себя — не так, как раньше, когда в полубезумном забытии убивал людей, нет. Он действительно переживал за Ив. Откуда об этом месторождении, точнее местовырождении, стало известно Ордену и измененным? Или и тем и другим одновременно?

— Мы ни за что не покинем Город, который дает надежду на истребление всех вас, — заявил Тома, и неприязненно процедил. — Нам есть, чем встретить твоих дружков, Эванс, не переживай.

Ригану раньше не доводилось встречаться с семейством орденцовых, Дариан миловал, но по отзывам они были на редкость твердолобыми упертыми фанатиками, не представляющими, на что в самом деле способны измененные. Их игры с теми, кому не перевалило за сотню, не шли ни в какое сравнение с расправами, которые учиняли старшие. Ригану было бы наплевать, если бы не Ив, поэтому он недобро прищурился, отшвырнув Тому в сторону и делая шаг к шатру.

— Продолжайте мериться хренами, мальчики, — произнес он, — я увожу ее отсюда.

Будь он старше, а еще менее измучен голодом, наверняка сумел бы уйти в сторону, перехватить стрелу, выпущенную из арбалета. Но сейчас не успел. Спина и грудь взорвались обжигающей болью, очертания шатра расплывались перед глазами, мир полетел кувырком к чертям собачьим, и Риган оказался на земле. Сознание упорно цеплялось за последнее, что не давало отключиться — Ив. Ив в опасности.

— Ты к ней больше не притронешься, — процедил Тома, склоняясь над ним, — да, это можно было сделать гораздо быстрее и менее болезненно. Но я не удержался.

Риган попытался двинуться, но понял, что дрянь, которой была смазана стрела, ослабляет, превращая в беспомощное никчемное существо. В свое время Ильга много рассказывала ему о ядах для измененных и их воздействии на организм. Вряд это теперь поможет.

Силы таяли с каждой секундой, а боль возрастала. Повезло, что не задело легкое, а то сейчас вдвесок ко всему харкал бы кровью и

булькал, как дырявый чайник в борьбе за толику кислорода. Перед глазами уже было темно, но звуки и голоса он все еще различал. Обрывки фраз, преимущественно Тома:

— Займитесь им... Афины... срочно допросить...

Риган еще пытался цепляться за образ Ив, чтобы как можно дольше сохранить сознание, несмотря на боль, но темнота пришла внезапно, отрезав от нее и ото всего, что осталось вне забытья.

Глава 11

Впервые за несколько дней Ив выпалась. Она открыла глаза в прекрасном настроении, свежей и отдохнувшей, усталость и напряжение последнего времени не ощущались. Она нашла Город, завершила последнее дело жизни отца и теперь могла подумать о своей.

Для себя Ив давно решила стать измененной и отправиться в долгое совместное путешествие с Риганом. В отличие от людей, у них действительно есть возможность быть вместе всегда. Улыбнувшись, она наскоро умылась и поспешила в главный шатер.

Несмотря на раннее утро, в нем уже собралась большая часть команды Дюпона. Они что-то обсуждали, но при появлении Ив мгновенно замолчали. Тома встретил ее мрачной улыбкой и попросил всех, кроме нее, покинуть палатку.

— Что случилось? — спросила она дрогнувшим голосом и обхватила себя руками под его тяжелым взглядом.

— Случилось то, о чем я тебя предупреждал.

Тома вздохнул и указал ей на походный стул. Ив помедлила, но все же опустилась на него, и только после этого он продолжил:

— Пришло время рассказать тебе правду. Мы искали подземный город, в котором находятся залежи металла, смертельно опасного для измененных.

Ив широко распахнула глаза, но не успела задать вопрос, от волнения комкая во вспотевших ладонях подол платья.

— Каждый из моей команды лишился близких по вине чудовищ. Когда я говорю каждый, дочка, я имею в виду всех. Даже тебя. Мы посвятили свою жизнь тому, чтобы уничтожать их. С этим металлом нам станет гораздо проще убивать их. Мы будем практически на равных.

Ив покачала головой, зажмурилась, закрывая уши руками. Перед ней стоял человек, который не заменил ей отца, но стал по-своему родным. Он заботился о ней, и она любила его. Что скажет, а точнее, сделает Тома, когда она станет измененной?!

— Монстры вышли на тебя и не прогадали. Им тоже известно о местоположении Города, они ждали только дня, когда мы укажем им точный путь.

Ив резко вскочила. Она не хотела и не могла больше слушать человека, который столько лет лгал ей. Притворялся, чтобы найти оружие против тех, кого считает недостойными жизни чудовищами. Неожиданная догадка заставила вздрогнуть и побледневшая Ив уставилась на него расширенными от ужаса глазами.

— Где Риган?!

— Он покинул лагерь ночью, — жестко произнес Тома, — и теперь наверняка приведет своих дружков. Мне жаль, но тебе придется тоже уехать. Так безопаснее.

Покинул?! Да что он такое говорит?! Риган не мог оставить ее. Он ухаживал за ней во время болезни, спас от Уилсона и сидел рядом, пока она не успокоилась и не заснула, вчера укладывал спать.

Отшвырнув руку Тома, Ив выбежала из шатра и метнулась к палатке, где днем обычно спал Риган. Не обращая внимания на косые взгляды, рывком отдернула полог. Его там в самом деле не оказалось. Чувствуя, как внутри все переворачивается от страха, Ив развернулась и оказалась лицом к лицу с опекуном.

— Что... — пробормотала она сдавленным шепотом. — Что вы с ним сделали?! Скажите мне! Что с ним? Пожалуйста!

Ее трясло, на глаза наворачивались слезы, но Ив не двигалась с места. Она переводила взгляд с Тома на окруживших ее археологов, на тех, кого она знала несколько лет, кого считала друзьями. Никто из них не проронил ни слова и не отвел взгляда. С каждым мгновением ей становилось все страшнее. Тома говорил, что металл смертельно опасен для измененных.

— Вы его убили?! — грудь сдавило болью. Ив чувствовала, что задыхается.

— Достаточно, — сурово произнес Тома, — можно было догадаться, что ты устроишь этот спектакль. Не желаешь верить моим

словам — думай, что хочешь. Ты все равно уезжаешь. Сейчас же. Гай, Робер, проследите.

Не помогли ни мольбы, ни уговоры. Единственное, на что согласился Дюпон — прощание с Городом, который был наваждением для отца, а для нее самой оказался проклятием.

Глотая слезы, Ив спустилась в подземелье, но находка больше не приносила радости, скорее пугала и отталкивала. Страх сводил с ума, лишал возможности мыслить здраво. Ив боялась за Ригана, за то, что Тома и его люди — она больше не считала их археологами — могли с ним сделать. И в то же время червем сомнения изнутри точила мысль о том, что Риган действительно мог сбежать с ключом. Томе больше незачем лгать ей, сейчас, когда все раскрылось. Ив хотелось, чтобы его слова оказались правдой, чтобы Риган был жив и здоров, но все внутри сжималось от боли перед страхом очередного предательства, и ей снова становилось трудно дышать.

Она мечтала найти затерянную цивилизацию, изучить, рассказать о ней людям, а наткнулась на город, построенный из металла, который несет в себе смерть и прольет немало крови. Доведись ей знать обо всем заранее, она уничтожила бы дневники и записи отца и ни за что не стала бы помогать Томе. Только повернуть время вспять не представлялось возможным.

— Что вы будете делать с этим открытием? — спросила она у Дюпона, пока ее сопровождающие седлали коней. — Ведь люди никогда о нем не узнают?

— Нет, — жестко отрезал Тома. — Достаточно того, что оно послужит спасению человечества.

До Ираклиона добрались без приключений. Как ни пыталась Ив выведать у «коллег», что произошло с Риганом, они придерживались версии Тома, и она начала сомневаться в себе и собственных подозрениях. Дюпон был неотъемлемой частью ее жизни долгие годы, заботился о ней, и вряд ли, несмотря на всю свою ненависть, причинил бы зло Ригану, зная о ее чувствах.

Следующий паром ждали утром, и они сняли комнаты, чтобы провести ночь на Крите. Тревога не покидала Ив, но сопровождающие показывали безупречную выдержку. По пути в город, она внимательнее присматривалась к «археологам» и думала о том, почему ничего не замечала раньше. Не замечала или не придавала значения?

Для нее весь мир стянулся в точку идеи отца, остальное шло фоном. Гай и Робер куда больше напоминали военных, чем ученых. Ив догадалась, что они были охотниками на измененных, и ей стало жутко. Дюпон привез с собой маленькую армию, вооруженную отнюдь не молотками и инструментами для раскопок. Чего они ждут? Нападения?

По словам Тома Риган сбежал, чтобы предупредить остальных о находке. Ив не могла не думать о нем, и каждый раз сердце сжималось от боли. Риган, которого она знала, и который заботился о ней, как о сокровище, не мог навредить любимым ей людям. Он просил ее задержаться и сцепился с Изабель.

Изабель. О ней она почти успела позабыть, а мысль о том, что она могла быть повинна в исчезновении Ригана, нагнала на Ив страху похлеще, чем весь смертоносный город. Что, если она силой утащила его из лагеря или он сам к ней вышел, почуяв неладное? Что Тома мог противопоставить трехсотлетней измененной, если справиться с ней не под силу даже Ригану? Вполне возможно, что у найденного металла есть особые свойства, но вряд ли даже они сходу остановят такую, как Изабель.

Она попыталась растормошить провожатых, убедить их вернуться, рассказала про свои опасения, но тщетно.

— Если все происходящее так опасно, то Томе придется каждая пара рук, — окончательно сбита с толку, пробормотала она, — почему мы торчим здесь? Ладно я, но вы могли помочь!

Ответом ей было лаконичное: «Так решил Дюпон». Ив больше не поднимала тему, понимая, что это бесполезно. Ей хотелось вернуться, убедиться в том, что с Томой будет все в порядке. Мысленно Ив уже ругала себя за все гадости, которые наговорила ему при прощании. Еще больше она желала встретиться с Риганом, снова ощутить его надежные объятия, почувствовать себя любимой и ничего не бояться. Но его не было рядом, и она ничего не знала о том, куда и почему он исчез.

О том, чтобы заснуть сегодня ночью, и речи идти не могло. Она сидела у окна, а в соседней комнате Гай и Робер играли в карты, изредка перебрасываясь короткими фразами. Поначалу Ив прислушивалась к их разговору, но поняв, что ничего ценного не услышит, отказалась от этого занятия.

Солнце еще не зашло, а небо на востоке едва начало темнеть, когда до Ив донесся грохот, звуки выстрелов, которые резко оборвались тишиной. Все закончилось слишком быстро, она не успела даже испугаться, только вскочила.

Высокий, худой мужчина в строгом черном костюме и цилиндре быстро шагнул в комнату и перехватил ее взгляд. Ив не представляла, как действует внушение, но сейчас испытала все его прелести. Не было ни сил, ни желания сопротивляться, когда тот, насмешливо поклонившись, протянул руку, а она приняла ее и шагнула следом за ним покорной куклой. Все происходило будто в полусне, в сознании поселилось неведомое, лишенное разума существо, которое управляло ее телом, а запертая в нем настоящая Ив от ужаса кричала во весь голос.

В соседней комнате валялось разорванное на куски тело Гая — по ощущениям на него напала стая диких зверей. Робер поломанным манекеном висел в руках второго измененного, и когда тот поднял голову, оторвавшись от его шеи, Ив увидела жуткую окровавленную физиономию. Назвать это существо человеком нельзя было даже при самом сильном приближении. Оно швырнуло тело Робера на пол, и Ив увидела страшную рваную рану.

Животный страх пробился сквозь безразличную эйфорию внушения. Ив, словно в полузабытьи, шла следом за монстрами, один из которых вытирал губы и подбородок платком, а перед глазами стояли кровь и смерть.

От запаха ее замутило. Она тяжело дышала, не сдерживая спазмов, покорно переставляла ноги, передвигаясь, как животное, которое ведут на убой. Ее не вывернуло только благодаря смещенному

сознанию. Тела других постояльцев и хозяина комнат она увидела краем глаза, когда они шли через общую гостиную, где совсем недавно эти люди пили чай, смеялись и беседовали. Были живы.

Сколько они шли по улицам, Ив не помнила, но, наконец, оказались в одной из подворотен. К тому времени уже полностью стемнело, а ведущий ее монстр внезапно разжал руку, схватил за плечо и с силой швырнул на землю. Подняв глаза, Ив встретила насмешливый взгляд холодных голубых глаз. Изабель. Та, о ком предупреждал Риган.

Измененная вырядилась в элегантный костюм для верховой езды и захватила с собой свиту. Только сейчас Ив заметила остальных. Шестеро мужчин, не считая тех, что привели ее, стояли в стороне, ожидая распоряжений. Под ее взглядом Ив ощущала себя маленькой и никчемной, но сознание стало проясняться. Кажется, Изабель решила поиграть и обойтись без спасительного наркоза внушения.

— Бедная малышка, — издевательски произнесла итальянка. — Думала, мы с тобой уже не встретимся?

— Где Риган? — Ив удивилась насколько спокойно звучит ее голос, хотя внутри все сжималось от страха.

Губы Изабель растянулись в язвительной ухмылке:

— О, милая, он уже на пути в Афины и ничем тебе не поможет.

— Я тебе не верю... — прошептала она. — Он не мог меня бросить. Он...

— Он любит меня, — перебила Изабель, издевательски копируя ее тон. — Куколка, он просто с тобой развлекался.

Ив отказывалась верить в услышанное, но Изабель подтвердила слова Тома. В том, что эти двое совершенно точно не в сговоре, сомнений не было. Значит, Риган все-таки уехал, как только получил ключ, который нужен какому-то древнему измененному. Плечи Ив опустились, а все мужество сошло на нет.

— Ну-ну, не расстраивайся. В мире нет ничего вечного, и любовь не исключение, детка.

Изабель кивнула своим помощникам и приподняла ее подбородок.

— Прокатимся до лагеря, куколка. Вряд ли в меня будут стрелять, если поблизости будешь ты.

Ив снова подняли и на этот раз посадили на лошадь впереди одного из измененных.

— Ради чего тебе все это? — прошептала она. Изабель обернулась, рассмеялась и в одно мгновение взлетела в седло.

— Ты же умная девочка, так подумай, какой властью будет обладать клан, получивший смертельное оружие против себе подобных.

Красота южной ночи приобрела зловещий оттенок. Всадники направили лошадей в глубь острова, и те вскоре перешли в галоп.

Ив не могла поверить в происходящее. Она боялась упасть, но куда как больший трепет вызывал измененный, чья рука сейчас лежала на ее талии. Это был тот же монстр, что вывел ее из гостиницы. Он ничуть не походил на Ригана, холодный, бесстрастный и отстраненный хищник. Вся свита Изабель больше напоминала алчных, скучающих

чудовищ. А то, что она увидела в гостинице... Ив зажмурилась, потому что ее снова затошнило, и вцепилась в гриву лошади.

Она не сразу поняла, что плачет. Почему Риган уехал? Он столько раз спасал ее. От скучных будней в Женвилье. От одиночества, которое следовало за ней с детства. От насилия Уилсона. Ив привыкла к тому, что он рядом и знала, что он всегда придет, если она будет в опасности.

Она оказалась в лапах измененных. Романтическая пелена спала с глаз, и сейчас Ив видела истинное лицо чудовищ, которые не собирались ограничиваться жизнями людей в гостинице. Они убьют Тому и всю его команду, завладеют Городом, и одному Богу известно, что из этого получится. Не просто убьют, разорвут на части лишь бы добраться до металла. Все дело в нем. Ее тоже убьют. Как ни странно, Ив не находила в себе сил ненавидеть Ригана и радовалась тому, что его не постигнет та же участь.

Светлячки факелов, которыми лагерь изобиловал прошлой ночью, погасли. Ив не увидела ни единого, ни даже огонька костра, у которого собирались ребята, дежурившие по ночам. Измененные спешили, не подъезжая к лагерю. Ощувив твердую землю под ногами, Ив почувствовала себя немного увереннее, но тут же вздрогнула, услышав отрывистый, полный ненависти, приказ Изабель:

— Будьте осторожнее. Бравые воики наверняка успели подготовиться. В живых не оставлять никого.

Ее буквально поволокли за собой, но не успели пройти и нескольких метров, как грянули первые выстрелы. Изабель зашипела, как дикая кошка, перехватила Ив за талию, притягивая к себе.

— Порвите их, мальчики, и прорывайтесь к городу.

Измененные двигались так быстро, что у Ив закружилась голова от сплошного мельтешения и свиста рассекающих воздух пуль. Изабель удерживала ее, и только благодаря этому она оставалась на ногах. Еще до того, как они достигли Города, Ив услышала первые крики и вой, больше похожий на рычание. Она могла только догадываться, на чьей стороне успех.

До сегодняшнего дня Ив не сталкивалась и с истинной скоростью измененных. Они с Изабель достигли города должно быть меньше, чем за минуту. У нее тряслись руки и кружилась голова, но итальянка не отпускала. Почти сразу за их спинами возникли еще трое из ее свиты.

— В лагере почти не осталось людей, — буднично сообщил один из них, словно говорил о пирожных в булочной. — Наверное, ушли под землю, основные проблемы возникнут там.

Изабель кивнула, вручила Ив факел и толкнула девушку к пустой, зияющей темнотой, глазнице прохода.

— Пойдешь первой. Если вздумаешь выкинуть какой-нибудь трюк, я сверну тебе шею.

Ив осторожно ступала по лестнице, с каждым шагом загоняя страх все глубже внутрь себя. На этот раз ей казалось, что стены сжимаются, и вот-вот раздавят ее в своих тисках. Тома без сомнения внизу, но получится ли у него справиться с Изабель? Сегодня утром

Ив предала его и сейчас лично сопровождала монстров в убежище, которое они вряд ли обнаружили бы без ее помощи и знания шифра. Или это был вопрос времени? Если бы она могла предупредить...

Перед входом в город, Ив остановилась и тут же почувствовала руку Изабель на своей шее.

— Вперед, куколка!

Глубоко вздохнув, Ив шагнула из коридора арок в город и невольно зажмурилась. Факелы были повсюду: десятки, сотни, отражавшиеся в древнем металле, как в зеркалах. Кто-то резким рывком дернул ее на себя, Ив потеряла равновесие и поняла, что падает, пальцы бессильно сомкнулись на пустоте.

Разъяренные крики Изабель и выстрелы слились воедино. Визг пули, срикошетившей совсем рядом, был последним, что слышала Ив: она ударилась головой и на краткий миг потеряла сознание.

Первым, кого она увидела, очнувшись — измененного, одного из свиты Изабель. Он корчился на полу, изрешеченный пулями. Ранения причиняли ему страшную боль. Тома времени даром не терял и его люди тоже. Вряд ли измененных могли остановить обычные пули. Додумать она не успела: лезвие, отразив свет ближайших факелов, полыхнуло совсем рядом, и в лицо ей брызнула кровь. Голова измененного покатилась в сторону. В следующий момент Жиль подал ей руку, резко вздернул на ноги.

— Цела? Стой здесь и никуда не ходи.

Ив нашла в себе силы кивнуть, и тот пошел дальше. Больше в пределах видимости не наблюдалось никого живого.

Искусственное освещение представило взгляду картину не менее ужасающую, чем в гостинице. Тишина только подчеркивала безмолвность и величие проклятого города. Судорожно вдохнув, Ив оттолкнулась от стены и шагнула вперед. Шаг, еще шаг. Она не понимала, что делает, и как могла оказаться среди всего этого кошмара.

От увиденного хотелось кричать, но с губ не сорвалось ни звука. Голова закружилась и Ив чудом удержалась от очередного обморока. Под ногами хрустело каменное крошево, щедро залитое кровью: людей Тома, разорванных на куски, и обезглавленных измененных.

Ив ступала осторожно, затаив дыхание. Мертвые лица людей с остекленевшими глазами, тех, с кем она работала несколько лет, еще долго будут ей сниться. Конечности изогнуты, как у кукол, под неестественными углами, не всегда целые. Оторванные головы с искаженными гримасами. Ив закрыла рот руками, понимая, что из горла рвется безумный, булькающий смех.

Прислонившись к ближайшей стене, она сделала несколько глубоких вдохов перед тем, как продолжить путь. Завернула за угол и буквально споткнулась об Изабель. Она прошла дальше всех. Красивые черты исказила гримаса боли, щедро приправленной злобой раненого зверя. Рядом с ней валялась стрела, которую она сама вырвала из груди. Окровавленный наконечник поблескивал в пламени факелов.

— Чертовы... твари... — прохрипела измененная.

— Ив! — она успела только обернуться на голос Тома, вздохнуть с облегчением — он жив, а в следующий миг уловила быстрое движение за спиной.

Два выстрела, один за другим. Первый отшвырнул назад Изабель, готовую вцепиться ей в горло, второй болью обжег висок.

— Не стрелять!

Она почувствовала, как по шее заструилась теплая липкая жидкость и снова упала. Падение, бесконечное падение вновь и вновь. Ив надеялась только на то, что это будет последним. Сквозь застилающую глаза темноту слышался голос Тома, поблизости мелькал свет, доносились чьи-то взволнованные крики. Ив почувствовала, что ее куда-то несут. Тома сжимал ее руку, он был рядом, но все же сейчас она желала услышать голос Ригана. Хотя бы в последний раз. Пусть даже прочитать насмешку в его голосе, все равно, пусть.

Но Ригана не было рядом, и некому было сказать: «Я с тобой, Котенок». Ив потеряла сознание, так и не дождавшись.

Глава 12

Женвилье, Франция. Лето 1913 г.

Он смотрел на могилу с ее именем. Смотрел и не мог поверить. Губы кривились в злой недоверчивой усмешке, как если бы Риган только что услышал, что это чья-то долбаная шутка. После той ночи, когда отчим Ив благополучно сплавил его в Орден, он на своей шкуре узнал и об их методах расспросов и о том, что фанатизм и идиотизм — извращенные близнецы, которые идут рука об руку.

Они считали, что Риган притащил за собой хвост измененных к их чертову местовырождению смертельного металла. На самом деле его привел Джордж Уилсон, но у него оказалось отменное алиби: он человек, мертв, и к тому же убит измененным.

Риган не знал ни о том, что произошло в лагере, ни о том, что стало с Ив. До того самого дня, когда сверху пришел приказ перевезти его из филиала Афин в Европу «со всеми личными вещами». Под последним подразумевалась подвеска-ключ, которая якобы потребовалась кому-то в Центре. Разумеется, его не довезли.

Провалившись около суток в горячке — за несколько дней допроса в него влили столько выжигающего внутренности измененных яда, который вкупе с изобретательными пытками дали свой эффект, Риган все-таки пошел на поправку. Благодаря питательным завтраку, обеду и ужину, которые ему поставляла Кло. Она же рассказала ему обо всем, в том числе и о том, что Ив погибла, и что ее тело перевезут в Женевилье. Дюпон настоял на том, чтобы похоронить ее вместе с отцом. Риган с радостью похоронил бы и его, только не в каком-то определенном месте, а разорвав на части и разбросав по всей округе, только воспоминания о ней останавливали его от этого шага.

Он хорошо запомнил промозглую осень, когда узнал о смерти Бланш и пришел на ее могилу. Вечер, когда он распрощался с рассудком для того, чтобы совершить непоправимое. Тот чертов октябрь как нельзя лучше подходил для страшной новости и его безумной скорби.

В июне, в самый разгар цветения полыхающей всеми красками жизни, когда природа раскрывалась, казалось невозможным представить, что где-то существует смерть, и что она пришла за Ив. Он

не смог ее защитить. Не успел. Проявил слабость, потому что Тома был ее дорогим отчимом. Стоило сразу свернуть ему шею и увезти Ив из долбаного лагеря. Вместо этого он подставился сам и позволил ей умереть.

Риган чувствовал, что смерть впервые за долгое время снова заглянула к нему на огонек, и ее холодные костлявые ручищи шевелились где-то в районе сердца, выжимая из него остатки того, что он называл жизнью. Теплая летняя ночь благоухала ароматами свежести и цветов, и подобные ощущения представлялись кощунством и издевательством над самой природой мира, надо всем сущим.

На сей раз ему не хотелось омыть руки в чужой крови, слышать предсмертные стоны и мольбы, только чтобы укрыться от боли на несколько часов. Риган хотел прочувствовать ее всю: от начала и до конца, ощутить в полной мере, потому что понимал, что иначе, затаившись под сердцем, она сведет его с ума.

Он вспоминал, как пришел в себя в Ордене, от весьма ярких неприятных ощущений: плечо пронзил стальной прут, смазанный раствором, от запаха которого его немедленно замутило. Желудок сжался в попытках исторгнуть внутренности, спазм прошел по пищеводу, и он сжал зубы, чтобы удержать стон. Боль пульсировала в плече, растекаясь по руке, и игнорировать ее было невозможно. В глаза ударил яркий свет, Риган даже не успел разглядеть лица находившихся с ним в помещении.

Запястья зажали в кандалах, сомкнувшихся тисками и обжигающих кожу подобно раскаленному железу, тело растянули вдоль стены. Штаны оставили, и на том спасибо. Сама ситуация

поразительно напоминала первую встречу с Ильгой, и Риган горько усмехнулся. Не только Ив не сумел защитить, но и себя.

Ослабленный вынужденной диетой, он чувствовал себя на грани. Зверь внутри рвался на волю, но чтобы обрести свободу и расправиться с мучителями, у него не хватало сил.

Второй раз он открывал глаза осторожнее. Их было двое, и видел он их впервые. Они же смотрели на него так, будто Риган — истинное воплощение зла.

— Дюпон вывез оттуда Эву Ламбер?

Он все-таки надеялся получить ответ, но получил по морде. Вот так последние зачатки наивности подымают в зародыше и окровавленными эмбрионами выкидышей вываливаются из измученного сознания. Риган прищурился, глядя на артерию мучителя, и тот невольно отступил. Приятно было почувствовать его страх, щедро приправленный ненавистью и злобой. Он не мог даже на этом сосредоточиться, все мысли сходились на Ив.

— Тебя наверняка порадует, — издевательски произнес второй, — что не всех ваших убили быстро. Боимся, надолго тебя не хватит, а нам столько всего надо узнать.

Все эти дни в Ордене он держался только благодаря ей. Жил от допроса к допросу в полубессознательном бреду, и когда слышал от Кло, что Ив больше нет, отказался верить. Он и сейчас не верил. Не могла эта планета продолжать вращаться, а луна заливать светом поля и город, где не так давно они были вместе, где звучал ее смех, а он сходил с ума от ощущения ее близости.

Риган сжал зубы, стараясь справиться с отчаянием. Отчаянием, которое не испытывал ни разу до этого дня. Смерть Бланш потрясла до глубины души, выбила почву из-под ног, лишила равновесия и толкнула на убийство. Гибель Ив медленно убивала его самого.

Кло сопровождала его в поездке до Женвилье по приказу Дариана — по всей видимости, по старой памяти о проделках, но ее присутствие было лишним. Он не собирался повторять ни Варфоломеевскую ночь, ни ночь Ригана Эванса в Ньюкасле.

Повернувшись, он твердой походкой пошел по дорожке, ведущей к выходу с кладбища. Не хотелось даже устроить ритуальное самосожжение при свете дня прямо на ее могиле — сжигать было уже нечего. Риган хотел забыть то, что увидел. Единственное, что у него осталось — ее образ. Живая Ив, а не безликая могильная плита.

Он прошел мимо Кло, как если бы не заметил ее. Та только хмыкнула, направляясь вслед за ним. Когда они поравнялись, Риган снова почувствовал, как змеится по губам холодная жесткая усмешка. Боль останется его спутницей надолго, а что насчет ненависти?

— Расскажешь, зачем это Ему? — собственный голос казался чужим.

— Он хотел, чтобы Город нашли люди, — Клотильда взяла его под руку. — Баланс сил. Измененных становится все больше и больше, сам понимаешь, к чему все идет.

— А эта безделушка?

— Ты насчет подвески? Это моральная компенсация. Понимаешь ли, у металла есть необычная особенность. Человек, который будет

носить его при себе — не суть важно весь, или одну из частей, становится невосприимчив ко внушению. Возможно, когда-нибудь у тебя появится подопечный или подопечная.

— Невозможно. Пусть подавится своей древней реликвией.

— Я не стану передавать ему эти слова, а подвеску ты можешь выкинуть в ближайшую мусорную кучу. Если пожелаешь.

Лицо застыло в извращенном подобии зловещей маски. Дариан курирует Орден? Наплевать. Ему не нужна была подвеска? Наплевать еще больше. Но почему он позволил умереть Ив, если знал все заранее? Хотя какое ему дело до молодой женщины, которая отчаянно хотела жить, искать, открывать.

— Ты тоже знала, что там будут другие измененные? — он пристально посмотрел на нее. — Моя весточка не могла добраться так быстро. Меня порезали бы на орденские ремешки раньше, чем ты ее получила. Почему? Зачем столкнул их в этой бойне на Крите? Зачем нужен был я?

Клотильда вновь не стала увиливать от ответа:

— Почему мы просто не отдали им Город? Человечки любят сложности. Им нужно постоянное напоминание о том, что ненависть к измененным имеет под собой почву. Орден постигло бы страшное разочарование, если бы они не столкнулись у такого ценного приза со своим врагом. Зачем же расстраивать тех, кто нам помогает? Направлять чьи-то мысли в верное русло проще, чем командовать и принуждать.

Так вот за что погибла Ив. За напоминание о том, что измененные — кровожадные ублюдки. Чтобы Орден резвился, получив в руки смертоносный металл, переплавляя его в пули и кинжалы, чтобы охотники могли обвешаться оберегами — защитой от внушений и чувствовать себя гораздо увереннее.

— И что же, нас теперь можно убить, совсем как в легендах? — криво усмехнулся он. — Осиновый кол, забитый через задницу до глотки или серебряная пуля? Тьфу, кол и пуля из металла «конец Дракуле». Это больше смахивает на фольклор, чем на реальность.

— Интересное развитие событий, — рассмеялась Кло, и Ригану вдруг захотелось ее придушить. За то, что она сейчас может смеяться, а Ив никогда больше не улыбнется. — Нас по-прежнему сложно убить. Попадая внутрь, металл причиняет нам страшную боль, отравляет изнутри. Если не вытащить пулю в течение суток, молодого измененного это убьет.

— Чудесная древняя хреновинка, — хмыкнул Риган. — Феи тоже прилагаются, или развесистая ботва на уши от Дариана идет в наборе с новым сортом опиума? Ты что, хочешь, чтобы я в это поверил? Отрава — это еще можно понять, но как металл, будь он сколь угодно древний, может защитить разум человека?

— Достаточно однажды увидеть — и ты согласишься, — Клотильда была как никогда серьезна. — Разве ты не пробовал ни в чем убедить Дюпона? Послушай совета, Риган. В следующий раз убивай ордена сразу. Запудрить ему мозги больше не получится. Это ответ на второй вопрос, зачем во всей этой истории нужен был ты. Тренировка в полевых условиях. Урок выживания.

Казалось, уже ничто не может вывести из себя, и все же Кло это удалось. Тренировка в полевых условиях? Он знал, что у Дариана неповторимые методы работы с подчиненными, знал и о том, что в случае с ним жестокость — понятие относительное. Он даже почти забыл ему Ильгу и проверку, смирился, как с вынужденной мерой. Но это было слишком. Древний гад окончательно поехал крышей, если считает, что ему позволено все.

«А разве это не так? — ехидно шепнул внутренний голос. — Что лично ты можешь ему противопоставить? Он раздавит тебя, как клопа, и даже не своими руками».

— В следующий раз так и поступлю, — нашел в себе силы ответить Риган, — даже если орденец согласится танцевать хорнпайп⁴ с голым задом. А теперь будь так любезна, оставь меня в гордом одиночестве. Я не собираюсь никого убивать.

Клотильда остановилась и улыбнулась.

— Я надеюсь на твою сдержанность. У меня и так дел по горло, чтобы замечать следы чьей-то ярости.

— Кое-что еще. Когда я пытался прочитать парня, работающего на Изабель, отправил его к праотцам. Что это было?

— Простейший блок измененного. Чем старше мы становимся, тем надежнее блоки. Ты полез за информацией, которую Изабель желала сохранить в тайне. Если бы она была постарше, ты бы просто ничего не обнаружил, но ее блок, который ты пытался сломать, убил Уилсона. Вскипятил ему мозги.

— Понятно, — усмехнулся Риган, — как вам удастся скрывать силу от младших?

— Это просто приходит. С возрастом. Не в первую и не во вторую сотню лет, — видно было, что вопрос Кло не понравился. Возможно потому, что сама она не могла дать на него точного ответа, не подозревая об истинной природе своих способностей.

Она оставила его одного по-английски. Исчезла за поворотом, словно призрак. Приближенные Дариана умели быть незаметными. Без сомнения, она всегда находилась рядом, но не сочла необходимым прерывать спектакль, в котором Риган играл главную роль. Он даже не взглянул ей вслед, направляясь по улочке в сторону дома Ив.

Остановившись у окон вдовушки, с которой развлекался до знакомства с ней, Риган прислонился к стене. Ему казалось, что сейчас в одном из окон в темноте мелькнет ее силуэт, а потом в кабинете станет светлее, и она сядет за работу. Будет хмуриться и кусать губы над своими шифрами, а пряди волос упадут ей на лицо. Ив уберет их за ухо — он хорошо помнил этот жест.

Дом был мертв. Он не чувствовал даже присутствия старенькой Жюли. Не удержавшись от соблазна, Риган все-таки зашел внутрь. Мебель была затянута простынями, а в кабинете, вопреки его более чем ярким воспоминаниям царил холодный порядок. Большую часть книг вывезли, остались только старые карты, сваленные в углу и обреченные гнить в неизвестности. Запах Ив еще сохранился здесь, она будто была повсюду и нигде. На столе лежала книга, которую Риган тоже помнил хорошо. Пруст, сборник новелл.

Риган провел пальцами по корешку, вспоминая день, когда заговорил с ней впервые. Это было слишком больно, и книга полетела в угол. Следом отправился стул, жалобно треснула зацепившаяся за край стола ткань. Он обещал Кло не громить город, но ничего не говорил про дом Ив. Остановился только когда в кабинете не осталось ни единой целой вещи, в доме напротив встревоженная вдовушка металась по своей спальне, обеспокоенная шумом, кто-то из соседей выбежал на улицу, надрывно лаяла собака.

Риган ухмыльнулся занимающемуся рассвету и покинул дом до того, как в дверь начали стучать. Свисток жандарма застал его уже в конце улицы. Ив вряд ли порадовалась бы, узнав, что он разнес святая ее святых. Вот только она никогда и ничего больше не узнает. Она мертва и ей все равно.

Эпилог

*Эванс-Холл, предместья Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания.
Осень 1975 г.*

Девчонки в восторге от стильных мужчин и их не менее стильных тачек. Еще больше они прутся от дорогих старинных особняков с многовековыми тайнами. Риган открыл для себя, что сочетание три в одном производит неизгладимый эффект. Знала бы сейчас порхающая по комнатам Вера, какие тайны на самом деле скрывает это место, а так же кто ее галантный кавалер, забилась бы в угол и скулила от страха.

Ригану было не до размышлений о чувствах очередной любовницы. Она тешила эстетический вкус, а ему последние недели приходилось работать в поте лица. То есть проводить собеседования с парнями, претендующими на роль дворецкого в Эванс-Холле.

Он все-таки дозрел до того, чтобы восстановить родовое гнездо и изредка наведываться в него. За это время он нашел только двух достойных кандидатов, но и те по-быстрому сбежали, оценив объем работ, который им предстояло провести прежде чем особняк снова станет жилым.

Валяясь на пыльной, полуразвалившейся софе с истлевшей обивкой, Риган перебирал новые резюме и откровенно зевал. Заставить бы делать кого другого, вот только больше некого. Зато когда у него будет дворецкий... Вчера он переговорил с семью кандидатами — беспросветно, правда оставался еще восьмой, которого он попросил приехать сразу на место, чтобы не терять время.

Джулиан Хартстридж, англичанин до мозга костей, сорок лет. Сыну пять, жене — двадцать восемь, в наличии собачка и кошечка, опыт работы, рекомендации и прочее.

Появился он минута в минуту, не заставив себя ждать и не напрягая своим присутствием заранее. Риган оценил этот жест, потому что в последние дни от навалившейся скуки снова захотелось приключений и кровавых расправ.

— Добрый день, сэр, — появление бесценного гостя заставило Ригана сесть, а вот скрыть зевок не удалось. — У вас тут все двери нараспашку, и я подумал...

— Хорошо, что подумали. Вы ведь Джулиан, верно? — Риган вспомнил, что напрочь забыл про приветствие. — Знаете, я тут уже неделю торчу, и мне охренительно скучно. Скажите мне только одно: вы согласны заняться этим древним сараем, привести его в божеский вид и поддерживать в таковом на протяжении энного количества лет?

— Все верно, Джулиан. Да, вполне.

— Тогда вы приняты, — Риган отшвырнул листки с резюме, и они ворохом рассыпались по полу, поднялся, протягивая руку, — меня зовут Риган, давайте без церемоний, никаких сэров-пэров. Жалованье согласно указанному в объявлении плюс сверхурочные на время восстановления сарая... Хм, особняка. Если мне понравится то, во что вы его превратите, в долгу не останусь.

Он достал чековую книжку, выписал чек и вручил мужчине. Когда тот увидел сумму, глаза у него разве что на лоб не полезли.

— Это на первое время, так сказать, стартовый капитал.

— Вам не кажется, что здесь слишком много сэров... Риган?

— Слишком много бывает людей в час пик в транспорте, но не денег, Джулиан. Кстати, как зовут вашу очаровательную жену и сына?

— Джоанна и Джонатан.

«Отца, вероятно, Джереми, а мать, скорее всего, Джульетта».

Этого Риган вслух не сказал.

— В вашем распоряжении будет целое крыло, я покажу. Вот гадость! — Риган от души пнул крысу, выскочившую прямо под ноги, и та впечаталась в стену со звучным хрустом. — Не обращайтесь

внимания. Просто я их не люблю. Заразу разносят и гадят где не попадя. У вас ведь кошка есть?

— Да, Джулс.

— Очаровательно. Надеюсь, у нее будут котята. В их распоряжении тоже целое крыло.

Пока что Джулиан вел себя нормально и не пытался слиться, хотя по отстраненному выражению лица истинного дворецкого все-таки пробежало несколько весьма интересных эмоций. Риган как раз заканчивал экскурсию по особняку, высказывая свои пожелания, когда откуда-то сверху донесся отчаянный визг Веры.

— Что я говорил? Твари, — хмыкнул он. — Итак, Джулиан, в вашем распоряжении мой банковский счет и любая посильная помощь, которая потребуется. Координаты я вам оставляю, и...

Он наклонил голову, прислушиваясь: внутренний зверь уловил едва различимое движение и тонкий писк, никак не связанный с грызунами. Парк, окружавший поместье, давно превратился в лес. Возможно, там водилось нечто более серьезное, чем крысы, но продиравшееся сейчас сквозь заросли существо точно принадлежало к семейству человеческих. Хотя бы потому, что забавно ойкало, цепляясь за ветки и ругалось — благопристойно и потому вдвойне смешно.

— Я вас оставляю на пару минут, — произнес Риган и направился навстречу госте. Кого могло занести в Эванс-Холл холодным октябрьским вечером, он понятия не имел, но это было, по меньшей мере, интересно.

Риган вышел через некогда центральный вход, а в настоящем блаженные полуразрушенные стены, и направился в заросли. За то время, что особняк пустовал, он был разграблен и загажен по самое не могу. Трава пробилась даже сквозь камни подъездных дорожек и прогулочных тропинок, некогда красивый фонтан представлял собой изуродованный каменный обрубок, торчащий из земли.

Двигался Риган бесшумно и вскоре в осенних блеклых сумерках заметил яркое пятно, прыгающее по зарослям пожухлой травы, между лысеющих деревьев. Молодая особа, была одета по последней моде: яркие расклешенные брюки и в тон им курточка, под ней свитер с геометрическими узорами, сапожки. Ее искусственно высветленные, но вполне ухоженные волосы под порывами ветра и изредка орошающим грешную землю дождиком превратились в высокохудожественную прическу. Оказавшись в нескольких шагах, за деревьями, Риган замер, вглядываясь в ее черты.

Он не мог ошибиться, даже если бы очень захотел: девчонка была очень похожа на ту, кого он оставил в далеком прошлом. На ту, кого не смог уберечь. Тот же разрез глаз, черты лица, которые он запомнил лучше, чем ему того хотелось бы. Даже спустя столько лет она иногда снилась ему. Вот только сейчас это был не сон.

Случись такое в далеком тысяча девятьсот тринадцатом или же спустя хотя бы пару десятков лет, которые для него превратились в ад, Риган списал бы это на помутнение рассудка. Сейчас же он думал о том, что у Ив не осталось ни братьев, ни сестер. Или он просто не знал о них.

— Вечер добрый, — произнес он, шагнув из-за дерева ей навстречу, — зачем же вы забрались на ночь глядя в сию обитель

мрака?

Девушка не заметила его приближения, вскрикнула и шарахнулась назад.

— Вы меня напугали! — яростно выпалила она, французский акцент выдавал ее с головой. — Я ищу Эванс-Холл. И мне никто не сказал, что он находится в лесу. — Она пристально посмотрела на него. — Вы покажете, куда идти?

— Вы не первая, кого я напугал. Туда, — Риган неопределенно махнул рукой в сторону, откуда пришел, — но там сейчас только Джулиан, Вера и крысы. Чуть позже появятся еще Джоанна, Джонатан, Джулс, и собака, имя которой я не удосужился узнать. Ты кого-то из них ищешь?

— Мне нужен Риган Эванс, — важно сообщила загадочная особа, направляясь в указанную сторону. — Или его потомки. Я что-то вроде почтальона.

Она тихо выругалась, когда наступила и погрузилась чуть ли не по самую щиколотку в грязную жижу. От подобного приключения гостя явно была не в самом лучшем расположении духа.

— Могу я узнать ваше имя?

— Риган Хэйс-Эванс, — произнес он, стараясь не думать о том, кто она такая. Незнание в некоторых случаях — благо. Он наслаждался последними мгновениями покоя, который вот уже долгое время никому не удавалось потревожить.

Девушка резко остановилась, прищурилась, пытаясь внимательнее рассмотреть его лицо.

— Вас назвали в честь деда? — рассмеялась она. — Тому Ригану, которого я ищу, должно быть около восьмидесяти.

— Да, я его внук.

Девушка прыгала по кочкам, стараясь избежать очередной встречи с лужами в ямках, которыми была испещрена вся земля. Риган ступал рядом, и его совсем не волновала чавкающая под ногами грязь, сырость и промозглый вечер. Измененным холод не причинял вреда, разве что самую малость душевного дискомфорта: когда в ботинках хлюпает, а за шиворот забирается ледяной ветер — это малоприятно.

Они добрались до главного входа, из-под выложенной камнями дорожки тоже пробивались сорняки всех сортов.

— Ну и развалюха, — прокомментировала девушка зловещий вид Эванс-Холла. — Ой! Я забыла представиться! — она протянула Ригану руку. — Аннабель Рени. Вряд ли ваш дед здесь, где мы можем его найти? Если здесь найдется чай, будет здорово, а потом мы можем поехать к нему. У меня письмо от бабушки.

Риган поцеловал ее пальцы и пожал плечами, по-прежнему успешно избегая мысли как о бабушке новой знакомой, так и о ее письме.

— Мой дед умер, Аннабель, а на меня свалилась обязанность по восстановлению родового гнезда. Чая здесь нет, зато...

Договорить ему не дали. В изломанной глазнице дверного проема возникла Вера. Любовница выглядела продрогшей, и неудивительно. Красивое платье, сапожки и плащ совсем не спасали от холода. Ее не

остановили даже слова Ригана о том, что придется пару часов провести в сыром, разрушенном и неотапливаемом особняке.

— Риган! Ты мне обещал романтический особняк, а это что? Там крысы размером с собаку! И кто это еще такая? Когда мы вернемся в город? Я замерзла!

— Вера, это Аннабель, Аннабель, это Вера, — произнес Риган, пробравшись через словесный поток любовницы, — почему бы тебе не пойти погулять еще? Ты наверняка не все посмотрела.

Под внушением весь боевой настрой Веры сошел на нет, она послушной куклой прошлепала обратно. Устраивать разборки не было ни сил, ни желания.

— Зато тут есть Вера, — добавил он, — если не возражаете, прокатимся до города и посидим там, где тепло? Здесь пока ловить нечего.

Аннабель проводила Веру взглядом и вздохнула с явным облегчением: по всей видимости, не желала присутствовать при разборках пары.

— Я с радостью, — согласилась она. — Если ваш дедушка умер... письмо принадлежит тебе. Давно это произошло?

«Его нет на свете уже более двухсот лет, и мир от этого не много потерял», — цинично подумал Риган, а вслух произнес:

— В тысяча девятьсот тринадцатом. Летом.

— Ого, — растерянно пробормотала Аннабель, — но ведь они именно тогда познакомились с бабушкой...

— Давай перенесем этот разговор в кафе, — оборвал ее Риган.

Он предупредил Джулиана, чтобы забрал Веру, когда будет возвращаться в город, оставил адрес, по которому его можно найти в Ньюкасле, и вместе с Аннабель они направились к машине. Она все время улыбалась, не прекращая рассматривать Ригана. Улыбалась ее улыбкой, но больно от этого уже не было. Старые шрамы не болят.

— Если ваш дед был хотя бы отчасти таким симпатичным, как вы, я понимаю чувства бабушки.

Он не ответил, с трудом удержавшись от резкого пожелания катиться куда подальше. Неизвестно откуда, из пугающей темноты безразличия накатило чувство удушающей мерзостной злобы — на Аннабель, на Ив, на весь мир.

Даже не открывая письма, он сложил в уме дважды два. Она не умерла тогда, на чертовом Крите. Он должен был ощущать радость, радость от сознания того, что у нее было на несколько десятков лет больше, чтобы познать столь обожаемый ей мир, но изнутри его пустоту сейчас заполняла страшная, черная темнота.

Тома устроил ей новое имя, новую жизнь, и Ив предпочла молчать об этом, даже не потрудившись связаться с ним. Непонятно, что наплел ей опекун, что у Ив не хватило даже милосердия поставить его в известность о том, что она жива. Она могла отказаться становиться измененной, но у нее не было никакого права позволять ему пройти через все круги Ада.

По всей видимости, Ив посчитала, что для него было просто перешагнуть через случайное приключение с молоденькой девочкой. И не потрудилась подумать, что жизнь без нее превратилась в кошмар.

Риган сжал кулаки, вдохнул и выдохнул. Это всего лишь прошлое. Ничего больше. Тогда какого черта ей потребовалось лезть в его жизнь сейчас, спустя столько лет? Решила исповедаться? Да будь оно все трижды проклято!

Он гнал по темной сколькой дороге с такой скоростью, будто за ним гналось мифическое нечто, собиравшееся поглотить его со всеми потрохами. В каком-то смысле, так оно и было.

— Можно помедленнее? — попросила Аннабель, которую вжимало в сиденье. — Я еще жить хочу.

Он пропустил слова внучки Ив мимо ушей, и, будто поймав его настроение, она молчала всю оставшуюся дорогу.

Аннабель отдала ему письмо, когда они расположились в одном из кафе Ньюкасла. Диалога у них толком не получилось, потому что говорила преимущественно она. Риган отстраненно смотрел на светлую скатерть с бахромой, на дымящийся кофе, на порхающих между столиками официанток, на льющийся из-под абажуров свет, и думал о том, что здорово проштрафился в прошлой жизни, судя по тому, что с ним происходит в этой.

Рассказ Аннабель больше напоминал исповедь с того света. Они с Ив были очень близки и только внучке она смогла рассказать о том, чей образ пронесла в сердце сквозь года.

— Бабушка уверяла, что не опоздает с письмом. Говорила, что у Ригана... у вашего деда было отменное здоровье. Думаю, она и не подозревала, что ее возлюбленный погиб сразу после того, как они расстались. Как это произошло?

— Несчастный случай, — ухмыльнулся Риган, — он настолько заиклился на вашей бабушке, что после их расставания ходил сам не свой. Однажды, будучи пьяным в стельку, он скатился на дорогу в Нью-Йорке, и его переехал автомобиль.

— Ужас какой, — пробормотала Аннабель.

— И не говорите, милая леди. Ужас. Это было больно. То есть я хотел сказать, ему было чертовски больно. Когда они расстались и когда его переехал автомобиль. Вот вы как считаете?

— Не знаю... — пробормотала Аннабель, невольно вжимаясь в спинку стула под его взглядом, — я, наверное, пойду.

— Сидите, — злым шепотом произнес Риган, и она замерла под его взглядом.

Ив побоялась приехать к нему сама и поговорить, прислала клятые бумажки и внуку. Риган чувствовал себя внезапным участником дешевого трагифарса. Он ненавидел себя за черствость, с которой воспринимал все происходящее. Ненавидел, но иначе не мог. В памяти Аннабель он наверняка останется одним из самых циничных ублюдков изо всех, кого ей доводилось и еще только доведется встретить.

— Я никогда не был близок с дедом, и история его любви меня совершенно не трогает, — пробормотал он, но Аннабель не ответила, и

неудивительно. Она покорно смотрела на него, ожидая любого приказа.

Риган распечатал конверт, вдыхая запах Ив, смешанный с тонким ароматом ее любимых духов. Он не был подписан, а вот сложенный вчетверо листок внутри хранил еще одно воспоминание. Ее почерк.

Дорогой Риган,

Я не знаю, зачем пишу тебе. Возможно, хочу, чтобы и ты вспомнил обо мне. О той, которая не смогла забыть встречу с тобой за все прожитые годы. Я прокручивала наше знакомство в голове бесчисленное количество раз, пока боль от одиночества не притупилась. Я понимаю, что уже поздно. Я доверилась разуму, а не сердцу, как часто бывает. Я совершила ошибку, которую уже не исправить — причинила тебе боль.

После того, как ты исчез ночью, начался настоящий кошмар. На лагерь напали измененные. В стремлении захватить Город и металл они просто уничтожали всех на своем пути. Я не могла забыть залитую кровью землю, мертвых людей, которых знала. Никогда в жизни не было так страшно, как в ту ночь.

Я была ранена, но выжила. По настоянию Тома, меня занесли в списки погибших и организовали похороны. Дюпон объяснял, что так будет безопаснее для меня. Он все время говорил о твоём предательстве, и в конце концов я поверила. Ты пропал после того, как я отдала тебе ключ, и не мог рассказать мне правду.

Древний Город, который отец хотел подарить миру, остался неизвестным. Оттуда вывезли все, что могло быть полезным, а его сравнивали с землей.

Я сменила имя и переехала в другую страну, но не смогла избавиться от любви. Любви, которой ты меня научил. Я начала новую жизнь, встретила человека, который стал моим мужем. Только благодаря тебе я смогла обрести счастье и позволила себе жизнь, которую раньше просто не представляла. Я посвятила ее мужу и детям, и нисколько об этом не жалею.

Перед смертью Тома рассказал, как все случилось на самом деле. Признался в том, что схватил и помешал забрать меня из лагеря. Я проклинала себя за то, что поверила и смирилась, но сейчас понимаю, что просто трусила. Мне проще было поверить в твое предательство, чем снова оказаться рядом с тобой после того, как я увидела, на что способны измененные.

В минуту слабости я наняла детективов, и они отыскиали тебя. Я хотела увидеться с тобой, поговорить и попросить прощения за то, что не сделала этого раньше. Но с фотографий на меня смотрел молодой мужчина, который не постарел ни на год. Вечная молодость — дар, который обошел меня стороной. Я уже была старухой, которая не могла соперничать с красавицами в твоих объятиях. Ты бы посмеялся надо мной, либо пожалел. Я поняла, что не выдержу разочарования в твоих глазах, и отказалась от своей затеи.

Я хотела прожить с тобой вечность, а провела человеческую жизнь без тебя. Но пусть на краткий миг, я была счастлива, и это многому меня научило. Я никогда не забуду пасмурный, но теплый весенний день в Женевилье и звездное небо Крита, твои крепкие

объятия и нежную улыбку. Я люблю тебя, Риган Хэйс-Эванс. И всегда буду любить.

PS.: Это письмо тебе передаст моя любимая внучка Аннабель. Она — единственный человек, которому я доверила свое прошлое. Я знаю, ты не причинишь ей зла в память обо мне.

Искренне твоя Ив.

Он перечитал письмо несколько раз, чтобы удостовериться в том, что не сошел с ума, пропустить сквозь себя. Прошлое остается в прошлом, пусть даже оно всеми силами цепляется за остатки воспоминаний, пытаясь выбраться на поверхность. Риган не понимал Ив и не хотел искать оправданий ее поступку. Все уже произошло, так к чему беречь старые раны. Она приняла решение провести свою жизнь без него, и это ее право.

Риган достал из-под рубашки цепочку с подвеской, с которой не расставался шестьдесят два года, сдернул рывком. Металл не мог причинить вреда снаружи, но сейчас будто обрел еще одно мерзкое свойство и обжигал кожу. Риган даже коснулся пальцами груди, чтобы удостовериться, что не осталось ожога.

Он разомкнул зажимы и протянул Аннабель цепочку и часть древней безделушки, которую носила Ив.

— Это принадлежало твоей бабушке. Думаю, она хотела бы, чтобы дед вернул его. Пусть всегда будет при тебе.

Аннабель покорно кивнула, принимая подарок, и в это же мгновение морок спал. Взгляд ее стал осмысленным, она озиралась по сторонам, будто пытаясь понять, почему так медлила, и что с ней произошло.

— Спасибо, — неуверенно произнесла она, — так я пойду?

Риган пожал плечами, и Аннабель поспешно поднялась, подхватила сумку и выскользнула за дверь. Эту встречу она будет вспоминать еще долго, и вряд ли когда-нибудь сунется в предместья Эванс-Холла.

— Счет, пожалуйста, — попросил Риган у подошедшего официанта, — и ручку с листом бумаги.

Спустя пару минут Риган уже писал следующие строки: *«Мой дражайший обожаемый братец! Посылаю тебе сей бесценный дар, дабы в твоём лице он обрел верного и преданного хозяина. Ежели найдешь особь человеческого рода, достойную защиты от тварей, подобных нам, осчастливь ее этой фиговиной, и будет всем хорошо. За сим остаюсь собой: засранцем, гадом, нужное допиши сам. Риган».*

Вложив вторую часть древней безделушки в конверт, Риган запечатал его и написал адрес квартиры в Лондоне, где Захари появлялся достаточно часто. Завтра нужно будет отправить посылку курьером.

Он еще долго бродил по улицам, прежде чем оказался в баре на окраине, где заказал бутылку виски и лед, бокал шел в комплекте. Обезболивающие по высшему разряду.

В себя Риган пришел, когда опустела бутылка, и он заказал вторую. В существовании измененного есть свои недостатки: например, быстро надраться не получится.

Оживление за барной стойкой, случайные посетители — все это слилось в единое мельтешение, на которое Риган не обращал внимания. К счастью, прошло не десять лет и даже не двадцать. Он не был уверен, что так просто пережил бы ее смерть дважды, случись это в тридцатых-сороковых.

Какое значение имеет время? Измененные, люди, все проходит и уходит. Даже у Дариана есть свой срок, который пока еще не назван. Вечна только человеческая глупость. Усмехнувшись собственным мыслям, в которых за цинизмом тщетно пытался спрятаться от неплохо завуалированной боли, он снова попросил добавки.

Прикончив третью бутылку, Риган расплатился, а четвертую забрал с собой. Он бродил долго, до рассвета сидел на ступенях набережной, у воды: поочередно то пьянея от дикой дозы алкоголя, бродящего в крови, то трезвея от холода и воспоминаний. Потом поднялся и побрел в сторону кафе, где оставил автомобиль.

День в Ньюкасле обещал быть пасмурным. Тучи, нависшие над городом, наверняка растянулись на много миль. Дождь без устали поливал хмурых людей, спешащих на службу, автомобили, дома, скамейки и деревья. Приметив состояние Ригана, к нему шагнул было хмурый, простуженный полисмен, но встретив его взгляд, забыл о нем и направился в другую сторону.

— Я тоже был, — ответил Риган в пустоту. Ее запах снова с ним, в кармане его куртки, и это вновь причиняло боль. Помолчав, он

добавил. — Счастлив.

На сиденье автомобиля Риган рухнул. Не потому что был мертвецки пьян, хотя, оставайся он человеком — а сейчас именно этого ему и хотелось, давно валялся бы в какой-нибудь сточной канаве, в мире грез. Он чувствовал себя чертовски усталым и выжатым.

Несмотря на донельзя мерзкое утро, жизнь продолжалась. Риган смотрел на женщину, спешившую по своим делам, на толстяка с собакой, тянувшего пса за собой с такой силой, что тому не то что сходить по делам, выжить бы удалось, на мамашу с ребенком, который канючил, на двух высоких джентльменов, один из которых тщетно поднимал ворот своего хлипкого плаща. Порывы ветра швыряли в лицо людям холодные дождевые капли, заставляя торопиться, подгоняя. Куда и зачем? Свои фантомные цели они видят в особом свете. Именно это заставляет их просыпаться по утрам, двигаться, спешить. Жить.

Что бы они все делали, получив в запас неограниченное количество времени и бесконечную жизнь? Риган завел машину и выехал на дорогу. Философия никогда не была его коньком, и он не собирался ничего менять. Пусть ораторствуют другие. Те, кому есть что сказать. В его случае все гораздо проще: секс, женщины, виски, иногда Дариановы поручения, будь он трижды неладен. Надо отдать ему должное, именно благодаря Древнему он до сих пор жив и не поехал крышей.

В квартире его встречала заспанная Вера. Она следовала моде, и тоже осветляла волосы, как и большинство девушек. В отличие от волос Аннабель, ее патлы такое надругательство переносили гораздо хуже. Одета она была почему-то только в его рубашку, под которой не

было ничего. Разумеется, Вера не могла вспомнить, как и почему они вчера расстались, только благодарила Джулиана за то, что он не бросил ее одну в Эванс-Холле.

— Первое, о чем подумала, когда проснулась и не обнаружила тебя рядом — как ты и что с тобой. Странно, правда? — она потерла виски, пытаясь унять головную боль — вмешательство измененных в сознание редко проходит безболезненно. Старшим, говорят, удастся сделать это незаметно, но ему еще расти и расти. — Как думаешь, влюбиться в тебя — хорошая идея?

Она светло улыбнулась ему, и Ригана передернуло. В воспоминаниях так на него смотрела Ив.

Он толкнул ее к стене и впился поцелуем в губы. Рубашка под пальцами жалобно треснула, ласки были скорее настойчиво-грубыми, но Вера все равно заливалась смехом, пока тот не перешел в стоны наслаждения. В миг оргазма выгнулась всем телом и тонко вскрикнула от боли, когда Риган впился зубами в ее шею, разрывая артерию. Он держал ее в руках, запоминая и конвульсивные содрогания тела, и последние удары сердца. В широко распахнутых мертвых глазах застыл вопрос и Риган выдохнул ей в губы:

— Дурацкая.

Он разжал руки, и Вера рухнула под ноги поломанной куклой. Перешагнув через нее, Эванс направился в ванную.

Опираясь руками о стены по обе стороны от зеркала, долго смотрел на собственное отражение. Ив считала измененных чудовищами, и она не ошиблась. Последние строки письма, где она

просила за свою внучку, были весьма красноречивым тому подтверждением.

Зверь всегда остается зверем, и сколько бы он ни жался к ногам, в нем живет нечто гораздо более древнее, чем любовь пригревшего его человека. Инстинкты. Ив любила его, но так и не смогла ему доверять.

Пожалуй, она была права.

Конец

Заметки

[←1]

Здесь подразумевается незаконнорожденный.

[←2]

Комфортабельный вагон, получивший название по имени американского фабриканта и изобретателя спальных вагонов.

[←3]

Суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Также они выступали против дискриминации женщин в целом.

[←4]

Хорнпайп — народный танец, название которого произошло от валлийского музыкального инструмента. Близок к джиге, изначально был сольным мужским танцем.